

DOI: 10.15507/2413-1407

ISSN 2413-1407
eISSN 2587-8549

Регионология

2025 Том 33, № 1
Vol. 33, no. 1

Russian Journal
of Regional Studies

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

16+

Регионология

Том 33, № 1. 2025 (январь – март)

Сквозной номер выпуска – 130

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 33, no. 1. 2025 (January – March)

Continuous issue 130

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

Регионология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Science Citation Index*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph.D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published:

Social Structure, Social Institutions and Processes (Social Sciences)

Political Institutions, Processes, Technologies (Political Sciences)

International Relations (Political Sciences)

Economic Sociology (Social Sciences)

Demography (Social Sciences)

Demography (Economic Sciences)

Political Sociology (Social Sciences)

Political Sociology (Political Sciences)

Sociology of Culture (Social Sciences)

Sociology of Management (Social Sciences)

Public Administration and Sectoral Policies (Political Sciences)

Regional and Branch Economics (Economic Sciences)

World Economy (Economic Sciences)

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь, кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножко Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталья Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, независимый исследователь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Швайба Дмитрий Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и логистики Белорусского национального технического университета, заместитель генерального директора ЗАО «Белнефтехстрах», ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabia@tut.by (Минск, Республика Беларусь)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Ped.), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya V. Shumkova – Executive Editor, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya L. Antonova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bakhlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr.Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Valeriia V. Kulibanova – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolubova – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Leading Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr.Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Dzmitry N. Shvaiba – Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Chair of Economics and Logistics, Belarusian National Technical University, Deputy General Director of ZASO Belneftstrakh, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabia@tut.by (Minsk, Republic of Belarus)

Serghei L. Sprincean – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Deputy Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

- А. С. Михайлов, М. М. Филатов, А. А. Михайлова.** Мировая гонка за научное лидерство и место России в ней: результаты наукометрической оценки 10
- П. И. Пашковский, Е. В. Крыжко, Л. А. Крыжко.** Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения 33
- С. Ю. Белоконов, П. Д. Белитченко.** Особенности применения концепта многополярности при описании современного состояния мировой экономики 48

Политические институты, процессы, технологии

- Г. В. Торопчин.** Индо-Тихоокеанская политика Германии и Европейского союза: к прагматизму, основанному на ценностях (на англ. яз.) 63
- Б. П. Гуселетов, Н. М. Великая.** Трансформация партийных систем в странах Центральной Азии в контексте укрепления политических режимов 77
- А. В. Горохов.** Кооптация оппозиции на региональных выборах в России: факторы влияния (на примере кампаний 2019–2023 гг.) 91

Региональная и отраслевая экономика

- П. В. Дружинин.** Особенности развития регионов центра европейской части России в 2009–2021 гг. 104
- А. А. Тютюников, А. В. Улезько.** Концептуальный подход к организации сельских территорий на основе агломерационных структур 120
- М. В. Кизимиров, Е. В. Черняев.** Анализ факторов пространственного распределения логистических объектов 138
- А. Д. Волков, Н. А. Рослякова.** Экологическое поведение населения Мурманской области: особенности и факторы 152
- Информация для авторов и читателей** 171

CONTENTS

International Relationships

- A. S. Mikhaylov, M. M. Filatov, A. A. Mikhaylova.** Global Race for Scientific Leadership and the Place of Russia: Results of Scientometric Assessment 10
- P. I. Pashkovsky, E. V. Kryzhko, L. A. Kryzhko.** Russophobia as a Component of Modern Geopolitical Confrontation: Global and Regional Dimensions 33
- S. Yu. Belokonev, P. D. Belitchenko.** Application Features of the Multipolarity Concept in Describing the Current State of the World Economy 48

Political Institutions, Processes, Technologies

- G. V. Toropchin.** Germany's and European Union's Indo-Pacific Stance: Towards a Value-Based Pragmatism 63
- B. P. Guseletov, N. M. Velikaya.** Party System Transformation in Central Asian Countries in the Context of Strengthening Political Regimes 77
- A. V. Gorokhov.** Co-Optation of the Opposition in Regional Elections in Russia: Factors of Influence (Evidence of Campaigns 2019–2023) 91

Regional and Sectoral Economics

- P. V. Druzhinin.** Features of the Development of the Central Regions of the European Part of Russia in 2009–2021 104
- A. A. Tiutiunikov, A. V. Ulezko.** Conceptual Approach to the Organization of Rural Territories on the Basis of Agglomeration Structures 120
- M. V. Kizimirov, E. V. Chernyaev.** Analysis of the Factors of Spatial Placement of Logistics Facilities 138
- A. D. Volkov, N. A. Roslyakova.** Ecological Behavior of the Population of the Murmansk Region: Features and Factors 152
- Information for Authors and Readers of the Journal** 171

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ /
INTERNATIONAL RELATIONS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.010-032><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/azqycc>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 001.18(470+571)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Мировая гонка за научное лидерство
и место России в ней:
результаты наукометрической оценки****А. С. Михайлов**^{1,2} ✉**М. М. Филатов**³**А. А. Михайлова**¹¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(г. Калининград, Российская Федерация)² Институт географии Российской академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)³ ООО «СИБУР Диджитал» (г. Москва, Российская Федерация)
✉ mikhailov.andrey@yahoo.com**Аннотация**

Введение. Мировой научный ландшафт за последние 30 лет изменился, сформировались новые полюса роста. Цель исследования – оценка мировой географии прироста научного знания как маркера научного лидерства и определения места России в нем.

Материалы и методы. Исследование основано на подходе пространственной наукометрии с использованием данных из международной реферативной базы Scopus. Это позволило провести пространственно-временной анализ распределения научных публикаций для географических регионов разного уровня (с 1990 г. по ноябрь 2024 г.). Учтены 247 стран и территорий.

Результаты исследования. Доказано, что наибольший вклад в общемировые показатели количества научных публикаций внесли четыре мезорегиона – Северная Америка, Восточная Азия, Западная и Северная Европа. Определено, что европейская и американская научные системы существенно превосходят азиатскую по уровню продуктивности. Урбанизация стала конкурентным фактором в макрорегиональном масштабе для интенсификации научной активности. После 2010 г. выявлен переход к полицентричному устройству мировой научной системы с оформлением трех наиболее влиятельных центров прироста научного знания: европейского, азиатского и американского. В первую очередь произошло усиление Китая. Исследование показало, что среднегодовой вклад России в мировой объем публикаций сопоставим с Африкой, однако после 2022 г. намечился спад публикационной активности, что связано с геополитической турбулентностью.

Обсуждение и заключение. Ожидается, что сохранение международного научного влияния России сопряжено с развитием научно-технического сотрудничества с дружественными странами (в первую очередь с Китаем как новым мировым лидером в сфере науки). Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать полученные результаты в сфере оценки

© Михайлов А. С., Филатов М. М., Михайлова А. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

и управления наукой. Статья обеспечивает прочную научную основу в понимании пространственных закономерностей концентрации мирового научного потенциала и создает основу для прогнозирования географических траекторий его развития. Материалы будут полезны специалистам в области географии знания, пространственной наукометрии и региональной экономики.

Ключевые слова: география науки, география знания, пространственная наукометрия, наукометрический анализ публикационной активности, публикационная продуктивность, международное научно-техническое сотрудничество, Россия, Китай, США

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 23-27-00149 «Евразийский вектор партнерства в зеркале межрегионального сотрудничества России и Индии в сфере науки, технологий и инноваций».

Для цитирования: Михайлов А.С., Филатов М.М., Михайлова А.А. Мировая гонка за научное лидерство и место России в ней: результаты наукометрической оценки. *Регионология*. 2025;33(1):10–32. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.010-032>

Global Race for Scientific Leadership and the Place of Russia: Results of Scientometric Assessment

A. S. Mikhaylov^{a,b} ✉, M. M. Filatov^c, A. A. Mikhaylova^a

^a Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation)

^b Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

^c SIBUR Digital LLC (Moscow, Russian Federation)

✉ mikhailov.andrey@yahoo.com

Abstract

Introduction. The global scientific landscape has changed over the past 30 years. Geopolitical shifts of recent decades have contributed to the formation of new growth poles. The objective of the study is to assess the global geography of scientific knowledge growth as a marker of scientific leadership and determination of Russia's place.

Materials and Methods. The study is based on the spatial scientometrics approach using data from the Scopus international abstract database. This made it possible to conduct a spatio-temporal analysis of the distribution of scientific publications for geographic regions of different levels (from 1990 to November 2024). A total of 247 countries and territories were taken into account.

Results. It is shown that the greatest contribution to the global indicators of the number of scientific publications was made by four mesoregions – North America, East Asia, Western and Northern Europe. It was determined that the European and American scientific systems significantly surpass the Asian one in terms of productivity. Urbanization has become a competitive factor on a macro-regional scale for the intensification of scientific activity. After 2010, a transition to a polycentric structure of the global scientific system was revealed with the formation of three most influential centers of scientific knowledge growth: European, Asian and American. First of all, China became stronger. Russia's average annual contribution to the global publication volume is comparable to Africa. However, after 2022, a decline in publication activity was noted, which is associated with geopolitical turbulence.

Discussion and Conclusion. It is expected that the preservation of the international scientific influence of the Russian Federation is associated with the development of scientific and technical cooperation with friendly countries (primarily China as a new world leader in science). The applied value of the study lies in the possibility of using the obtained results in the field of assessment and management of science. The article provides a solid scientific ground for understanding the spatial patterns of concentration of the world scientific potential and creates a basis for forecasting the geographical trajectories of its development. This article will be useful for specialists in the field of geography of knowledge, spatial scientometrics and regional economics.

Keywords: geography of science, geography of knowledge, spatial scientometrics, scientometric analysis of publication activity, publication productivity, international scientific and technical cooperation, Russia, China, USA

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The article was published within the framework of the RNF project № 23-27-00149 “Eurasian vector of partnership in the mirror of interregional cooperation between Russia and India in the field of science, technology and innovation”.

For citation: Mikhaylov A.S., Filatov M.M., Mikhaylova A.A. Global Race for Scientific Leadership and the Place of Russia: Results of Scientometric Assessment. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):10–32. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.130.033.202501.010-032>

Введение. Научная деятельность – фундамент в построении современной инновационной экономики, она является двигателем прорывных радикальных инноваций и способствует генерации новых идей и технологий, необходимых для экономического роста, определяет адаптационные возможности экономики к внешним потрясениям. На страновом уровне эмпирически отмечается наличие связи между величиной инвестиций в исследования и разработки и инновациями [1]. Недофинансирование научной сферы рассматривается как сдерживающий фактор инновационного развития¹, однако эффективность функционирования национальных инновационных систем не всегда напрямую связана с объемом расходов на научные исследования [2; 3]. Для регионов России выявлено положительное влияние инвестиций в образование и науку на инновационную активность и стабильность экономики [4; 5].

Важная часть общей конкурентоспособности – превосходство страны в сфере науки и инноваций на международном уровне. Влияние разных стран на мировую науку неодинаково. Под научным превосходством или лидерством в данном случае предлагается понимать процесс и качественный результат государственной политики по обеспечению эффективного управления национальной научной системой, который позволяет стране, с одной стороны, обеспечивать свой технологический суверенитет, а с другой – извлекать выгоды (экономические, политические, социальные, иные) из международной научно-технической конкуренции. Феномен научного лидерства связан с «влиянием без принуждения» [6, с. 70] и является с позиции внешней политики инструментом «мягкой силы» для государства [7].

Для развитых стран Запада ориентация на экономику знания, как предпочтительную модель развития, позволяет сохранять доминирующее положение в мире. Несмотря на усиливающееся действие факторов вытеснения производств за пределы национальных границ (основные причины – высокая стоимость рабочей силы и энергетических ресурсов), ключевые стадии создания добавленной стоимости (научные исследования, разработка, проектирование, дизайн и др.) остаются во внутристрановом контуре.

Для развивающихся стран укрепление собственного научного потенциала позволяет создавать задел для развития наукоемких и высокотехнологичных производств, а также преодоления ловушки догоняющего развития. В последнем случае политика импортозамещения скорее способствует усилению инновационного отставания, чем переходу на инновационные рельсы развития экономики (показателен пример Индии, специализирующейся на дженериках) [8].

Научное лидерство предполагает, помимо развития внутреннего научно-технического и инновационного потенциала страны, установление разнообразных межнациональных и межрегиональных связей по его активному использованию.

¹ Кумакова С. Увеличение финансирования научных исследований и разработок как условие инновационного развития России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М. : ИНИОН РАН, 2018. Вып. 13. Ч. 1. С. 533–538.

Международное научно-техническое сотрудничество обеспечивает диффузию и абсорбцию научного знания в условиях глобализации и виртуализации, где цифровые технологии играют важную роль. Национальная конкурентоспособность положительно связана со способностью страны использовать эти знания для экономического роста, а также формирования новых или развития уже имеющихся инновационных экосистем в целях общего экономического процветания.

В случае России, с 2014 г. испытывающей санкционное давление со стороны стран Запада на свой научно-технологический сектор, вопрос взаимовыгодного международного научно-технического сотрудничества не теряет приоритетного значения, однако научное лидерство в большей степени сопряжено с достижением технологического суверенитета и переходом к экономике полного инновационного цикла [9].

Исследования в области географии науки показывают, что существуют территориальные закономерности в распределении научной деятельности [10; 11]. Создание и распространение научного знания происходит не только в определенных местах, но и благодаря пространственным причинно-следственным связям между ними (имеются в виду научные связи, сформированные под действием географических и контекстуальных факторов). Оценка динамики показателей развития науки на макроуровне помогает понять, каким образом в мире производится и потребляется научное знание. Научное лидерство, проявляющееся на макроуровне в значимом влиянии на мировую науку, является основой для развития государствами конкурентоспособной инновационной экономики, которая может адаптироваться к изменениям и выступать источником новых идей и технологий.

Таким образом, важно осуществлять мониторинг динамики развития науки на полимасштабном уровне для оценки пространственных и структурных изменений, отражающих концентрацию научного потенциала и интеллектуальных ресурсов. Цель исследования – провести оценку публикационной активности в разрезе макро-, мезорегионов и стран как индикатора научного лидерства, а также определить место России в данном процессе. Гипотезой исследования выступило предположение о том, что в современной географии мировой науки наблюдается «разворот на Восток» как часть более масштабного трансформационного процесса девестернизации и перехода к полицентричному мироустройству.

Обзор литературы. Наукометрический подход широко применяется для изучения и оценки научно-инновационных систем различного территориального уровня [12; 13], в том числе их научной продуктивности [14]. Например, в ранних работах начала 1990-х гг. данные о научных публикациях включались в оценку периферийных регионов Европы², геополитических регионов мира³. Накоплен опыт наукометрических исследований на уровне отдельных мезорегионов (Южной Азии [15], Юго-Восточной Азии [16], Юго-Восточной Европы [17], Магриба, Махрика, Персидского залива [18] и др.) и объединений стран (Сообщество развития Юга Африки (САДК) [19]; БРИК – Бразилия, Россия, Индия, Китай [20] и др.). Отдельное изучение получили вопросы сближения стран мира в отношении

² Lewison G. The Scientific Output of the EC's Less Favoured Regions // *Scientometrics*. 1991. Vol. 21. Pp. 383–402. <https://doi.org/10.1007/BF02093977>

³ Braun T., Maczelka H., Schubert A. Scientometric Indicators Datafiles. Summary Statistics and Trendlines of Major Geopolitical Regions, 1980–1989 // *Scientometrics*. 1992. Vol. 25. Pp. 211–217.

производства знания при сохранении лидерства США и стран Евросоюза [21], асимметрии территориального и отраслевого распределения публикаций и цитирований с указанием на его постепенное сокращение [22], научной продуктивности в отношении наиболее часто цитируемых публикаций [23], диверсификации мирового научного потенциала с развитием научных связей «периферия – периферия» [24].

Интенсивные государственные и частные инвестиции в науку и образование повышают способность стран к самообеспечению научными знаниями и передовыми технологическими решениями, а также способствуют более интенсивному наращиванию человеческого капитала и привлечению инвестиционных и интеллектуальных ресурсов [25]. Научные разработки, созданные в стране, легче проходят адаптацию к условиям внутреннего рынка и лучше подходят для коммерциализации [26]. Доступ к знаниям и технологиям формирует основу для инноваций, повышая эффективность их использования в экономике страны [27]. Еще одно условие конкурентоспособности – количество исследовательских отраслей в национальной научной системе [28]. Важен не только объем проводимых исследований, но и их разнообразие по областям знаний и тематикам.

Помимо внутренних положительных эффектов развитие науки обеспечивает конкурентные преимущества страны на международном уровне [29]. Развитая научная система создает возможности для международного сотрудничества и базу для технологического прогресса, что способствует укреплению позиций страны на мировой арене [30]. Мощность научной системы – ключевой фактор экономической конкурентоспособности, служащий привлечению инвестиций, увеличению генерации высококачественной продукции и диверсификации экономики. Исследование стран ОЭСР подтверждает положительную связь между научной производительностью и конкурентоспособностью, а также умеренную, но значимую связь между инвестициями в исследования и научной производительностью [31].

Важную роль в генерации и распространении научных знаний и инновационных идей играют географические места размещения участников инновационных процессов (пространственный контекст) и связи между этими местами (пространственные закономерности) [11]. Согласно результатам исследований [28], научная и инновационная деятельность концентрируется в местах, где представлено разнообразие исследовательских возможностей, ресурсов и человеческого капитала. Как правило, речь идет о научном лидерстве отдельных регионов и даже городов [32]. В первую очередь научно-инновационными центрами становятся мегаполисы: они привлекают таланты и ресурсы, обеспечивают лучшие возможности для взаимодействия, что позволяет им накапливать и эффективно производить научное знание (яркий пример – коридор Кембридж – Оксфорд – Лондон [32]).

Концентрация научной деятельности в городах создает условия для возникновения инновационных систем, способствующих международному сотрудничеству, обмену информацией, научным контактам и внедрению инновационных идей [11; 33]. Со временем количество городов, которые могут быть отнесены к международным научным центрам, увеличивается, в том числе за счет развивающихся стран, инвестирующих в развитие высоких технологий [33]. Как следствие, в последние годы отмечается реструктуризация географии производства научного знания с растущим влиянием городов Глобального Юга.

Эффективность научной деятельности на региональном уровне во многом определяется наличием местной развитой исследовательской и образовательной инфраструктуры, накопленным кадровым потенциалом. Результаты исследования показывают [32], что объем публикационной активности в регионе положительно связан с количеством исследователей в высших учебных заведениях, а наиболее высокие показатели научной продукции характерны для старых университетских городов и крупных агломераций, где есть доступ к развитой инфраструктуре и большой кадровый потенциал.

В этой связи на первый план выходит важность создания условий для научно-образовательной деятельности на местах, поскольку страны, обладающие высокоразвитыми научными центрами, получают преимущества в глобальных научных сетях и экономическом развитии [34]. Таким образом, управление научным потенциалом должно учитывать местные особенности (культуру, экономические ресурсы, доступ к технологиям [11]), что способствует синергии и устойчивому росту конкурентоспособности на глобальной арене.

Материалы и методы. Методологической основой исследования выступила «пространственная наукометрия» (*spatial scientometrics* [35]), широко используемая в изучении географии науки отдельных стран и регионов [36]. С развитием цифровизации и унификацией структуры метаданных научных публикаций стало возможным проведение географических исследований с привязкой к конкретным населенным пунктам, странам и регионам на больших данных. Научные публикации стали измеримым результатом научной деятельности [37].

Наше исследование фокусируется на оценке научного лидерства в разрезе географических макрорегионов и стран. В работе используется количественный анализ, а под научным лидерством понимается превосходство страны или региона по количеству научных публикаций всех типов.

Для последовательной оценки структуры международного научного пространства на разных иерархических уровнях использован подход по выделению географических регионов макро- и мезоуровня⁴. Учтен страновой уровень агрегации наукометрических данных. Это позволило оценить дихотомию «Запад – Восток» в развитии мировой науки в контексте меняющейся геополитической обстановки и перехода к полицентричному мироустройству, выделить для каждого мезорегиона страны-локомотивы, выступающие драйверами приращения научного знания.

Источником данных для исследования выступила международная реферативная база Scopus. Ее выбор обусловлен несколькими причинами: 1) база имеет широкий географический охват по всем макро- и мезорегионам мира, индексируя более 95 млн научных документов, в том числе более 1,9 млн публикаций авторов из России (с 1990 г.); 2) имеет прозрачный перечень индексируемого контента и четкие критерии по его отбору и мониторингу качества, включая причины для исключения из базы; 3) предоставляет возможность сбора и выгрузки необходимых библиометрических данных с использованием интерфейса программирования

⁴ Воскресенский А. Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы (к постановке проблемы) // Восток – Запад – Россия. Сб. ст. М. : Прогресс – Традиция, 2002. С. 139–142; Гоголев Ф. Современные макрорегионы: проблемы классификации [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2019. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/svfu-experts/34709/?sphrase_id=183190146 (дата обращения: 20.12.2024).

приложения API⁵. Для его использования авторами был написан программный код на языке Python. Работа с кодом выполнена в среде разработки *Visual Studio Code* (*VSCode*).

Алгоритм исследования включал несколько этапов. На первом этапе сформированы сложные поисковые запросы, позволяющие выгрузить объединенные наборы данных о публикационной активности в разрезе макро- и мезорегионов, отдельных стран. Всего в анализ вошли 5 макрорегионов, разделенных на 22 мезорегиона: Европа (Западная, Северная, Южная, Восточная), Азия (Западная, Центральная, Южная, Восточная, Юго-Восточная), Африка (Северная, Западная, Центральная, Восточная, Южная), Америка (Северная, Центральная, Южная, Карибский бассейн), Австралия и Океания (Австралия и Новая Зеландия, Меланезия, Микронезия, Полинезия). Учтено 247 стран и территорий.

Сложность данного этапа заключалась в том, что для формирования наукометрического профиля мезо- или макрорегиона напрямую суммировать количество публикаций отдельных стран нельзя, поскольку это приведет к двойному, тройному и т. д. счету тех публикаций, которые выполнены в международной кооперации. Решением данной задачи стало следующее: 1) создание тезауруса с названиями стран и территорий на русском и английском языках (общеупотребимых и как они представлены в базе Scopus) и указанием географической принадлежности к конкретным макро- и мезорегионам; 2) группировка стран и территорий на мезо- и макроуровнях; 3) формирование расширенных пользовательских запросов, учитывающих результаты данной группировки.

Поиск проведен за период с 1990 г. по ноябрь 2024 г. и не ограничен по типу документов, что позволило проследить динамику разнообразной научной активности в длительном временном промежутке.

На втором этапе произведена непосредственная выгрузка массива данных с последующей валидацией (кросс-проверка): выборочно авторами с помощью ручных запросов перепроверялись данные, полученные на предыдущем этапе. Это позволило уточнить и подтвердить корректность собранных данных. Далее они были структурированы для последующего анализа и перенесены в несколько сортируемых таблиц, что позволило провести более детальный анализ.

На третьем этапе непосредственно проведен анализ собранных наукометрических данных. Дана оценка динамики научной активности (рассчитаны базисные (к 1990 г.) и цепные ежегодные темпы прироста количества публикаций для макро-, мезорегионов и стран), а также структуры распределения научных публикаций (путем расчета доли мезорегиона относительно макрорегиона, макрорегиона – относительно мира, страны – относительно мезорегиона, макрорегиона и мира). Следует отметить, что из-за того, что ряд научных публикаций – результат международной кооперации, то, например, сумма долей макрорегионов по количеству публикаций не тождественна 100 %, т. е. общемировому значению.

Дополнительно рассчитан показатель научной продуктивности как отношения количества научных публикаций к численности населения. Источником данных о населении в выбранных территориальных разрезах выступила база данных

⁵ Application Programming Interface [Электронный ресурс] // Elsevier. URL: <https://dev.elsevier.com> (дата обращения: 20.12.2024).

Worldometers (временной охват включает 1990, 1995, 2000, 2005, 2010, 2015, 2020, 2023 и 2024 гг.).

Для оценки процесса дивергенции/конвергенции между макрорегионами по публикационной активности рассчитан индекс Тейла по формуле [38]:

$$T = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \frac{X_i}{\bar{X}} \ln \frac{X_i}{\bar{X}},$$

где T – индекс Тейла; N – количество макрорегионов; X_i – сумма i -ого наблюдения количества публикаций; $\bar{X}$ – среднее значение количества публикаций.

Чем выше значение индекса, тем больше макрорегиональное неравенство в отношении распределения мирового объема научных публикаций.

Интерпретация полученных результатов производилась с учетом имеющихся объективных ограничений в отношении сбора и анализа наукометрических данных в рамках выбранного подхода и цели исследования.

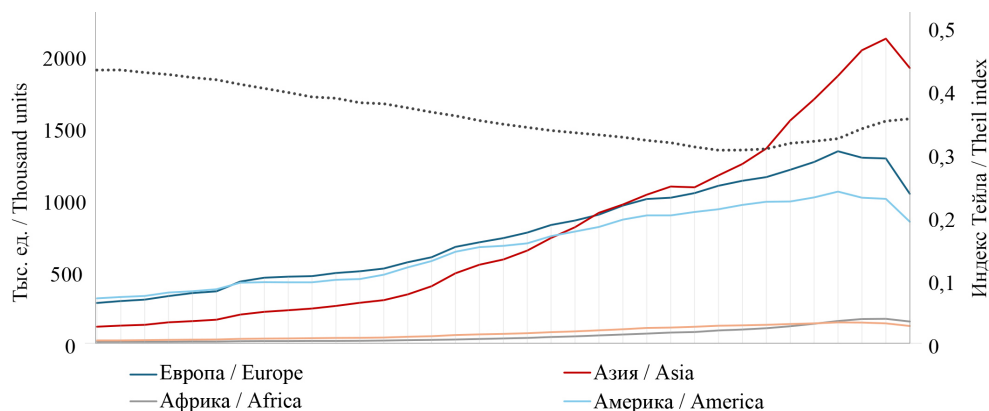
Во-первых, был произведен учет всех индексируемых источников и типов публикаций. Это позволило зафиксировать разнообразие существующих форматов научной коммуникации, что важно для оценки научного превосходства, но не позволило провести оценку качества различных типов публикаций. При этом совокупная мировая доля научных публикаций, не являющихся результатами исследований, не превышает 8 % за весь период.

Во-вторых, конструирование макро- и мезорегионов произведено на основе географического подхода, что не всегда отражает геополитическую, историко-культурную, социально-экономическую и иную связь отдельных стран. Данные аспекты подлежат дополнительному изучению.

В-третьих, общей для наукометрических исследований является проблема неточности и неравенства представленности стран в реферативных базах данных. Погрешность в индексации метаданных публикаций приводит к тому, что 8,0 % публикаций не имеют сведений о стране происхождения, из которых 3,9 % на русском языке. Данный вопрос не раз получал обсуждение в научном сообществе [39]. Кроме того, наполнение базы данных Scopus сведениями о научных публикациях в страновом разрезе происходит неравномерно путем постепенной индексации новых изданий и их архивов. Основа контента формируется журналами крупнейших зарубежных издательств (Elsevier, Springer-Nature, Wiley, Taylor & Francis, Sage и др.), а также данными PubMed / MEDLINE. Представленность России и Беларуси в Scopus (на 27 ноября 2024 г.) осуществлена 829 национальными журналами.

В-четвертых, в исследовании использованы количественные данные о числе публикаций как доступного и универсального средства измерения генерации научных знаний в географическом разрезе. Полноценно сопоставить собранные авторами ряды наукометрических данных со сведениями качественного характера из других источников нельзя. Например, рейтинг стран Scimago, который также формируется на основе данных Scopus, включает дополнительные к количеству публикаций показатели. Однако данные рейтинга покрывают меньший временной период (1996–2023 гг.), меньшее количество стран и агрегированы в иных территориальных разрезах.

Результаты исследования. *Макровзгляд на географию приращения научного знания.* До 2011 г. мировая география генерации научного знания характеризовалась наличием двух ведущих по публикационной активности макрорегионов – Америки и Европы (рис. 1). В 1996 г. между ними произошла смена лидера: на первое место по общему количеству публикаций вышла Европа, которая ежегодно на протяжении 1990–2024 гг. демонстрировала сходные или более высокие темпы прироста данного показателя в сравнении с Америкой (рис. 2). Это позволило европейскому макрорегиону не только сохранить, но и увеличить свой отрыв от Америки. В 2011 г. первое место в количественном приращении научного знания занял азиатский макрорегион, который и далее сохранил быстрый рост количества научных публикаций. Это привело к увеличению асимметрии публикационной активности после периода сближения. Данный процесс нашел отражение в динамике рассчитанного индекса Тейла (последний начал свой рост с 2017 г. после длительного периода постепенного снижения) (рис. 1).

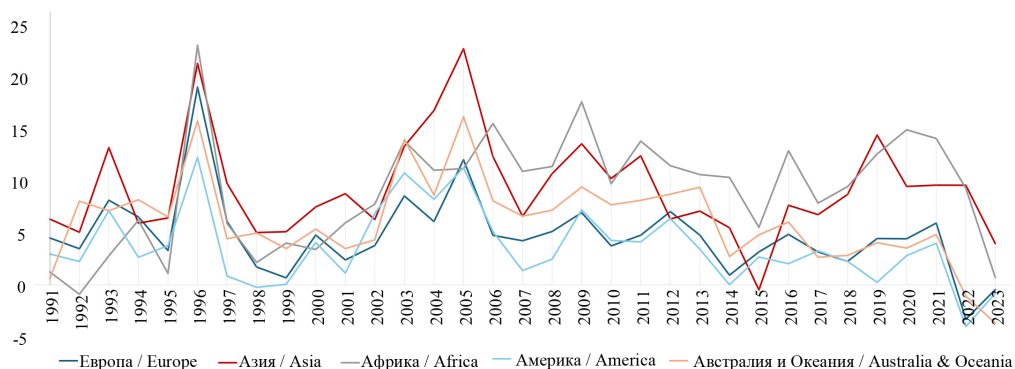

Р и с. 1. Изменение количества научных публикаций, индексируемых в Scopus, в разрезе географических макрорегионов в 1990–2024 гг., тыс. ед.⁶

F i g. 2. Change in the number of scientific publications indexed in Scopus by geographic macroregions in 1990–2024, thousand units

Еще два макрорегиона – Африка, Австралия и Океания, имея сходные показатели по генерации публикаций в последние 30 лет, могут быть отнесены к периферии мирового научного пространства. На этом фоне африканский регион ежегодно с 2006 г. демонстрирует наиболее высокие среди других макрорегионов мира темпы прироста публикационной активности, лишь в некоторые годы уступая Азии (рис. 2). Однако из-за низкой базы Африка все еще существенно отстает от лидеров, хотя и сокращает с ними разрыв: если в 1990 г. отставание от Америки по абсолютному количеству публикаций было в 30,5 раза, Европы – в 27,3 раза, Азии – в 11,0 раз, то в 2024 г. – в 5,6; 6,9 и 12,7 раза соответственно. В 2021 г. Африка впервые обогнала Австралию и Океанию по количеству научных публикаций за год, заняв 4-е место из 5. При сохранении имеющейся динамики можно прогнозировать дальнейшее усиление позиций африканского макрорегиона в отношении прироста нового научного знания.

⁶ Здесь и далее в статье, если не указано иное, показатели всех рисунков рассчитаны авторами на основе данных Scopus.

Р и с. 2. Цепные темпы прироста/снижения научных публикаций, индексируемых в Scopus, в разрезе географических макрорегионов в 1991–2023 гг., %

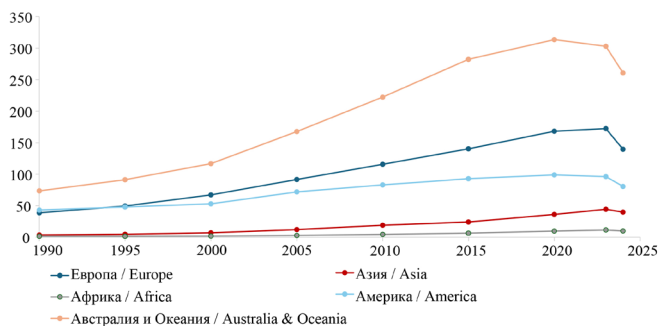
F i g. 2. Chain growth/decline rates of scientific publications indexed in Scopus, by geographic macroregion in 1991–2023, %

При взвешивании количества публикаций на численность населения в региональном разрезе лучшие значения научной продуктивности показали макрорегионы с преобладающей (свыше 60 %) долей горожан, а именно – Америка, Европа, Австралия и Океания, имевшие в 2023 г. 96, 172 и 303 публикации на 100 тыс. чел. соответственно (рис. 3). Коэффициент корреляции между массивами показателей научной продуктивности и удельного веса городского населения по макрорегионам в 1990–2024 гг. равен 0,544, что свидетельствует о прямой средней⁷ силе связи между ними. Более интенсивный переток людей в города стал конкурентным фактором в макрорегиональном масштабе для интенсификации научно-технологического развития.

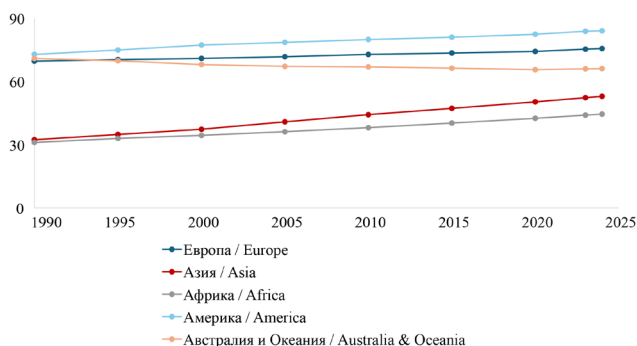
В сравнении с другими макрорегионами Азия и Африка все еще занимают отстающие позиции по эффективности использования имеющегося человеческого потенциала в отношении генерации научного знания. По мере урбанизации азиатского и африканского макрорегионов укреплялась тенденция к росту научной продуктивности (рис. 3). В 2023 г. относительно 1990 г. количество статей на 100 тыс. чел. населения для Азии выросло с 3,6 до 44,0 (в 12,4 раза); Африки – с 1,6 до 11,5 (в 7,2 раза). Аналогичный рост в разрезе трех других макрорегионов скромнее, а именно в 4 раза – для Европы, Австралии и Океании, в 2 раза – для Америки.

В 1990–2024 гг. произошли структурные изменения прироста научного знания (рис. 4). В начале исследуемого периода основными центрами мирового научного пространства выступали Европа и Америка (в 1990 г. исследователи каждого из этих макрорегионов участвовали в 30 % и более общемирового количества публикаций при доле по 13,6 % в общей численности населения планеты). Можно предположить, что столь высокий вклад Европы и Америки в общемировые показатели прироста научного знания способствовал также более широкой представленности продвигаемой ими в этот период научной повестки, иными словами, научного превосходства. В то же время более густонаселенный азиатский макрорегион имел меньшую представленность в международном научном пространстве, в первую очередь, из-за невысокого уровня публикационной продуктивности (всего 3,6 публикации на 100 тыс. чел.).

⁷ По шкале Чеддока.

a)

b)

Р и с. 3. Динамика научной продуктивности в разрезе географических макрорегионов в 1990–2024 гг., публикаций на 100 тыс. чел. населения (а) в сравнении с долей городского населения в % (b)⁸

Fig. 3. Dynamics of scientific productivity by geographic macroregions in 1990–2024, publications per 100 thousand people (a) compared with the share of urban population in % (b)

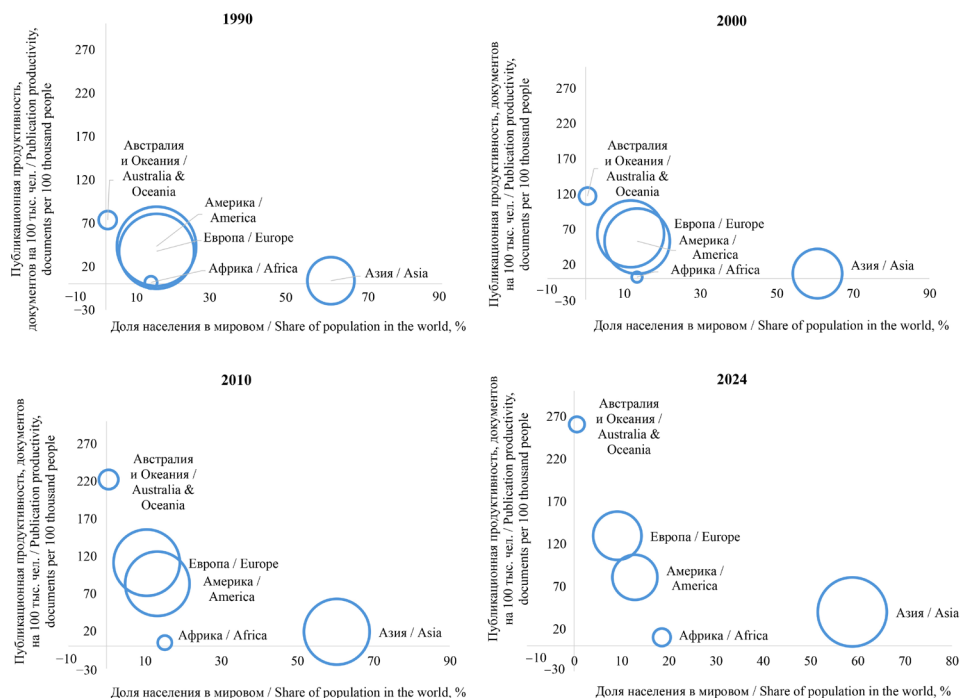
В течение следующих двадцати лет европейский и американский макрорегионы продолжили удерживать свои ведущие позиции по доле публикаций (каждый на уровне 30 % от общего показателя по миру), однако активно стал формироваться третий научный центр – в Азии (при все еще низких значениях публикационной продуктивности). К 2010 г. мировой публикационный ландшафт характеризовался уже полицентричным устройством с тремя практически равнозначными в глобальном масштабе центрами прироста научного знания: европейским (32,7 % всех публикаций), азиатским (32,2 %) и американским (30,9 %). Результаты оценки европейской и азиатской моделей публикационной продуктивности относительно масштаба этих макрорегионов в географии мирового населения (без учета качественных показателей человеческих ресурсов, таких как занятость в науке или уровень образования) демонстрируют существенно лучшие для Европы, нежели Азии, значения генерации публикаций в расчете на количество жителей. Публикационная продуктивность Европы с 1990 по 2010 гг. увеличилась в 3 раза – с 37,5 до 111,2 публикаций на 100 тыс. чел. (на фоне снижающейся доли макрорегиона в мировом населении). Для сравнения: в 2010 г. показатель научной продуктивности, рассчитанный для Азии, составлял всего 19 научных публикаций на 100 тыс. чел.

⁸ Рисунок рассчитан авторами на основе данных Scopus и Worldometers.

После 2010 г. наметилась тенденция к сжатию глобального научного пространства. Доля Европы и Америки существенно снизилась, в то время как азиатский макрорегион занял лидирующие позиции. Ежегодно теперь на него приходится свыше 50 % всех генерируемых публикаций мира (что сопоставимо с долей Азии по численности населения). Однако по уровню научной продуктивности азиатский макрорегион все еще существенно уступает прежним западным лидерам (рис. 4).

Представляет интерес изменение в мировом масштабе научных позиций еще двух макрорегионов – Африки, Австралии и Океании. В течение рассматриваемого периода доля австралийского макрорегиона в общемировом объеме научных публикаций (около 3 %), как и в структуре распределения мирового населения (около 0,5 %), практически не менялась. В то же время регион значительно нарастил свою публикационную продуктивность: с 73,5 до 260,0 публикаций на 100 тыс. чел. населения, демонстрируя интенсивную модель развития. Африканский макрорегион, обладая существенно большим объемом человеческих ресурсов (в 1990 г. превзойдя только Австралию, а в 2024 г. уступив лишь Азии), характеризуется наиболее низкой эффективностью их вовлечения в процесс генерации нового научного знания. Однако Африке даже при имеющейся динамике удалось улучшить свою видимость на мировой научной карте в рассматриваемом периоде: за 34 года доля макрорегиона относительно мира по количеству публикаций увеличилась с 1 до 4 %.

Р и с. 4. Изменение географии прироста научного знания в разрезе географических макрорегионов в 1990–2024 гг., %⁹

F i g. 4. Changes in the geography of scientific knowledge growth by geographic macroregions in 1990–2024, %

⁹ Размер соответствует доле макрорегиона в общемировом количестве публикаций. Рисунок рассчитан авторами на основе данных Scopus и Worldometers.

Таким образом, несмотря на кажущуюся при первом приближении очевидность связи уровня населенности, урбанизации¹⁰ и развития научной сферы¹¹, мы видим, что на современном этапе азиатский и африканский макрорегионы демонстрируют в первую очередь экстенсивный догоняющий путь развития. У них сохраняется резерв для дальнейшего ежегодного прироста количества научных публикаций как экстенсивного – за счет более широкого вовлечения имеющихся человеческих ресурсов в исследовательский процесс (что поддержано продолжающимся разрастанием азиатских и африканских городов и перетоком в них сельского населения, а также повышением общего уровня образованности населения), так и интенсивного – за счет целенаправленной научной политики по достижению научного лидерства (включая внедрение новых моделей оценки научной эффективности, расширения финансирования науки, продвижения национальных журналов на международный уровень и др.).

Трансформация мирового научного пространства на современном этапе. Для выявления особенностей формирования и распределения мировых центров прироста научного знания произведена оценка территориальной неоднородности процесса генерации научных публикаций на мезоуровне (рис. 5).

Если в Европе и Африке сложилось более равномерное распределение производства научного знания, то для Америки, Азии, Австралии и Океании характерно выделение одного ведущего по доле научных публикаций мезорегиона относительно остальных, а именно Восточной Азии, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии. В последние 30 лет отмеченные мезорегионы задают динамику процесса генерации научного знания в своих макрорегионах: в среднем на них в 1990–2024 гг. приходилось 67,6; 88,8 и 99,3 % всех публикаций в региональном масштабе. При этом удельный вес Восточной Азии и Северной Америки постепенно снижается. Это происходит за счет роста вклада в общий объем научных публикаций Западной и Южной Азии – в азиатском макрорегионе, и Южной Америки – в американском макрорегионе (рис. 5).

В Европе лучшие показатели публикационной активности у Западной Европы (средняя доля мезорегиона в 1990–2024 гг. – 40,4 %), на втором месте Северная Европа (30,9 %), на третьем – Южная (23,7 %), наименьший вклад у Восточной Европы (17,3 %). Данное распределение сохраняется в течение последних 34 лет. При этом если доля Западной и Северной Европы из года в год снижается, то Южная и Восточная Европа, напротив, наращивают публикационные возможности (в случае Восточной Европы это происходит «рывками»).

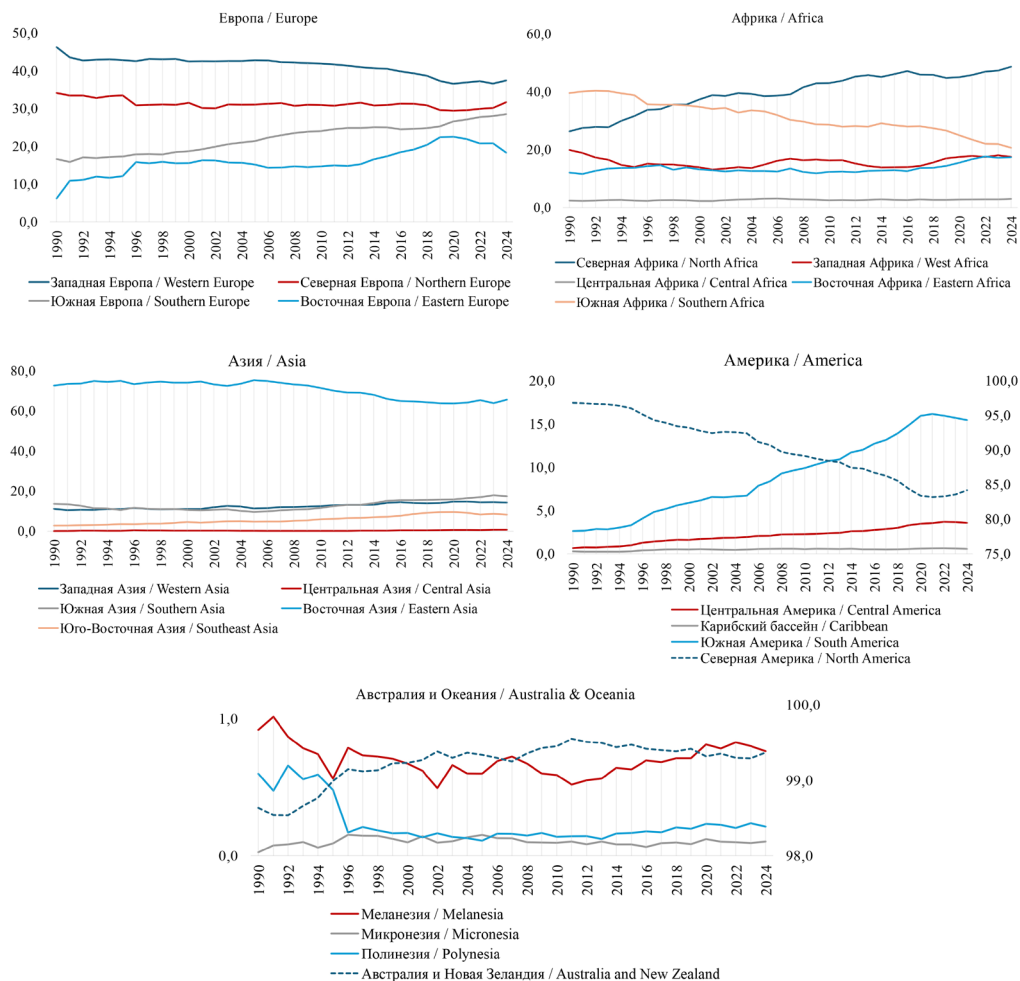
Отличие африканского макрорегиона от европейского заключается в менее стабильной структуре распределения публикационной активности в 1990–2024 гг. со сменой лидера (с 1998 г. Южная Африка уступила первое место по доле научных публикаций Северной Африке, которая смогла укрепить свои позиции). К 2024 г. география центров производства знания в Африке имела следующий вид: ежегодно несколько менее 50 % научных публикаций приходилось на Северную Африку,

¹⁰ Как показывают исследования по географии знания [40], основной научный потенциал мира сосредоточен в городах и городских агломерациях.

¹¹ Уровень урбанизации положительно связан со всеми стадиями инновационного процесса, в том числе развитием науки. См.: Куценко Е. С. Не только мегаполисы: как города влияют на развитие науки / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2021.

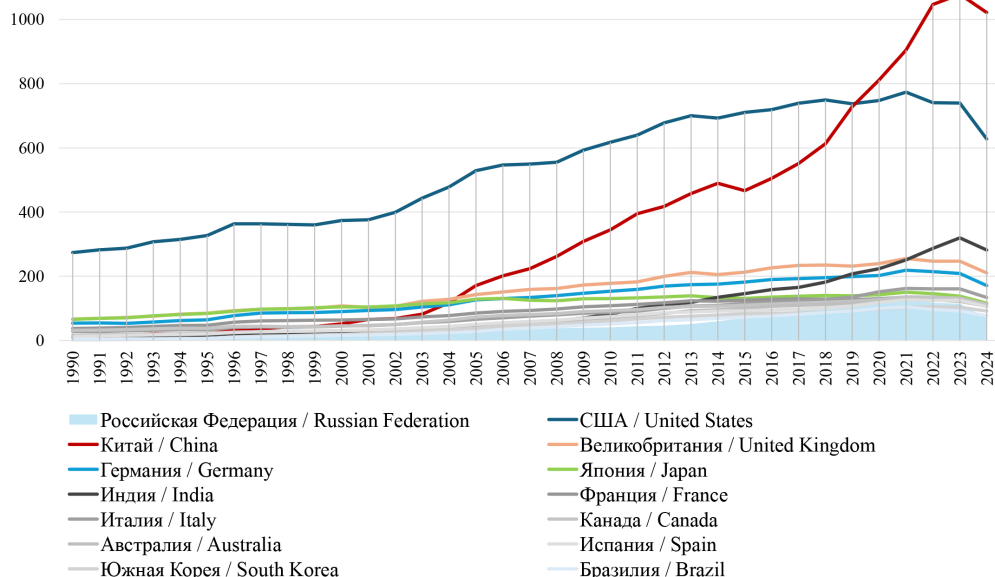
по 17–20 % – на Западную, Восточную и Южную Африку. Центральная Африка сохраняет периферийное положение (менее 3 %).

Р и с. 5. Изменение географии прироста научного знания в разрезе мезорегионов в 1990–2024 гг. (доля мезорегиона в макрорегионе, %)

F i g. 5. Changes in the geography of scientific knowledge growth by mesoregions in 1990–2024 (share of mesoregion in macroregion, %)

В целом за весь рассмотренный период, начиная с 1990 г., наибольший вклад в мировые показатели количества научных публикаций внесли четыре мезорегиона – Северная Америка (29 %), Восточная Азия (25 %), Западная (15 %) и Северная (11 %) Европы. Более детальная картина формируется при спуске на страновой уровень (рис. 6). Локомотивами приращения научного знания в Северной Америке выступают США, в Восточной Азии – Китай, Япония, Южная Корея, Тайвань, в Западной Европе – Германия, Франция, Нидерланды, Швейцария, в Северной Европе – Великобритания, Швеция.

Р и с. 6. Ведущие страны мира по количеству научных публикаций в 1990–2024 гг., тыс. ед.

F i g. 6. Leading countries of the world by number of scientific publications in 1990–2024, thousand units.

Крупнейшими научными державами являются США (Северная Америка) и Китай (Восточная Азия). Обе страны существенно опережают другие государства по абсолютному количеству научных публикаций в год. Так, в 2023 г. с авторами из США было аффилировано 739,5 тыс., а с Китаем – 1,08 млн публикаций. Следует отметить, что США удерживали лидерство в течение всего рассмотренного периода, сместившись на 2-е место лишь в 2020 г., уступив Китаю. Китай же в 1990 г. имел сравнительно скромную в 1,2 % (на уровне Швеции и Испании) долю в мировом объеме научных публикаций, особенно в сравнении с его размером по населению. Однако благодаря интенсивному выходу китайских ученых и журналов на международный уровень после 2003 г., страна существенно нарастила свою долю по количеству публикаций в мире до 29,1 % (по состоянию на ноябрь 2024 г.). Аналогичный показатель для США – 17,9 %. На третье место по количеству научных публикаций в 2022 г. переместилась еще одна азиатская страна – Индия (Южная Азия), обогнав крупнейшие научные центры Европы – Великобританию и Германию. Всего индийские ученые по состоянию на ноябрь 2024 г. были аффилированы с 8 % всех публикаций мира, что немногим более 281 тыс. ед. Таким образом, такие крупнейшие азиатские страны, как Китай и Индия, постепенно увеличивают свою международную конкурентоспособность в сфере науки и технологий, вступая в конкуренцию с прежними лидерами.

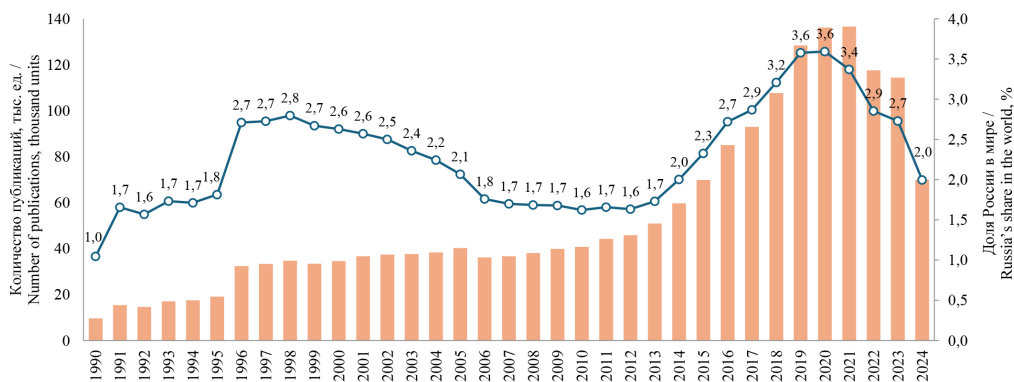
Место России на научной карте мира. Лидерство России в мировой науке – долгосрочный приоритет национального развития, закрепленный в актуальных

стратегических и программных документах¹². Ориентир на формирование передовой модели научных исследований заложен в госпрограмме «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» от 2019 г.¹³ и не потерял своей значимости в условиях новой геополитической реальности.

Россия по общему количеству публикаций в международной базе Scopus за весь период (1990–2024 гг.), а это более 1,9 млн документов, или 2,6 %, занимает 12-е место в мире и уступает США, Китаю, Великобритании, Германии, Японии, Индии и другим странам. Для сравнения: по численности постоянного населения Россия занимает 9-е место (2023 г.), а по доле в мировом ВВП по паритету покупательной способности – 4-е место (2024 г.)¹⁴. Такое распределение указывает на сохраняющиеся у страны как человеческие, так и денежные резервы для стимулирования развития научной сферы.

За 30 лет Россия продемонстрировала существенный рост абсолютного количества международных научных публикаций с пиком в 2021 г. – 136,6 тыс., что в 14 раз больше, чем в начальный год наблюдения – 1990 г. (рис. 7). При этом среднегодовая доля страны в общемировом объеме научных публикаций колебалась на уровне 2,2 % (минимум – 1,0 %, максимум – 3,6 %), что сопоставимо, например, с целым африканским макрорегионом.

Р и с. 7. Динамика научных публикаций России в 1990–2024 гг.

F i g. 7. Dynamics of scientific publications in Russia in 1990–2024

Значительное влияние на международную представленность России в мировом научном пространстве оказали политический и геополитический факторы. Период 2012–2021 гг. отмечен позитивным трендом на рост количества публикаций

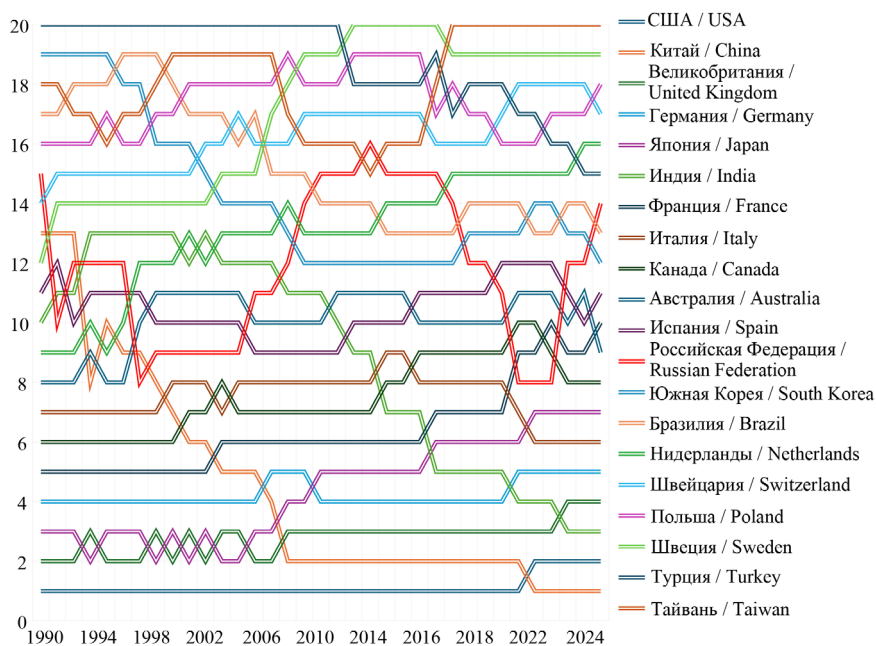
¹² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 28 февр. 2024 г. № 145; О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309; Концепция технологического развития до 2030 года : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р.

¹³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» : Постановление Правительства Рос. Федерации от 29 марта 2019 г. № 377.

¹⁴ МВФ признал Россию четвертой экономикой мира [Электронный ресурс] // РБК : сайт. 2024. 22 окт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/10/2024/6717ac329a79478792f175ec> (дата обращения: 20.12.2024).

российских ученых, чему способствовала реализация различных национальных программ поддержки развития науки и повышения глобальной конкурентоспособности университетов. Позитивное действие оказала госпрограмма «Развитие науки и технологий»¹⁵, предполагавшая среди инструментов поддержки активное стимулирование публикационной активности российских ученых в научных журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science. В этот же период целый ряд российских журналов стал индексироваться в международных реферативных базах, что внесло позитивный вклад в рост видимости российской науки в мире. В 2018 г. президентом России была поставлена задача по обеспечению присутствия страны в числе мировых научных лидеров¹⁶, что выступило дополнительным стимулом для роста публикационной активности (рис. 7).

С 2022 г. начинается спад количества публикаций России в базе Scopus, обусловленный в первую очередь изменением геополитической обстановки вокруг страны. В 2022 г. относительно 2021 г. снижение составило 15 %, в 2023 г. к 2022 г. – еще 4 %, имеющиеся данные на ноябрь 2024 г. соответствуют уровню 2015 г. Сворачивание публикационной активности способствовало смещению России на более низкие позиции в топ-20 ведущих стран мира по количеству научных публикаций (рис. 8). Страна переместилась с 8-го места (2021 г.) на 14-е (2024 г.), потеряв за 3 года 6 позиций и оказавшись между Турцией и Бразилией.

Р и с. 8. Изменение рангов в топ-20 стран мира по совокупному количеству публикаций в 1990–2024 гг.¹⁷

F i g. 8. Change in ranks of the top 20 countries in the world by total number of publications in 1990–2024

¹⁵ О государственной программе РФ «Развитие науки и технологий» : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20 дек. 2012 г. № 2433-р.

¹⁶ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2018 г. № 204.

¹⁷ 1 ранг – у страны с лучшим значением, 20 ранг – у страны с худшим значением показателя.

В контексте отмечаемой негативной динамики следует напомнить, что одним из эффектов реализации госпрограммы научно-технологического развития¹⁸ должно стать закрепление России к 2030 г. на 7-м месте в мире по объему научных исследований и разработок, что в том числе предполагает сохранение высокого уровня публикационной активности. Однако в связи с уходом в 2022 г. с российского рынка крупных зарубежных провайдеров научной информации (как следствие – ограничение доступа к реферативным базам Scopus, Web of Science и др.), а также отказом ряда международных журналов от публикации статей российских авторов назрела проблема разработки нового, отличного от наукометрического подхода к оценке научной продуктивности.

Первые дискуссии вокруг проекта национальной системы оценки результативности научных исследований и разработок прошли в марте 2022 г.¹⁹ Среди основных критериев обсуждались внедрение инструмента качественной оценки, отказ от обязательного требования публикации результатов исследований в иностранных журналах из международных наукометрических баз, необходимость учета специфики отдельных областей знания и нацеленность на рост конкурентоспособности науки.

Одними из достижений в управлении национальной наукой стали введение в 2024 г. системы категорирования научных изданий²⁰, а также утверждение «Белого списка» журналов, публикации в которых будут учитываться при оценке результативности научных исследований и разработок²¹. Предполагается, что это должно снизить зависимость от иностранных баз данных. Однако следует отметить, что из 29 554 представленных в «Белом списке»²² журналов 88,6 % индексируются в Scopus и/или Web of Science, а это значит, что стимулирование российских ученых публиковаться в данных журналах также будет способствовать приросту общего количества публикаций России в международных базах в последующие годы и повышению научной видимости страны. Полный отказ от обмена знаниями с мировым сообществом представляется нецелесообразным, однако наибольший потенциал видится в развитии научных связей с дружественными для России странами (например, в рамках БРИКС).

Обсуждение и заключение. География передовых научных центров и их связей не статична. Мировой научный ландшафт изменяем, как вследствие влияния объективных национальных факторов и политических решений, так и в ответ на масштабные геополитические сдвиги. Пространственно-временной анализ распределения публикационной активности показал, что наряду с продолжающимся развитием традиционно сильных научных центров (США и стран Западной Европы) опережающие темпы роста демонстрируют развивающиеся страны (Китай

¹⁸ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»: Постановление Правительства Рос. Федерации от 29 марта 2019 г. № 377.

¹⁹ Без наукометрии: новые подходы к оценке научного результата [Электронный ресурс] // Наука.рф. 2022. 7 дек. URL: <https://наука.рф/journal/bez-naukometrii-novye-podkhody-k-otsenke-nauchnogo-rezultata/> (дата обращения: 20.12.2024).

²⁰ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Рос. Федерации от 25 янв. 2024 г. № 62.

²¹ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Рос. Федерации от 6 нояб. 2024 г. № 1494.

²² «Белый список» научных журналов [Электронный ресурс] // Российский центр научной информации: сайт. URL: <https://journalrank.rcsi.science/ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

и Индия). Это способствует перераспределению мирового научного лидерства с выделением новых центров влияния и снижению макрорегиональной асимметрии в распределении научного потенциала.

Данное исследование подтвердило появление высококонкурентных научных центров Глобального Юга, что, по нашему мнению, будет способствовать разрастанию азиатских и африканских сетей международного научно-технического сотрудничества макрорегионального масштаба (без вовлечения западных партнеров). Многие развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки показали рост научного потенциала, но сохраняют резервы его увеличения за счет более широкого вовлечения интеллектуальных ресурсов.

Научная ценность этого исследования заключается в представленном макро-взгляде на территориальную организацию науки и те трансформационные процессы, которые происходили в мире за последние 30 лет. В исследовании выделены растущие в научном плане регионы и те регионы, которые сжимаются в мировом научном пространстве. Показано, что несмотря на общий рост производительности глобальной науки, научное пространство деформируется со временем. Длительное доминирование англосаксонского мира в глобальной науке постепенно сокращается, следовательно, общая гипотеза исследования о развороте на Восток подтвердилась.

Возрастает роль Китая и Индии. Китай – не только быстрорастущий полюс развития мировой науки, но и новый научный лидер, который сместил США. Полученные результаты подтверждаются и другими исследованиями, которые свидетельствуют о том, что развивающиеся страны, такие как Китай, быстро догоняют развитые страны в плане научных и технических возможностей [37]. Помимо своего веса в сфере науки, Китай, Индия, Бразилия и другие новые мировые научные центры через науку укрепляют свое политическое и экономическое лидерство. В этом контексте, несмотря на позитивную динамику роста последних лет, Россия занимает скромную позицию. После 2022 г. наблюдается значительное сокращение публикационных показателей, что во многом стало следствием геополитического фактора.

Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на кооперационных связях между странами и регионами, оценив динамику укрепления внутренних и внешних по отношению к макрорегиону сетей. Также видится необходимым включить в анализ уровень регионов и городов (в первую очередь, мегаполисов), дополнив карту мировой науки сетью международных научных связей в полимасштабном разрезе. Отдельное внимание также заслуживает детальное изучение Африканского региона как быстро растущего в научном плане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Balsalobre-Lorente D., Zeraibi A., Shehzad K., Cantos-Cantos J.M. Taxes, R&D Expenditures, and Open Innovation: Analyzing OECD Countries. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2021;7(1):36. <https://doi.org/10.3390/joitmc7010036>
2. Dobrzański P., Bobowski S., Chrysostome E., Velinov E., Strouhal J. Toward Innovation-Driven Competitiveness Across African Countries: An Analysis of Efficiency of R&D Expenditures. *Journal of Competitiveness*. 2021;13(1):5–22. <https://doi.org/10.7441/joc.2021.01.01>

3. Дмитриев С.Г., Обидовская Н.Н., Севрюкова С.В. Анализ взаимосвязи государственных расходов на НИОКР и экономического развития страны. *Инновации и инвестиции*. 2020;(11):264–268. <https://doi.org/10.24411/2307-180X-2020-00050>
Dmitriev S.G., Obidovskaya N.N., Sevryukova S.V. The Correlation Analysis of Government Spending on R&D and the Country's Economic Development. *Innovations and Investments*, 2020;(11):264–268. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2307-180X-2020-00050>
4. Канева М.А., Унтура Г.А. Взаимосвязь НИОКР, перетоков знаний и динамики экономического роста регионов России. *Регион: экономика и социология*. 2017;(1):78–100. URL: https://www.researchgate.net/publication/315117702_Vzaimosvaz_NIOKR_peretokov_znaniy_i_dinamiki_ekonomicheskogo_rosta_regionov_Rossii (дата обращения: 20.12.2024).
Kaneva M.A., Untura G.A. The Relationship between R&D, Knowledge Spillovers and Dynamics of Economic Growth of the Russian Regions. *Region: Economics & Sociology*. 2017;(1):78–100. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://www.researchgate.net/publication/315117702_Vzaimosvaz_NIOKR_peretokov_znaniy_i_dinamiki_ekonomicheskogo_rosta_regionov_Rossii (accessed 20.12.2024).
5. Строев В.В. Оценка влияния инвестиций в образование на экономическую стабильность регионов Российской Федерации. *Вестник университета*. 2024;(2):133–141. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-2-133-141>
Stroev V.V. Assessment of Investments in Education Impact on the Russian Regional Economic Stability. *Vestnik universiteta*. 2024;(2):133–141. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-2-133-141>
6. Пирожкова С.В. Научное лидерство и позиция молодого ученого в социальной иерархии исследовательских коллективов. *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2021;4(3):66–81. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-3-66-81>
Pirozhkova S.V. Scientific Leadership and the Position of the Early Career Scientist in the Social Hierarchy of Research Teams. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*. 2021;4(3):66–81. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-3-66-81>
7. Рубан Д.А. Качество научного потенциала как фактор успешности «мягкой силы». *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. 2022;(2):86–89. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/history/2022/02/2022-02-14.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).
Ruban D.A. The Quality of Scientific Potential as a Factor of “Soft Power” Success. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2022;(2):86–89. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/history/2022/02/2022-02-14.pdf> (accessed 20.12.2024).
8. Krishnan R.T., Prashantham S. Innovation in and from India: The Who, Where, What, and When. *Global Strategy Journal*. 2018;9(3):357–377. <https://doi.org/10.1002/gsj.1207>
9. Коптева Л.А., Игишев А.В., Сбитнев Н.А. Обеспечение технологического суверенитета Российской Федерации: реалии и новые возможности. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2024;(5):26–46. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-5-26-46>
Kopteva L.A., Igishev A.V., Sbitnev N.A. Ensuring of the Technological Sovereignty of the Russian Federation: Realities and New Opportunities. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. 2024;(5):26–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-5-26-46>
10. Shoorcheh M. When We Put Spatial Causalities First in Production of Scientific Knowledge: Notes on the Geography of Science. *Universal Journal of Social Sciences and Humanities*. 2021;1(1):18–21. <https://doi.org/10.31586/ujssh.2021.010103>
11. Shoorcheh M. Spatial Causalities in Geographies of Scientific Knowledge. *European Journal of Geography*. 2021;12(3):130–145. <https://doi.org/10.48088/ejg.m.sho.12.3.129.145>
12. Bornmann L., Waltman L. The Detection of Hot Regions in the Geography of Science-A Visualization Approach by Using Density Maps. *Journal of Informetrics*. 2011;5(4):547–553. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2011.04.006>
13. Csomós G. A Spatial Scientometric Analysis of the Publication Output of Cities Worldwide. *Journal of Informetrics*. 2018;12(2):547–566. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2018.05.003>

14. Elango B., Oh D.-G. Scientific Productivity of Leading Countries. *International Journal of Information Science and Management*. 2022;20(2):127–143. Available at: https://ijism.isc.ac/article_698383.html (accessed 20.12.2024).
15. Uddin A., Singh V.K. Measuring Research Output and Collaboration in South Asian Countries. *Current Science*. 2014;107(1):31–38. Available at: https://www.researchgate.net/publication/266160151_Measuring_research_output_and_collaboration_in_South_Asian_countries (accessed 20.12.2024).
16. Nguyen T.V., Pham L.T. Scientific Output and its Relationship to Knowledge Economy: An Analysis of ASEAN Countries. *Scientometrics*. 2011;89:107–117. <https://doi.org/10.1007/s11192-011-0446-2>
17. Kutlača D., Babić D., Živković L., Štrbac B. Analysis of Quantitative and Qualitative Indicators of SEE Countries Scientific Output. *Scientometrics*. 2015;102:247–265. <https://doi.org/10.1007/s11192-014-1290-y>
18. Waast R., Rossi P.L. Scientific Production in Arab Countries: A Bibliometric Perspective. *Science, Technology & Society*. 2010;15(2):339–370. <https://doi.org/10.1177/097172181001500207>
19. Pouris A. A Scientometric Assessment of the Southern Africa Development Community: Science in the Tip of Africa. *Scientometrics*. 2010;85:145–154. <https://doi.org/10.1007/s11192-010-0260-2>
20. Kumar N., Asheulova N. Comparative Analysis of Scientific Output of BRIC Countries. *Annals of Library and Information Studies*. 2011;58(3):228–236. Available at: https://ihst.nw.ru/Files/User/Asheulova/Asheulova_Kumar_ALIS.pdf (accessed 20.12.2024).
21. Barrios C., Flores E., Martínez M.Á., Ruiz-Martínez M. Are the Major Knowledge-Producing Countries Converging in Science and Technology Capabilities? *Journal of the Knowledge Economy*. 2023;14(4):4534–4560. <https://doi.org/10.1007/s13132-022-01075-x>
22. Maisonnobe M., Grossetti M., Milard B., Jégou L., Eckert D. The Global Geography of Scientific Visibility: A Deconcentration Process (1999–2011). *Scientometrics*. 2017;113:479–493. <https://doi.org/10.1007/s11192-017-2463-2>
23. Leydesdorff L., Wagner C.S., Bornmann L. The European Union, China, and the United States in the Top-1% and Top-10% Layers of Most-Frequently Cited Publications: Competition and Collaborations. *Journal of Informetrics*. 2014;8(3):606–617. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2014.05.002>
24. Marginson S. What Drives Global Science? The Four Competing Narratives. *Studies in Higher Education*. 2021;47(8):1566–1584. <https://doi.org/10.1080/03075079.2021.1942822>
25. Swianiewicz P., Niedziółka M. Geography of Knowledge Production in European Urban Studies. *Studia Litteraria et Historica*. 2023;12:1–19. <https://doi.org/10.11649/slh.2984>
26. Di Césaire V., Robinson García N. What is Local Research? Towards a Multidimensional Framework Linking Theory and Methods. Preprint. *Zenodo*. 2024. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14033473>
27. Aloï M., Poyago-Theotoky J., Tournemaine F. The Geography of Knowledge and R&D-led Growth. *Journal of Economic Geography*. 2022;22:1149–1190. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbab019>
28. Patelli A., Napolitano L., Cimini G., Gabrielli A. Geography of Science: Competitiveness and Inequality. *Journal of Informetrics*. 2023;17(1):101357. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2022.101357>
29. Abramo G., D'Angelo C.A., Di Costa F. USA vs Russia in the Scientific Arena. *PLoS ONE*. 2023;18(7):e0288152. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0288152>
30. Marginson S. What Drives Global Science? The Four Competing Narratives. *Studies in Higher Education*. 2022;47(8):1566–1584. <https://doi.org/10.1080/03075079.2021.1942822>
31. Abramo G., D'Angelo C.A. The Scientific Standing of Nations and Its Relationship with Economic Competitiveness. *PLoS ONE*. 2024;19(6):e0304299. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0304299>
32. Andersson D.E., Andersson Å.E., Hårsman B., Yang X. The Geography of Science in 12 European Countries: A NUTS2-Level Analysis. *Scientometrics*. 2020;(124):1099–1125. <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03510-9>
33. Gui Q., Du D., Liu C. The Changing Geography of Scientific Knowledge Production: Evidence from the Metropolitan Area Level. *Applied Spatial Analysis and Policy*. 2023;17:157–174. <https://doi.org/10.1007/s12061-023-09525-y>
34. Csomós G., Lengyel B. Mapping the Efficiency of International Scientific Collaboration between Cities Worldwide. *Journal of Information Science*. 2020;46(4):575–578. <https://doi.org/10.1177/0165551519842128>
35. Frenken K., Hardeman S., Hoekman J. Spatial Scientometrics: Towards a Cumulative Research Program. *Journal of Informetrics*. 2009;3(3):222–232. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2009.03.005>

36. Пекер И.Ю. Применение методов пространственной наукометрии к изучению отдельных стран и регионов. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*. 2019;(1):17–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metodov-prostranstvennoy-naukometrii-k-izucheniyu-otdelnyh-stran-i-regionov> (дата обращения: 20.12.2024).
Peker I. Yu. Methods of Spatial Scientometrics in the Study of Countries and Regions. *IKBFU's Vestnik. Series: Natural and Medical Sciences*. 2019;(1):17–27. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metodov-prostranstvennoy-naukometrii-k-izucheniyu-otdelnyh-stran-i-regionov> (accessed 20.12.2024).
37. Лазарев В.С. Библиометрия, наукометрия и информетрия. Часть 3. Объект (окончание). *Управление наукой: теория и практика*. 2021;3(2):99–136. <https://doi.org/10.19181/smp.2021.3.2.5>
Lazarev V.S. Bibliometrics, Scientometrics and Informetrics. Part 3. Object (Ending). *Science Management: Theory and Practice*. 2021;3(2):99–136. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/smp.2021.3.2.5>
38. Гагарина Г.Ю., Болотов Р.О. Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации и его декомпозиция с применением индекса Тейла. *Федерализм*. 2021;26(4):20–34. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-20-34>
Gagarina G.Y., Bolotov R.O. Valuation of Inequality in the Russian Federation and its Decomposition Using the Theil Index. *Federalism*. 2021;26(4):20–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-20-34>
39. Savchenko I., Kosyakov D. Lost in Affiliation: Apatride Publications in International Databases. *Scientometrics*. 2022;127(6):3471–3487. <https://doi.org/10.1007/s11192-022-04392-9>
40. Михайлов А.С., Кузнецова Т.Ю., Пекер И.Ю. Методы пространственной наукометрии в оценке неоднородности инновационного пространства России. *Перспективы науки и образования*. 2019;5(4):549–563. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.5.39>
Mikhaylov A.S., Kuznetsova T.Yu., Peker I. Yu. Methods of Spatial Scientometrics in Assessing the Heterogeneity of the Innovation Space of Russia. *Perspectives of Science and Education*. 2019;41(5):549–563. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32744/pse.2019.5.39>

Об авторах:

Михайлов Андрей Сергеевич, кандидат географических наук, заведующий лабораторией географии инноваций Балтийского федерального университета им. И. Канта (236014, Российская Федерация, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14), старший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии Российской академии наук (119017, Российская Федерация, г. Москва, Старомонетный пер., д. 29), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>, Researcher ID: B-8451-2015, Scopus ID: 57214075325, SPIN-код: 7020-5538, mikhailov.andrey@yahoo.com

Филатов Максим Михайлович, эксперт ООО «СИБУР Диджитал» (117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 16), ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3374-6090>, Researcher ID: JWA-0495-2024, Scopus ID: 58916825400, SPIN-код: 4602-0556, filatovmm@sibur.ru

Михайлова Анна Алексеевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта (236014, Российская Федерация, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6807-6074>, Researcher ID: P-6443-2015, Scopus ID: 57207943693, SPIN-код: 5098-5551, tikhonova.1989@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А. С. Михайлов – постановка научной проблемы; формулирование научной гипотезы исследования; определение методологии исследования; сбор, обработка и интерпретация полученных результатов; подготовка текста статьи.

М. М. Филатов – определение методологии исследования; подготовка, сбор и первичный анализ данных.

А. А. Михайлова – сбор, обработка и интерпретация полученных результатов; подготовка текста статьи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 26.11.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 14.02.2025.

About the authors:

Andrey S. Mikhaylov, Cand.Sci. (Geogr.), Head of the Laboratory of Geography of Innovations at the Immanuel Kant Baltic Federal University (14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236014, Russian Federation), Senior Researcher at the Center for Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (29 Staromonetnyi Pereulok, Moscow 119017, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>, ResearcherID: B-8451-2015, Scopus ID: 57214075325, SPIN-code: 7020-5538, mikhailov.andrey@yahoo.com

Maxim M. Filatov, Expert of SIBUR Digital LLC (16 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117997, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-3374-6090>, ResearcherID: JWA-0495-2024, Scopus ID: 58916825400, SPIN-code: 4602-0556, filatovmm@sibur.ru

Anna A. Mikhaylova, Cand.Sci. (Geogr.), Senior Researcher at the Institute of Geopolitical and Regional Studies of the Immanuel Kant Baltic Federal University (14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236014, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6807-6074>, Researcher ID: P-6443-2015, Scopus ID: 57207943693, SPIN-code: 5098-5551, tikhonova.1989@mail.ru

Contribution of the authors:

A. S. Mikhaylov – formulation of the scientific problem and hypothesis of the study; determination of the research methodology; collection, processing and interpretation of the obtained results; preparation of the text of the article.

M. M. Filatov – determination of the research methodology; preparation, collection and primary analysis of data.

A. A. Mikhaylova – collection, processing and interpretation of the obtained results; preparation of the text of the article.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 26.11.2024; revised 05.02.2025; accepted 14.02.2025.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ / INTERNATIONAL RELATIONS

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.033-047>

EDN: <https://elibrary.ru/bfnfvy>

УДК / UDC 32.019.5

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения

П. И. Пашковский ✉

Е. В. Крыжко

Л. А. Крыжко

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(г. Симферополь, Российская Федерация)*

✉ petr.pash@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена беспрецедентными масштабами и последствиями современных проявлений западной русофобии, ставшими источниками не только внешних, но и внутренних вызовов и угроз национальной безопасности России. Цель исследования – охарактеризовать специфику русофобии как компонента современного геополитического противоборства России и Запада на глобальном и региональном уровнях.

Материалы и методы. Исследование базировалось на изучении доктринальных основ внешней политики и национальной безопасности Российской Федерации, основополагающих документов в сфере внешнеполитической стратегии и национальной безопасности США, выступлений современных российских государственных и политических деятелей, данных средств массовой информации. Методологической основой исследования является синтез системного и геополитического подходов, а также методов анализа документов и дискурс-анализа.

Результаты исследования. На основе анализа опыта международного взаимодействия приведены примеры проявления фобий, обусловленных геополитическим соперничеством. Раскрыты причины и особенности современных проявлений западной русофобии. Рассмотрены ее основные аспекты как инструмента гибридной войны. Анализируются вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации, возникающие в результате русофобского курса некоторых стран. Предлагаются рекомендации по противодействию этому явлению.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование свидетельствует о значительной активизации в настоящее время тенденций русофобии, что проявляется в научно-философском, международно-правовом, экономическом, военно-стратегическом, а также культурно-психологическом, идеологическом и религиозном аспектах. Материалы и выводы исследования могут привлекаться государственными ведомствами и научными центрами Российской Федерации в процессе формирования и реализации государственной политики и обеспечения национальной безопасности.

© Пашковский П. И., Крыжко Е. В., Крыжко Л. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: западная русофобия, геополитическое соперничество России и Запада, гибридная война, антироссийская информационная кампания, вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации, региональное измерение геополитики

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках реализации проекта в области социально-политических наук FZEG-2024-0011 «Феномен русофобии во взаимоотношениях России и Запада» государственного задания по науке на 2024 г.

Для цитирования: Пашковский П.И., Крыжко Е.В., Крыжко Л.А. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения. *Регионоведение*. 2025;33(1):33–47. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.033-047>

Russophobia as a Component of Modern Geopolitical Confrontation: Global and Regional Dimensions

P. I. Pashkovsky ✉, E. V. Kryzhko, L. A. Kryzhko

V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

✉ petr.pash@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the unprecedented scale and consequences of modern manifestations of Western Russophobia, which are sources of not only external but also internal challenges and threats to Russia's national security. The purpose of the study is to characterize the specifics of Russophobia as a component of the modern geopolitical confrontation between Russia and the West at the global and regional levels based on the results of the conducted research.

Materials and Methods. The research was based on the study of the doctrinal foundations of the foreign policy and national security of the Russian Federation, fundamental documents in the field of foreign policy strategy and national security of the United States, speeches of modern Russian statesmen and politicians, and data from the media. The methodological basis of the research is the synthesis of geopolitical and systemic approaches in line with the paradigm of neorealism, which led to the use of activity, institutional and historical-genetic methods, as well as methods of document analysis and discourse analysis.

Results. Based on an analysis of the experience of international interaction, examples of the manifestation of phobias caused by a number of factors, including geopolitical rivalry, have been given. The definition and interpretation of the concept of “Russophobia” have been clarified. The reasons and features of modern manifestations of Western Russophobia have been revealed. Aspects of Western Russophobia as an instrument of hybrid warfare have been examined. Examples of Russophobic rhetoric in basic documents that define approaches to US foreign policy and national security have been identified. The main challenges and threats to the national security of the Russian Federation, which have become derivatives of the Russophobic course of the collective West, have been characterized. Recommendations to counteract this phenomenon have been presented.

Discussion and Conclusion. The conducted research testifies to the significant intensification of the current tendencies of Russophobia, manifesting itself in scientific-philosophical, international-legal, economic, military-strategic, as well as cultural-psychological, ideological and religious aspects. The materials and conclusions of the study can be used by government departments and research centers of the Russian Federation in the process of forming and implementing state policy and ensuring national security.

Keywords: Western Russophobia, geopolitical rivalry between Russia and the West, hybrid war, anti-Russian information campaign, challenges and threats to the national security of the Russian Federation, regional dimension of geopolitics

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The reported study was carried out within the framework of the project in the field of socio-political sciences FZEG-2024-0011 “The Phenomenon of Russophobia in Relations between Russia and the West” of the state assignment for science for 2024.

For citation: Pashkovsky P.I., Kryzhko E.V., Kryzhko L.A. Russophobia as a Component of Modern Geopolitical Confrontation: Global and Regional Dimensions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):33–47. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.033-047>

Введение. Начало специальной военной операции стало катализатором обострения конфронтации России и коллективного Запада, производными чего выступили критическое увеличение международной напряженности и нарастающая вероятность глобальной войны, а также беспрецедентные по своему масштабу и последствиям проявления западной русофобии. Усиление русофобских тенденций на Западе наблюдалось со второй половины 2000-х гг., приобретая угрожающие черты за несколько лет до современного обострения. Так, еще весной 2020 г. американский исследователь С. Коэн с озабоченностью констатировал, что русофобия превратилась в один из важных факторов «новой холодной войны», характеризуясь тем, что теперь «демонизируют» не только президента В. В. Путина, но «и Россию в целом»¹.

По данным исследования, проведенного некоммерческой организацией «Альянс демократий» в 52 странах и опубликованного в конце мая 2022 г., в большей степени негативные настроения относительно России были присущи населению Польши (87 %), Украины (80), Португалии (79), Швеции (77), Великобритании (65), Италии (65), США (62), ФРГ (62 %). В группу государств с наименьшим процентом «русофобских воззрений» вошли Индия (36 %), Алжир (29), Индонезия (14), Саудовская Аравия (11), Египет (7) и Марокко (4 %). Отрицательное отношение к России преобладало в странах Европы и других «либеральных демократиях», положительное – в азиатских, африканских и латиноамериканских государствах².

Рост русофобских настроений на уровне европейских элит проявился в частных примерах антироссийской риторики политиков, государственных и общественных деятелей, наглядно демонстрировавших, что фактически с их стороны «была объявлена война всему, что связано с Россией»³. Все больше постсоветских стран при активном содействии США и их союзников проявляют антироссийские установки. Наиболее массовые и радикальные из них наблюдаются в таких государствах бывшего СССР, как Украина, Литва, Латвия и Эстония. Увеличение антироссийских воззрений характерно для Армении, Молдавии и, в меньшей степени, Казахстана⁴.

Понимание серьезности связанных с этим угроз отразилось в содержании отечественных доктринальных документов. В Стратегии национальной безопасности России отмечается, что «на фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль

¹ Коэн привел примеры русофобии в американских СМИ [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. 2018. 7 апр. URL: https://ria.ru/20180407/1518127408.html?utm_source=button_read_on_ria (дата обращения: 23.10.2024).

² Wintour P. Negative Views of Russia Mainly Limited to Western Liberal Democracies, Poll Shows [Электронный ресурс] // The Guardian : сайт. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/30/negative-views-of-russia-mainly-limited-to-western-liberal-democracies-poll-shows> (дата обращения: 23.10.2024).

³ МИД РФ опубликовал примеры русофобской риторики от представителей Запада в 2022–2023 годах [Электронный ресурс] // Российская газета : сайт. 2023. 24 февр. URL: <https://rg.ru/2023/02/24/mid-rf-opublikoval-primery-rusofobskoj-ritoriki-ot-predstavitelej-zapada-v-2022-2023-godah.html> (дата обращения: 23.10.2024).

⁴ Антироссийские настроения в постсоветских странах: кто на чьей стороне [Электронный ресурс] // BALTNEWS : сайт. 2024. 2 мая. URL: https://baltnews.com/Russia_West/20240502/1026259634/Antirossiyskie-nastroeniya-v-postsovetskikh-stranakh-kto-na-chemy-storone.html (дата обращения: 23.10.2024).

и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России»⁵. В Концепции внешней политики Российской Федерации акцентируется необходимость противодействия «кампании русофобии, проводимой недружественными иностранными государствами и их объединениями»⁶.

Подтверждая стратегическое значение данной проблемы в контексте обеспечения национальной безопасности, президент России В. В. Путин в рамках послания Федеральному собранию 29 февраля 2024 г. отмечал, что «русофобия, как и любая другая идеология расизма, национального превосходства и исключительности, ослепляет, лишает разума. Действия США и их сателлитов фактически привели к демонтажу системы европейской безопасности. Это порождает риски для всех»⁷.

С учетом важности комплексного изучения феномена русофобии отдельный интерес представляют обусловленные им вызовы и угрозы, направленные на геополитическое сдерживание, внутреннюю дестабилизацию и разрушение российской государственности. Цель исследования – выявить особенности глобального и регионального измерения русофобии как компонента современного геополитического противоборства России и Запада.

Обзор литературы. Вопросы проявления русофобии в контексте взаимоотношений России и Запада характеризуются дискуссионностью и разной степенью изученности отдельных аспектов. Истоки, причины и специфика данного явления освещаются в исследованиях многих российских ученых⁸ [1]. В работах Д. Кье-зы⁹ и Г. Меттана¹⁰ конкретизируются особенности антироссийских настроений в различных странах, изучаются формирование и эволюция негативных образов государств в среде западного населения. Феномен внутренней русофобии, в том числе в ракурсе влияния Запада, подробно рассмотрен И. Шафаревичем¹¹.

Среди актуальных тем научных исследований последних лет можно выделить следующие: идеологические аспекты западной русофобии [2–4], ценностное измерение геополитического конфликта России и Запада, учитывая феномен русофобии [5], правовые и геополитические оценки западной антироссийской риторики на современном этапе [6].

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. 2 июля 2021 г. [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/2> (дата обращения: 23.10.2024).

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс] // МИД РФ : сайт. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 23.10.2024).

⁷ Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024 г. [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431/page/2> (дата обращения: 23.10.2024).

⁸ Аксочиц В. Против русофобии. М. : Директ-Медиа, 2024. 212 с.; Буянов В. С. Внешняя политика России: история и современность. М. : Международные отношения, 2024. 632 с.; Бедрицкий А. В. Внешние факторы внутренней русофобии // Внутренняя русофобия как главная угроза Российской государственности. М. : Горячая линия – Телеком, 2022. С. 222–226; Неменский О. Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 13. С. 26–65; Никонов В. А. Российская матрица. М. : ООО «Русское слово-учебник», 2014. 992 с.; Стрелецкий Я. И. Русофобия: философско-социологический анализ // Межвузовский сборник научных трудов. Краснодар : ВВАУЛ, 2019. С. 323–328.

⁹ Кье-за Д. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? М. : Изд-во «Э», 2016. 288 с.

¹⁰ Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. М. : Паулсен, 2017. 468 с.

¹¹ Шафаревич И. Р. Русофобия. М. : Родина, 2019. 352 с.

Интерес для ученых представляют проявления русофобии в европейских странах. Так, изучаются исторические примеры отражения русофобских тенденций в английских средствах массовой информации [7], русофобский дискурс в Великобритании в первой половине XIX в. [8], проблема исследования антироссийских настроений в Европе [9]. В предыдущих наших публикациях освещаются военный аспект британской русофобии в первой половине XIX в. и геополитические интересы России и Великобритании в контексте «Большой игры» [10; 11]. Специфика проявления русофобии в официальном российском политическом дискурсе современности раскрывается в статье Н. Робинсона [12]. Составляющие соперничества России и Запада, а также обострение конфронтации между ними в результате «украинского кризиса», включая активизацию русофобских настроений в западных странах, анализируют Б. Боман [13] и К. Нитою [14].

Особенности современного глобального кризиса, его влияние на положение глобальных и региональных акторов, значение русофобии в контексте национальной безопасности Российской Федерации комплексно рассматриваются С. Глазевым [15]. О. Бахловой и И. Бахловым поднимаются важные с точки зрения противодействия проявлениям западной русофобии вопросы, связанные с формированием патриотической повестки и единого образовательного пространства Союзного государства Беларуси и России в условиях обострения международного противоборства, основанного в том числе на конфликте ценностей [16; 17].

Ученые исследуют новые вызовы, которые несет современный русофобский дискурс для российской медиабезопасности в обстоятельствах информационной войны [18; 19], актуальные проблемы обеспечения цивилизационной безопасности России, включая противодействие деструктивным тенденциям русофобии [20], специфику «внешней русофобии» в «цивилизационной войне» в контексте внутренних угроз Российской Федерации¹². Угрозы «ментальной войны» Запада против России, инструментом которой выступает русофобия, в ракурсе российской национальной безопасности комплексно изучает А. Ильницкий [21; 22].

Русофобия как «иррациональный страх» перед Россией и ключевая тема пропаганды на Западе в контексте международной политики рассматривается Г. Дисеном¹³. Несколько исследований зарубежных ученых посвящены специфике русофобских воззрений представителей европейских стран в XIX в. [23; 24], в том числе антиправославных и русофобских настроений во Франции в 1830–1856 гг., обусловленных влиянием французского католицизма и геополитической напряженностью¹⁴. Особенности работы Ф. Комиссаржевского в британских театрах в условиях растущих националистических и русофобских воззрений в Великобритании в 1920–1930-х гг. подробно изучает П. Берт [25].

Анализируя природу русофобских установок, Т. Крауш отмечает, что все существовавшие формы данного явления всегда были следствием геополитической

¹² Некрасов С. Н. Внешняя русофобия в цивилизационной войне и проблема внутренних угроз // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы XXI века : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2022. С. 172–175.

¹³ Diesen G. Russophobia: Propaganda in International Politics. Singapore : Palgrave Macmillan, 2022. 315 p.

¹⁴ Bailey H. L. Roman Catholicism, Russian Orthodoxy, and Russophobia in France, 1830–1856 / The Public Image of Eastern Orthodoxy. Ithaca : Cornell University Press, 2020. Pp. 17–44. <https://doi.org/10.7591/cornell/9781501749513.003.0002>

конкуренции, а нынешняя «русофобия является идеологическим обоснованием геополитической экспансии “коллективного Запада”» [26]. Различные аспекты современной трансформации мирового порядка в контексте геополитического соперничества России и Запада, компонентом которого является русофобия, затрагиваются в трудах ряда зарубежных исследователей. Так, Э. Эшфорд изучает особенности и последствия западных санкций в отношении Российской Федерации [27]; «российские слабости» и «китайские риски» в геополитическом измерении рассматриваются Р. Капланом [28]; специфику «постимперской привлекательности» России как «великой державы» в ракурсе евразийской интеграции характеризует Х. Смит [29].

Представленный обзор демонстрирует, что, наряду с актуальностью и значительным увеличением количества публикаций, связанных с проблематикой русофобии, недостаточно изученными остаются вопросы выявления, обобщения и систематизации русофобских проявлений как компонента современного геополитического противоборства России и Запада на глобальном и региональном уровнях, определяя востребованность исследований в рамках данного направления.

Материалы и методы. При отборе материалов исследования мы руководствовались принципом объективности и необходимостью комплексного изучения обозначенной проблемы. Выбранные данные целесообразно разделить на четыре группы. К первой относятся действующие доктринальные основы внешней политики и национальной безопасности Российской Федерации. Их использование обусловило понимание актуальных тенденций защиты и обеспечения российских национальных интересов и основных направлений государственной внешней политики. Вторая группа материалов представлена основополагающими документами, определяющими подходы США в сфере внешнеполитической стратегии и национальной безопасности, в том числе «интегрированные стратегии» по конкретным странам. Третья группа включает выступления российских государственных и политических деятелей, анализ которых дал возможность определить позицию руководства России относительно проявлений западной русофобии. Данные средств массовой информации представляют четвертую группу материалов, оказавших содействие в освещении примеров русофобии в глобальном и региональном измерении: соответствующие факты, мнения и показатели.

В связи с этим на первом этапе исследования были отобраны указанные источники, предназначенные для максимально объективного и комплексного достижения поставленной цели. Второй этап подразумевал оценку имеющихся материалов и их классификацию. Критический анализ содержащейся в источниках информации характеризует третий этап исследования. На четвертом этапе осуществлялось соотношение выявленных в материалах информационных блоков с положениями, обозначенными в опубликованных аналитических работах. Пятый этап включал синтез полученных данных и формулирование выводов в соответствии с целью исследования.

Методологический синтез системного и геополитического подходов – следуя тенденциям обновления научной методологии в русле парадигмы неореализма¹⁵ –

¹⁵ Современная политическая наука: Методология : науч. издание / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. М. : Аспект Пресс, 2019. С. 61–83.

определил применение ряда научных методов. Деятельностный метод позволил выявить общие и частные характеристики западных элит в контексте их влияния на явление русофобии в условиях современной гибридной войны. Охарактеризовать роль различных институтов относительно формирования и реализации феномена западной русофобии в ракурсе геополитического соперничества помогло использование институционального метода. Рассмотрение особенностей событий в последовательном временном развитии – в плане раскрытия связи между этапами становления западной русофобии и ее современными проявлениями – стало возможным благодаря историко-генетическому методу. Интерпретация использованных материалов и научных публикаций осуществлялась посредством применения методов анализа документов и дискурс-анализа.

Результаты исследования. Международное взаимодействие в разные исторические периоды всегда порождало возникновение ряда фобий как производных обоюдного восприятия, обусловленных особенностями отношений, совокупностью внешних и внутренних факторов, в том числе геополитическим соперничеством. В качестве примера можно привести периодические проявления американофобии (антиамериканизма) во Франции и франкофобии в США, ставшие следствием различий в мировоззрении, культурных традициях, внутреннем устройстве и национальных интересах [30]. Разновидностью подобного представляется и получившая в последнее время широкое распространение на Западе синофобия, сопровождающаяся попытками обозначить Китай в ранге «главной угрозы человечеству», что рондит данный феномен с проявлениями русофобии [31, с. 116].

Учитывая наличие многочисленных вариантов определений и интерпретаций понятия «русофобия», в контексте проблематики данного исследования под ним целесообразно подразумевать следующие характеристики: проявления неприязни, отторжения и боязни в отношении России и всего русского [3, с. 36]; предвзятое, высокомерное и враждебное отношение к ценностям, верованиям, культуре, ментальности, народу и государственному институту России [2, с. 24]; крайне негативная оценка внутренней и внешней политики Российской Федерации, российского народа и России как суверенного государства [6, с. 109].

Генезис и особенности западной русофобии подробно рассматривались нами в предыдущей публикации [3]. В целях понимания сущности и эволюции этого феномена следует подчеркнуть, что своими корнями он уходит в XI в., когда произошел раскол в христианстве на католическую (западную) и православную (восточную) церкви. Впоследствии западные предрассудки и негативные установки относительно православной веры были направлены против Византии, распространившись на ставшее ее преемницей российское государство. Поскольку религия тогда имела определяющее идеологическое значение, она являлась инструментом «мягкой силы» в решении геостратегических задач, что способствовало развитию русофобии¹⁶.

Со временем этот феномен сформировался в качестве умышленного и рационального «нагнетания страха» западными элитами (Польши, Франции, Великобритании, германских государств, США) перед Россией как противником, став средством ее демонизации и дегуманизации, своего рода методом борьбы за политическое

¹⁶ Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. М. : Паулсен, 2017. 468 с.

лидерство, ресурсы и доминирование на международной арене. Отмечая богатство и разнообразие исторических примеров использования русофобии в качестве инструмента ослабления и разрушения российского государства, исследователи подчеркивают, что проблемы с имиджем России восходят еще к началу XVI в. Системные проявления это получило в XIX в. в условиях развития средств массовой информации, формирующих общественное мнение, обретя черты идеологии, включающей следующие негативные антироссийские ярлыки, веками воспроизводящиеся в фактически неизменном виде: деспотизм власти; дикость, варварство и отсталость; тотальное рабство подданных; постоянный экспансионизм¹⁷.

В последние десятилетия имидж страны страдал как от остаточных фобий времен холодной войны («агрессивное диктаторское государство, традиционно угрожающее соседям»), так и от новых навязанных образов: страна в состоянии распада, деградации и нищеты, управляемая некомпетентными чиновниками, обуреваемая планами «возрождения империи»¹⁸.

Современная активизация данного соперничества стала следствием осознания американскими элитами особой роли России в формировании нового миропорядка. С. Глазьев подчеркивает: «Именно Россия с ее православной гуманитарной традицией является, по мнению англосаксонских политтехнологов, главным препятствием к установлению мирового господства капиталистического олигархата, уже контролирующего страны Запада» [15, с. 15]. В этом отношении, справедливо заключал Н. Баранов, источником современного «конфликта Запада с Россией стали геополитические интересы, инструментом – русофобия, основой – ценностные противоречия» [5, с. 192].

Значительное усиление русофобских настроений на Западе происходит после событий весны 2014 г., однако антироссийские установки последовательно культивировались в западных государствах на протяжении длительного времени. Стратегия демонизации России подразумевала намеренное игнорирование фактов, которые не укладывались в последовательно «рисующуюся» русофобскую картину мира, систематически проявляясь на глобальном и региональном уровнях в период 2014–2022 гг.¹⁹ и, в большей степени, с началом специальной военной операции на Украине.

В настоящее время русофобия стала оружием гибридной войны и воспроизводится с применением современных технологий. Она направлена на все основные сферы государственной и общественной жизни: экономику, финансы, культуру, спорт. В той или иной степени касаясь всех россиян, показывая, что война ведется «не просто с правящим режимом, а со всем населением... России»²⁰.

Информационный аспект антироссийской кампании проявляется в императиве предвзятой оценки внешней и внутренней политики Российской Федерации в западных СМИ. Используя идеологический инструментарий, Запад конструирует образ России как врага, им проецируется антироссийская риторика, антисоветизм, осуществляется дерусификация. Совокупность обозначенных проявлений формирует ряд угроз, которые направлены на разрушение информационного и культурного

¹⁷ Таньшина Н. П. Русофобия: история изобретения страха. М. : Концептуал, 2023. 496 с.

¹⁸ Никонов В. А. Российская матрица... С. 891.

¹⁹ Бедрицкий А. В. Внешние факторы внутренней русофобии. С. 223.

²⁰ Буянов В. С. Внешняя политика России... С. 588–591.

суверенитета, психологической стабильности и социально-экономической устойчивости российского государства [19, с. 12].

Под эгидой русофобии ведется «психоисторическая война», нацеленная на нейтрализацию идентичности русских как государствообразующего народа. Помимо территории и материальных ценностей, борьба ведется за умы и сердца русских людей²¹. Победа на этом фронте предполагает закономерную смену российского политического режима, частичную или полную потерю финансово-экономического, научного и технологического суверенитета, а также утрату Россией статуса сверхдержавы и одного из лидеров на Евразийском континенте [20, с. 34].

Концептуальная база современной русофобии, имея историческую основу и опыт периодических проявлений, была сформулирована в 2009–2010 гг. командой госсекретаря Х. Клинтон, найдя отражение в документах «Свобода в сети Интернет» и «Государство XXI века». Основные положения «новой публичной дипломатии» США²² сводились к борьбе с «авторитаризмом» в конкурирующих государствах посредством оказания поддержки их внутренней оппозиции на площадке сетевых ресурсов²³.

Примечательным отличием новых подходов является наличие необходимости оказания непосредственного влияния на внутривнутриполитические процессы в других государствах. В Национальной стратегии США в области публичной дипломатии и стратегических коммуникаций 2007 г.²⁴ выделяются три группы объектов информационно-психологического воздействия. Первая – общественные и религиозные деятели, бизнесмены, журналисты, ученые, политические лидеры и военнослужащие. Именно эта группа предназначена стоять в авангарде интересов США, а если этого не произойдет, она должна быть дискредитирована. Вторая – молодежь как самая восприимчивая к влиянию прослойка общества и идеологически активная группа, определяющая в ближайшем будущем векторы развития собственного государства. Третья – массовая аудитория, воздействовать на которую можно с помощью интернет-технологий и СМИ.

Попытки оказывать воздействие на внутреннюю ситуацию привели к тому, что в российском обществе сформировались отдельные категории населения, транслирующие русофобию внутри государства²⁵. Главную роль в этом сыграли действующие и финансируемые из-за рубежа неправительственные организации. По словам В. Никонова, «западные страны достаточно активно поддерживают непримиримую внутривнутрироссийскую оппозицию»²⁶. Таким способом формируется инструмент раскола общества в виде некоего «малого народа», который находится внутри «большого народа», но противостоит ему²⁷.

²¹ Панарин А. С. Православная цивилизация. М. : Институт русской цивилизации. 2014. 377 с.

²² National Framework for Strategic Communication. White House. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=27301> ; Update on National framework for Strategic Communication. White House. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=704809> (дата обращения: 23.10.2024).

²³ Бедрицкий А. В. Внешние факторы внутренней русофобии. С. 224.

²⁴ U.S. National Strategy for Public Diplomacy and Strategic Communication. Strategic Communication and Public Diplomacy Policy Coordinating Committee (PCC). 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://2001-2009.state.gov/documents/organization/87427.pdf> (дата обращения: 23.10.2024).

²⁵ Бедрицкий А. В. Внешние факторы внутренней русофобии. С. 226.

²⁶ Никонов В. А. Российская матрица... С. 894.

²⁷ Шафаревич И. Р. Русофобия.

Проявления русофобии нашли отражение и в таких доктринальных документах, как Стратегия национальной безопасности США 2017 г.²⁸ В Стратегии 2022 г. открыто декларируются намерения «сдержать Россию», представляющую «непосредственную угрозу свободной и открытой международной системе, безрассудно попирая основные законы международного порядка»²⁹. Также Стратегия национальной обороны США 2022 г. определяет Россию как «острую угрозу» и указывает на необходимость «поддерживать активное сдерживание российской агрессии против жизненно важных интересов» американского государства³⁰.

Региональное измерение русофобии проявляется в «интегрированных стратегиях» США по определенным странам. В частности, это отчетливо наблюдается в текстах указанных стратегий в отношении государств «региона Европы и Евразии». Наиболее показательным примером русофобского дискурса является «интегрированная стратегия» по Украине (2023 г.), постулирующая, что «российские атаки на мирных жителей, энергосистему Украины и гражданскую инфраструктуру требуют постоянной гуманитарной, экономической и развивающей помощи» в условиях, когда «военные преступления России растут с каждым месяцем»³¹. В насыщенной подобной риторикой стратегии «Миссия США в Европейском союзе» (2024 г.) отмечается, что эта миссия «будет формировать следующий пятилетний мандат институтов Европейского союза и процесс расширения Европейского союза для продвижения и защиты интересов США во всем мире путем обеспечения стратегического выравнивания Европейского союза и его государств-членов в борьбе с агрессивной Россией...»³².

Аналогичные подходы характерны для «интегративных стратегий» Вашингтона в отношении стран «региона Южной и Центральной Азии», а также «Восточной Азии и Тихоокеанского региона». Так, в стратегии по Казахстану (2022 г.) акцентируется, что «Россия и Китай сохраняют значительные связи и влияние в Казахстане и Центральной Азии, продвигая цели и ценности, которые часто противоречат целям и ценностям Соединенных Штатов»³³. «Из-за общей истории и языка с Россией, – отмечается в стратегии относительно Узбекистана (2024 г.), – в Узбекистане часто обращаются к российским средствам массовой информации,

²⁸ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 23.10.2024).

²⁹ National Security Strategy of the United States of America. October 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://admin.govexec.com/media/embargoed_until_12_pm_biden-harris_administration's_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 23.10.2024).

³⁰ The National Defense Strategy, the Nuclear Posture Review and the Missile Defense Review. October 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1-1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf> (дата обращения: 14.11.2024).

³¹ Integrated Country Strategy. Ukraine. August 29, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/09/ICS_EUR_Ukraine_29AUG2023_PUBLIC.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

³² Integrated Mission Strategy. U.S. Mission to the European Union. August 5, 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/08/ICS_EUR_USEU_Current.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

³³ Integrated Country Strategy. Kazakhstan. May 25, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/07/ICS_SCA_Kazakhstan_Public.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

что может ослабить влияние США и подорвать их политические цели»³⁴. Наконец, в «интегративной стратегии» по Китаю (2023 г.) обозначается, что «агрессия России против Украины усугубила и без того обостряющуюся глобальную проблему продовольственной безопасности»³⁵.

Обозначенные положения позволяют заключить, что на современном этапе агрессивное гибридное воздействие Запада в отношении России, инструментом которого является русофобия, приобретает очертания «ментальной войны». В связи с этим функциональный план «российской победы» обязан иметь наступательно-стратегический характер в ментальной области. Так, Россия, опираясь на возможности «народной дипломатии», свои транснациональные корпорации, СМИ, сетевые ресурсы, способна проецировать миру консервативные смыслы с духовно-цивилизационным «каркасом», который содержит постулаты равенства народов, верховенства справедливости и морали, уважения к традициям и ценностям, незыблемости суверенитета. Предложенные позиции неоднократно находили симпатии в иных странах в вопросе построения новой системы взаимоотношений и способны составить достойную конкуренцию антироссийским и откровенно русофобским «демократическим ценностям», насаждаемым коллективным Западом [21, с. 28, 31].

Результативное аккумулирование указанных смыслов нуждается в стройной идеологической системе, предназначенной содействовать консолидации общества и построению сильного государства. Такая система должна опираться на героические страницы истории, давая ответы на ключевые экзистенциальные вопросы. В этом отношении отечественная идеологическая модель должна сочетать в себе функциональные образы России и Русского мира, имеющие потенциал эффективного воздействия на умы и сердца не только российских граждан и соотечественников, но и нейтральной и антироссийски настроенной зарубежной аудитории [22, с. 9].

Обсуждение и заключение. Переживающая в настоящее время всплеск западная русофобия характеризуется периодическими проявлениями, активизация которых часто обусловлена геополитическими причинами и хронологически совпадает с обострением противостояния России и Запада. В условиях современной гибридной войны достигшие небывалых ранее масштабов русофобские проявления применяются в качестве инструмента геополитического сдерживания, ослабления и последующего разрушения России, лишив ее культурного и информационного суверенитета, психологической устойчивости, социально-экономической и внутриполитической стабильности, внешнеполитического влияния и перспектив развития.

Современная русофобия имеет черты «ментальной войны», имеющей целью изменить индивидуальное и массовое сознание, деморализовать общество и армию, нивелировать культурно-исторические основы государства, традиции, духовно-нравственные ценности и национальную идентичность. Для успешного противодействия этому необходимо выработать идеологическую систему, способствующую

³⁴ Integrated Country Strategy. Uzbekistan. April 25, 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/05/ICS_SCA_Uzbekistan_25APR2024_PUBLIC.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

³⁵ Integrated Country Strategy. People's Republic of China. February 2, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/03/ICS_EAP_China_02FEB2023_PUBLIC.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

общественной консолидации и построению сильного государства, в основе которой будут принципы солидарности, морали и справедливости, уважения жизненного уклада, традиций и национального суверенитета.

Дальнейшие исследования могут быть связаны с комплексным анализом текущих вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации в ракурсе западной русофобии, методов и механизмов противодействия внешним и внутренним русофобским тенденциям, а также с представлением функциональных рекомендаций по предупреждению и нивелированию аспектов русофобских проявлений в средне- и долгосрочной перспективе.

Практическая значимость настоящего исследования характеризуется тем, что его положения могут быть использованы в процессе написания исследовательских трудов по российской национальной безопасности и международным отношениям; в области учебно-методического обеспечения в высших учебных заведениях в рамках дисциплин, связанных с проблемами национальной безопасности, стратегического планирования и внешнеполитического позиционирования России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Таньшина Н.П. Славянофильство и парадоксы восприятия России на Западе. *Наука. Общество. Оборона*. 2024;12(1). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2024-1-1-1>
Tanshina N.P. Slavophilism and Paradoxes of Perception of Russia in the West. *Science. Society. Defense*. 2024;12(1). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2024-1-1-1>
2. Ильин А.Н. Русофобия как идеологический тренд в информационном пространстве Запада. *Свободная мысль*. 2020;(1):23–34. URL: <http://svom.info/entry/1003-rusofobiya-kak-ideologicheskij-trend-v-informacion/> (дата обращения: 22.10.2024).
Ilyin A.N. Russophobia as an Ideological Trend in the Information Space of the West. *Svobodnaya mysl*. 2020;(1):23–34. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://svom.info/entry/1003-rusofobiya-kak-ideologicheskij-trend-v-informacion/> (accessed 22.10.2024).
3. Крыжко Е.В., Пашковский П.И. Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение. *Регионология*. 2023;31(1):30–45. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.030-045>
Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I. Genesis and Features of Anglo-Saxon Russophobia: Geopolitical Dimension. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):30–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.030-045>
4. Gutorov V.A., Myrikova A.V., Shirinyants A.A. Russophobia Concept in Modern Political Discourse. *Political Expertise: POLITEX*. 2023;19(2):166–177. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.202>
5. Баранов Н.А. Ценностные аспекты геополитического конфликта России и Запада. *PolitBook*. 2024;(3):180–194. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-180-194>
Baranov N. Value Aspects of the Geopolitical Conflict of Russia and the West. *PolitBook*. 2024;(3):180–194. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-180-194>
6. Меркурьев В.В., Боброва О.В. Антирусийская риторика Запада: правовые и геополитические оценки. *Обозреватель*. 2023;(5):108–125. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_5_108
Merkuryev V., Bobrova O. The Anti-Russian Rhetoric of the West: Legal and Geopolitical Assessments. *Observer*. 2023;(5):108–125. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_5_108
7. Sashalmi E. The Late-Eighteenth-Century European Balance of Power and Russophobia in the English Media: The Ochakov Crisis (1791). *RussianStudiesHu*. 2022;(2):111–122. Available at: <https://edit.elte.hu/xmlui/handle/10831/85179> (accessed 22.10.2024).
8. Krustev L. Reflections on Russophobia in Britain in the First Half of the XIX Century. *Istoriya-History*. 2021;29(4):371–385. <https://doi.org/10.53656/his2021-4-3-russo>

9. Wahlang J. Russophobia and the West: a Study on Europe Anti-Russian Sentiments. *International Journal of Russian Studies*. 2021;(10):115–123. Available at: https://www.ijors.net/issue10_2_2021/pdf/_www.ijors.net_issue10_2_2021_article_5_wahlang.pdf (accessed 22.10.2024).
10. Крыжко Е.В., Пашковский П.И., Чемодуров Н.Н., Чарусов Т.А. Британская русофобия в первой половине XIX века: военный аспект. *Былые годы*. 2019;52(2):568–575. URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1559216145.pdf (дата обращения: 22.10.2024).
Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Chemodurov N.N., Charusov T.A. The British Russophobia in the First Half of the XIX Century: The Military Aspect. *Bylye gody*. 2019;52(2):568–575. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1559216145.pdf (accessed 22.10.2024).
11. Крыжко Е.В., Пашковский П.И., Наталевич С.И. «Большая игра» в Туркестане в первой половине XIX века: геополитические интересы сторон. *Былые годы*. 2018;49(3):1084–1091. URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1535633527.pdf (дата обращения: 22.10.2024).
Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Natalevich S.I. The “Great Game” in Turkestan in the First Half of the XIX Century: The Geopolitical Interests of the Parties. *Bylye gody*. 2018;49(3):1084–1091. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1535633527.pdf (accessed 22.10.2024).
12. Robinson N. “Russophobia” in Official Russian Political Discourse. *De Europa*. 2019;2(2):61–77. <https://doi.org/10.13135/2611-853X/3384>
13. Boman B. The Coexistence of Nationalism, Westernization, Russification, and Russophobia: Facets of Parallelization in the Russian Invasion of Ukraine. *International Politics*. 2023;60:1315–1331. <https://doi.org/10.1057/s41311-023-00495-z>
14. Nitoiu C. The Path to Russia’s 2022 Invasion of Ukraine: Moscow’s Framing of Conflict and Cooperation with the West under Putin’s Rule. *Southeast European and Black Sea Studies*. 2024. <https://doi.org/10.1080/14683857.2024.2324559>
15. Глазьев С.Ю. Что происходит. Доклад Изборскому клубу. *Свободная мысль*. 2022;(5):5–44. URL: <http://svom.info/entry/1246-chto-proishodit-doklad-izborskomu-klubu/> (дата обращения: 22.10.2024).
Glaziev S. What’s going on. Report to the Izborsky Club. *Svobodnaya mysl*. 2022;(5):5–44. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://svom.info/entry/1246-chto-proishodit-doklad-izborskomu-klubu/> (accessed 22.10.2024).
16. Бахлова О.В., Бахлов И.В. Патриотизм как тема политического дискурса в Союзном государстве Беларуси и России. *Вестник МГИМО-Университета*. 2024;17(2):104–128. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-104-128>
Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. Patriotism in the Political Discourse of the Union State of Belarus and Russia. *MGIMO Review of International Relations*. 2024;17(2):104–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-104-128>
17. Бахлова О.В., Бахлов И.В. Формирование единого образовательного пространства Союзного государства Беларуси и России в ракурсе политики патриотического воспитания. *Регионоведение*. 2024;32(3):426–445. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.426-445>
Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. Formation of a Unified Educational Space of the Union State from the Perspective of the Policy of Patriotic Education. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):426–445. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.426-445>
18. Галяшина Е.И., Богатырев К.М. Русофобский дискурс и медиабезопасность: новые вызовы в условиях информационной войны. *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2023;14(4):85–94. <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.21.68.011>
Galyashina E.I., Bogatyrev K.M. Rusophobic Discourse and Media Security: New Challenges in Information Warfare Conditions. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. 2023;14(4):85–94. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.21.68.011>
19. Меньшиков П.В., Борискина А.А. Актуальные аспекты трансформации государственной информационной политики РФ на современном этапе. *Этносоциум и межнациональная культура*. 2022;(1):9–24. URL: <http://etnosocium.ru/sites/default/files/1-1630.pdf> (дата обращения: 22.10.2024).
Menshikov P.V., Boriskina A.A. Relevant Aspects of Russian State Information Policy Transformation at the Current Stage. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura*. 2022;(1):9–24. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://etnosocium.ru/sites/default/files/1-1630.pdf> (accessed 22.10.2024).

20. Пазюк Ю.В., Ефимова В.П., Осипов С.Н. Актуальные проблемы обеспечения цивилизационной безопасности России. *Труды Института системного анализа Российской академии наук*. 2022;72(3):26–36. <https://doi.org/10.14357/20790279220304>
Pazyuk Yu.V., Efimova V.P., Osipov S.N. Actual Problems of Ensuring Civilizational Security of Russia. *Proceedings of the Institute for Systems Analysis of Russian Academy of Sciences*. 2022;72(3):26–36. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14357/20790279220304>
21. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России. *Военная мысль*. 2022;(4):24–35. URL: <https://vm.ric.mil.ru/upload/site178/pXyrDNLMT9.pdf> (дата обращения: 22.10.2024).
Ilitsky A.M. The Strategy of Russia's Mental Security. *Military Thought*. 2022;(4):24–35. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vm.ric.mil.ru/upload/site178/pXyrDNLMT9.pdf> (accessed 22.10.2024).
22. Ильницкий А.М. Цивилизационные аспекты ментальной войны. *Военный академический журнал*. 2024;(1):5–10. URL: <https://vumo.mil.ru/upload/site57/livPPXv1g2.pdf> (дата обращения: 22.10.2024).
Ilitsky A.M. Civilizational Aspects of Cognitive War. *Military Academic Journal*. 2024;(1):5–10. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vumo.mil.ru/upload/site57/livPPXv1g2.pdf> (accessed 22.10.2024).
23. Радноти К. Так называемая русофобия иностранных путешественников по Москве. *RussianStudiesHu*. 2023;5(2):169–181. URL: https://epa.oszk.hu/04700/04736/00008/pdf/EPA04736_RussianStudiesHu_2023_2_169-181.pdf (дата обращения: 22.10.2024).
Radnóti K. The So-Called Russophobia of Foreign Travelers to Moscow. *RussianStudiesHu*. 2023;5(2):169–181. Available at: https://epa.oszk.hu/04700/04736/00008/pdf/EPA04736_RussianStudiesHu_2023_2_169-181.pdf (accessed 22.10.2024).
24. Constantin C. Romanian Grain Market in the British Russophobia Context (1829–1853). *Hiperboreea. Journal of History*. 2015;2(1):95–107. <https://doi.org/10.3406/hiper.2015.886>
25. Burt P. The Merry Wives of Moscow: Komisarjevsky, Shakespeare, and Russophobia in the British Theatre. *New Theatre Quarterly*. 2016;32(4):375–390. <https://doi.org/10.1017/S0266464X16000440>
26. Krausz T. Remarks on the Nature of Modern Russo- and Sovietophobia. *RussianStudiesHu*. 2023;5(2):137–150. <https://doi.org/10.38210/RUSTUDH.2023.5.18>
27. Ashford E. Not-So-Smart Sanctions: The Failure of Western Restrictions against Russia. *Foreign Affairs*. 2016;95(1):114–123. Available at: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/articles/ashford-foreign-affairs-v95n1.pdf> (accessed 14.11.2024).
28. Kaplan R.D. Eurasia's Coming Anarchy. The Risks of Chinese and Russian Weakness. *Foreign Affairs*. 2016;95(2):33–41. Available at: <https://www.jstor.org/stable/43948176> (accessed 14.11.2024).
29. Smith H. Statecraft and Post-Imperial Attractiveness: Eurasian Integration and Russia as a Great Power. *Problems of Post-Communism*. 2016;63(3):171–182. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1145063>
30. Панюжева М.М. Франция и США: фобии по обе стороны Атлантики. *Современная Европа*. 2011;(3):19–20. URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2011/3-2011/panyuzheva3-2011.pdf> (дата обращения: 22.10.2024).
Panyuzheva M. France and USA: Fobias over Both Sides of the Atlantic. *Contemporary Europe*. 2011;(3):19–20. Available at: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2011/3-2011/panyuzheva3-2011.pdf> (accessed 22.10.2024).
31. Лукин Ю.Ф. Арктические фобии: социальные страхи и русофобия. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2020;14(4):103–119. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-4-103-119>
Lukin Yu.F. Arctic Phobias, Social Fears of Russians, Russophobia. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2020;14(4):103–119. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-4-103-119>

Об авторах:

Пашковский Петр Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (295007, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>, Researcher ID: AAJ-9474-2020, Scopus ID: 57195581020, SPIN-код: 5991-9586, petr.pash@yandex.ru

Крыжко Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (295007,

Российская Федерация, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9943-819X>, Researcher ID: Y-8613-2018, Scopus ID: 57195577771, SPIN-код: 4339-4001, jeyson1030@gmail.com

Крыжко Лидия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (295007, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9215-7969>, Researcher ID: Y-8608-2018, Scopus ID: 57210997997, SPIN-код: 6914-1350, lidochka12345@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

П. И. Пашковский – разработка концепции и инициация исследования; методологические основы исследования, сбор и анализ данных; подготовка текста статьи; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Е. В. Крыжко – постановка проблемы исследования; анализ данных; подготовка текста статьи; формулирование результатов исследования и выводов.

Л. А. Крыжко – изучение концепции; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 18.11.2024; одобрена после рецензирования 04.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

About the authors:

Petr I. Pashkovsky, Dr.Sci. (Polit.), Professor, Chair of Political Science and International Relations, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>, Researcher ID: AAJ-9474-2020, Scopus ID: 57195581020, SPIN-code: 5991-9586, petr.pash@yandex.ru

Evgeniy V. Kryzhko, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor, Chair of Archeology and World History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9943-819X>, Researcher ID: Y-8613-2018, Scopus ID: 57195577771, SPIN-code: 4339-4001, jeyson1030@gmail.com

Lydia A. Kryzhko, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor, Chair of Archeology and World History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9215-7969>, Researcher ID: Y-8608-2018, Scopus ID: 57210997997, SPIN-code: 6914-1350, lidochka12345@mail.ru

Contribution of the authors:

P. I. Pashkovsky – concept development and research initiation; methodological foundations of the study, collection and analysis of data; preparation of the text of the article; formulation of conclusions; critical analysis and revision of the text.

E. V. Kryzhko – statement of the research problem; data analysis; preparation of the text of the article; formulation of research results and conclusions.

L. A. Kryzhko – examination of the conception; critical analysis and revision of the text of the article.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 18.11.2024; revised 04.12.2024; accepted 16.12.2024.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ /
INTERNATIONAL RELATIONS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.048-062><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/fugaos>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 330.341

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Особенности применения концепта многополярности
при описании современного состояния
мировой экономики**

С. Ю. Белоконев

П. Д. Белитченко ✉

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)
✉ pavelbworkmail@gmail.com*

Аннотация

Введение. Многополярность представляет собой модель мироустройства, в которой международная система сдержек и противовесов не позволяет национальным правительствам в одностороннем порядке переопределять установленный политический и территориальный статус-кво, а также изолировать отдельные страны от мирового сообщества. Цель исследования – раскрыть содержание концепта многополярности в дискурсе мировой экономики и определить влияние условий многополярной среды международных отношений на традиционные роли геоэкономических субъектов в мирохозяйственной системе.

Материалы и методы. В качестве источников для исследования использованы публикации в российских и зарубежных периодических изданиях, а также специализированные монографии и доклады международных организаций. Идея многополярности рассматривается в контексте существования двух подходов к ее истолкованию: как инклюзивной модели мирового устройства и как ревизионистского течения в международной политике. В работе раскрываются предпосылки возникновения этих интерпретаций, дается характеристика геоэкономической составляющей многополярного мира и предлагаются методологические подходы к оценке конкурентоспособности государственных и негосударственных акторов в этих условиях.

Результаты исследования. Одной из ключевых причин, создавших условия для роста интереса к концепту многополярности, стал кризис многосторонней системы принятия решений в международных финансово-экономических институтах. Сопровождавший его рост случаев вмешательства государств в международные рыночные отношения повысил уровень неопределенности компаний реального и финансового сектора в вопросах их внешнеэкономической деятельности и соблюдения ограничительных мер. Эти процессы актуализировали использование методов анализа «влиятельности» и «могущества» акторов международных отношений в экономическом контексте. Однако для этого их необходимо модифицировать с учетом сетевого характера взаимодействия геоэкономических субъектов в мирохозяйственной системе.

© Белоконев С. Ю., Белитченко П. Д., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. По итогам работы была сформирована теоретическая основа для будущих исследований об экономических проявлениях многополярности, внешнеэкономической политике стран, фрагментации мировой экономики и финансовой системы. Актуальным направлением остается дальнейшая модернизация методологии геоэкономической аналитики в прикладном аспекте, в том числе для выявления каналов воздействия на сильные и слабые стороны конкурирующих акторов с учетом их созависимостей с другими участниками сети, а также для определения границ геоэкономических блоков и каналов их сопряжения.

Ключевые слова: многополярность, инклюзивное мироустройство, многостороннее управление глобальными процессами, снижение межстранового неравенства, геоэкономическая конкуренция, международные экономические отношения, мировая валютно-финансовая система

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00443 (<https://rscf.ru/project/24-18-00443/>) ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам и редакции журнала «Регионоведение» за ценные рекомендации, замечания и советы, которые помогли улучшить качество текста.

Для цитирования: Белоконов С.Ю., Белитченко П.Д. Особенности применения концепта многополярности при описании современного состояния мировой экономики. *Регионоведение*. 2025;33(1):48–62. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.048-062>

Application Features of the Multipolarity Concept in Describing the Current State of the World Economy

S. Yu. Belokonev, P. D. Belitchenko ✉

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)*

✉ pavelbworkmail@gmail.com

Abstract

Introduction. Multipolarity is a model of world order in which the international system of checks and balances prevents national governments from unilaterally redefining the political and territorial status quo or isolating individual countries from the global community. The purpose of the study is to reveal the content of the concept of multipolarity in the discourse of the world economy and to determine the impact of the multipolar environment of international relations on the traditional roles of geo-economic actors in the world economic system.

Materials and Methods. Publications in Russian and foreign periodicals, as well as specialized monographs and reports of international organizations, have been used as sources of information for the research. The concept of multipolarity has been examined in the context of two different approaches to its interpretation: as an inclusive model of the world order and as a revisionist trend in international politics. The paper reveals the prerequisites for the origins of these different interpretations, characterizes the geo-economic aspects of a multipolar world, and proposes methodological approaches for assessing the competitiveness of states and non-governmental actors in these conditions.

Results. One of the key reasons for the growing interest in the concept of multipolarity was the crisis of the multilateral decision-making system in international financial and economic institutions. The accompanying growth of state interference in international market relations has increased the level of uncertainty of real and financial sector companies in their foreign economic activities and compliance with restrictive measures. These processes have actualized the use of methods for analyzing the “influence” and “power” of actors of international relations in the economic context. However, for this purpose they need to be modified taking into account the network nature of interaction of geo-economic actors in the world economic system.

Discussion and Conclusion. The results of the work formed a theoretical basis for future research on the economic manifestations of multipolarity, foreign economic policy of countries, fragmentation of the world economy and financial system. Further modernization of the methodology of geo-economic analytics in the applied aspect, including the identification of channels for influencing the strengths and weaknesses of competing actors, taking into account their co-dependencies with other participants of the network, as well as for determining the boundaries of geo-economic blocks and channels of their conjugation, remains a relevant direction.

Keywords: multipolarity, inclusive world order, multilateral management of global processes, reduction of inter-country inequalities, geo-economic competition, international economic relations, global monetary and financial system

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research was conducted with the support of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-18-00443 (<https://rscf.ru/project/24-18-00443/>) Financial University under the Government of the Russian Federation.

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers and editors of the Russian Journal of Regional Studies for valuable recommendations, comments and advices that helped to improve the quality of the text.

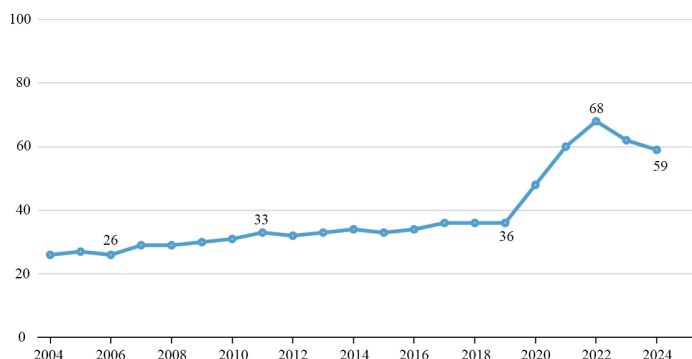
For citation: Belokonev S.Yu., Belitchenko P.D. Application Features of the Multipolarity Concept in Describing the Current State of the World Economy. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):48–62. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.048-062>

Введение. Интерес научного сообщества к концепту многополярности значительно вырос вслед за введением экономических санкций против Российской Федерации в 2022 г. Термин «многополярность» пришел в экономику из теории международных отношений. Прообразом современных представлений о многополярности считается Венская система международных отношений, также известная как «Европейский концерт» XIX в. Центрами полюсов «Европейского концерта» были так называемые великие державы: Россия, Австрия, Великобритания, Пруссия и позднее Франция [1]. Это была образованная Венской системой международных отношений геополитическая среда, которую отличали низкое количество военных конфликтов и гибкость связей между ее участниками¹. Согласно исследованию Е. А. Кашина, Великобритания в то время была наиболее могущественной и богатой страной, а Россия обладала наибольшим экономическим потенциалом. Австрия и Пруссия, хотя и не могли сравниться с ними в материальном плане, были самыми влиятельными участниками образованного на том же Венском конгрессе Германского союза. Участие же Франции на поздних этапах было необходимо для демонстрации легитимности восстановленной монархии Бурбонов [1].

Суть многополярности XIX в. сводилась к тому, что великие державы не могли в одностороннем порядке переопределять политический и территориальный статус-кво, что подкреплялось как формальными соглашениями, так и памятью о разрушениях и страданиях военного времени. Однако современный миропорядок разительно отличается от прошлых эпох. Его конфигурацию определили две мировые войны, распад империй, образование глобальных международных организаций, отказ от золотого стандарта, либерализация мировой торговли, крах Советского Союза, расцвет цифровых технологий. С падением биполярной системы мировое сообщество объединилось под эгидой единого вектора экономического развития.

Однако после введения экономических санкций против России концепт многополярности стал чаще звучать в риторике политиков и исследователей. На рисунке видно, что интерес к концепции многополярности в 2022 г. достиг максимальных значений за последние 20 лет, что выразилось почти двукратным ростом количества поисковых запросов на эту тему.

¹ Кортунов А. В. Почему мир не становится многополярным [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам : сайт. 2018. 27 июня. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/?sphrase_id=183536701 (дата обращения: 14.10.2024).

Р и с у н о к. Статистика поисковых запросов Google со словами из списка «multipolar», «multipolarity», «многополярный», «многополярность», март 2022 г. – 100 % (данные актуальны на 24.02.2025), %²

F i g u r e. Statistics of Google search queries with words from the list “multipolar”, “multipolarity”, “многополярный”, “многополярность”, March 2022 – 100 % (the data is current as of 24 Feb. 2025), %

Все это актуализирует задачу раскрытия особенностей адаптации концепта многополярности к сфере международных экономических отношений, выявления происходящей трансформации ролей геоэкономических субъектов и определения сценариев их дальнейшего развития.

Обзор литературы. Построенное на базе «Европейского концерта» и вобравшее в себя опыт XX в. современное понимание многополярности, с одной стороны, принимает в качестве аксиомы существование в мире нескольких групп акторов с противопоставленными целями, а также наличие в международной архитектуре механизмов для деятельной сублимации их соперничества. Восходящие державы видят в многополярности возможность сохранить культурную идентичность и политическую субъектность в процессе своего развития и увеличения значимости на международной арене [2].

С другой стороны, многополярность может описываться как политическое движение, стремящееся перераспределить баланс сил на мировой арене. Немецкий исследователь С. Майр главную роль в его становлении приписывает Китаю и России, скрывающим за призывами к созданию более справедливого мира стремление навязать другим странам «свое собственное понимание закона и порядка»³. Тем не менее он признает, что в основе этого движения лежит неоспоримый факт рассеивания политической, экономической и военной мощи от сверхдержав вроде США и Китая к менее влиятельным, но динамично развивающимся странам, к числу которых он относит Индию, Бразилию, Турцию, Мексику, Нигерию, Вьетнам и Индонезию.

Доказательства этой тенденции приводит М. Леонард, согласно которому доля мировой экономики, контролируемая Вашингтоном, Москвой и двумя блоками их

² Составлено авторами с помощью Google Trends. Столбцы гистограммы показывают рассчитанную на основе ежемесячных данных среднегодовую частоту поисковых запросов со словами из списка. Числа на вертикальной оси графика обозначают уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю за все время. В данном случае он был получен в марте 2022 г. и обозначен за 100 %. От него отсчитывается частота запросов во все остальные месяцы рассматриваемого периода, а на их основе – среднегодовые результаты.

³ Mair S. In Defense of Multipolarity [Электронный ресурс] // Internationale Politik Quarterly. 2023. 17 Nov. URL: <https://ip-quarterly.com/en/defense-multipolarity> (дата обращения: 14.10.2024).

альянсов, в 1950 г. составляла колоссальные 88 % мирового ВВП, а их военные расходы приближались к 99 % от общемирового объема. Сегодня же военные расходы стран, не относимых ни к одному блоку, достигли 15 % от общемировых и быстро растут, а на упомянутые ранее западный и восточный блоки приходится лишь 57 % мирового ВВП⁴. С. Майр приходит к выводу, что развитым странам, в частности Германии, не следует ускорять процесс формирования многополярного мира, так как они являются бенефициарами существующей мирохозяйственной системы: «Под защитой гегемонии Соединенных Штатов в области безопасности и с многосторонними институтами, гарантирующими устойчивость дипломатических, торговых и финансовых отношений, Германия использовала дивиденды мира для стабилизации своей социальной системы, одновременно открывая рынки по всему миру и выстраивая глобальные цепочки создания стоимости»⁵.

В свою очередь, страны Глобального Юга при формировании внешней политики «ищут такие стратегии взаимодействия, которые улучшали бы их связи с восходящим центром власти, но не бросали вызов доминирующей державе» [3, с. 68]. Периферийные страны в периоды изменения международного баланса сил «склонны проводить внешнюю политику маятникового типа» относительно существующих и укрепляющихся полюсов. Таким образом, можно говорить о трех основных целях, которые встают перед национальными экономиками в многополярной среде: перераспределение баланса сил (Россия, Китай), защита своих преимуществ (США, Европейский союз), извлечение выгод из многовекторной политики (страны Глобального Юга).

Классификацию этих и других интерпретаций многополярности с позиций разных школ международных отношений мы можем найти в работе В. С. Солуянова [4]. Так, с точки зрения реализма, многополярность представляет собой тенденцию к уменьшению разрыва в экономической, военной и политической сферах между странами. Неореализм прибавляет к этому истолкованию негативное влияние многополярности как на возможность заключения многосторонних соглашений, так и на возможность формирования широкомасштабных военных конфликтов.

Цивилизационный подход описывает многополярность как характеристику среды, где сталкиваются интересы разных цивилизаций и где происходит процесс их рефлексии, культурного обмена и обучения друг у друга. Региональный же подход подчеркивает позитивное влияние многополярности на интеграционные процессы и углубление связей стран, опирающихся на географическую и историко-культурную близость.

Одно из наиболее полных определений многополярности, на которое во многом опирается наше исследование, дает конструктивизм. С его позиций многополярность представляется внешнеполитическим нарративом, претендующим как на описание, так и на трансформацию реальности, который обусловлен стремлением ряда государств проводить более независимую политику с целью изменения соотношения сил на мировой арене.

⁴ Leonard M. China Is Ready for a World Disorder [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/china-ready-world-disorder> (дата обращения: 14.10.2024).

⁵ Mair S. In Defense of Multipolarity.

Материалы и методы. Материалами для комплексного анализа существующей научной и аналитической литературы послужили статьи, опубликованные в ведущих российских и зарубежных журналах и индексируемые в международных базах данных, таких как Scopus, Web of Science, ряд специализированных монографий, а также доклады и презентации международных организаций: Международного валютного фонда (далее – МВФ), Национального бюро экономических исследований США, Института международных финансов и др.

На основе сформированной базы источников проведен обзор подходов к интерпретации многополярности и соответствующих им представлений о конфигурации и характере взаимодействия акторов международных отношений, а также методологические подходы к оценке их конкурентоспособности. В исследовании использовались междисциплинарные методы, позволившие выделить аспекты использующихся в теории международных отношений моделей репрезентации пространства взаимодействия акторов, которые требуют корректировки при их применении к предмету мировой экономики и международных финансов.

По итогам работы были выявлены ключевые особенности трансформации ролей субъектов международных экономических отношений в условиях многополярности, а также определены сценарии их дальнейшего развития.

Результаты исследования. Одними из главных фундаментальных понятий в исследовании конкуренции субъектов международных отношений являются «мощь» («могущество», *power*) и «влияние» («влиятельность», *influence*). В основополагающей теоретической работе Р. Дж. Моккена и Ф. Н. Стокмана могущество определяется как «способность акторов (персон, групп или институтов) устанавливать или менять (полностью или частично) спектр возможных действий или решений других акторов»⁶. В свою очередь, влиятельность – это «способность акторов предопределять (частично) действия или выборы других акторов в рамках доступных для них альтернатив».

Как отмечает А. М. Ченой, многополярность не подразумевает наличия в мире «симметричного распределения экономической, политической и стратегической власти» [5, с. 30]. При этом она не могла бы стать мыслимой без предшествующего периода глобализации и индустриализации. По мере расширения глобальных цепочек создания стоимости во второй половине XX в. происходила интеграция экономик стран, находящихся порой в разных частях света и разительно отличавшихся по своему масштабу. С одной стороны, этот процесс наделял страны периферии могуществом, если те были способны благодаря своим преимуществам и специфике занять в конкурентной борьбе самые перспективные или широко востребованные рыночные ниши, как это произошло, например, в случае Южной Кореи, Тайваня, Китая и Японии.

С другой стороны, необходимыми условиями для инновационного развития любой отрасли или даже всей страны являются доступ к капиталу, передовым технологиям и рынкам сбыта, а также возможность перенимать навыки и знания более высокоразвитых партнеров. В случае упомянутых выше стран, а еще раньше во время послевоенной реставрации экономик Европы, главным источником этих

⁶ Mokken R. J., Stokman F. N. Power and Influence as Political Phenomena // Power & Political Theory. Some European Perspectives. Chapter: 3 / ed. by B. Barry. John Wiley, 1976. P. 35–54. URL: <https://www.researchgate.net/publication/30469628> (дата обращения: 14.10.2024).

ресурсов выступали США, расширившие тем самым границы своей влияния на многие десятилетия вперед.

На этом примере мы можем проследить, что учет распределения могущества и влияния стран представляет большую ценность для адекватной репрезентации структуры современной мирохозяйственной системы, в особенности для представления взаимозависимостей акторов и границ их автономности. Модели для измерения способности акторов контролировать исходы событий, зависящие от поведения других игроков, а также способности заставить другого субъекта сделать что-то, что тот по своей воле не сделал бы [6, с. 411], начали активно появляться во второй половине XX в. Они изначально разрабатывались в военно-аналитической сфере для сопоставления слабых и сильных сторон противников, а также для оценки их способности воспользоваться своими преимуществами для влияния на внешнее окружение.

Наиболее популярной из них стала модель Р. С. Клайна, служившего главным аналитиком ЦРУ США во время Карибского кризиса, на разработках которого базируются многие современные методики оценивания влияния государств. Основным параметром его модели является воспринимаемая сила государства. Она вычисляется как произведение сумм количественных (демография, величина валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности, число заграничных военных баз) и качественных показателей, отражающих «эффективность стратегии» или «политическую решимость» руководства страны.

В своей аналитической работе А. И. Подберезкин подчеркивает, что именно качественные показатели имеют ключевое значение⁷. Количественные показатели позволяют оценить ресурсы, которыми располагает актор, и результаты их применения. Однако только качественные показатели могут свидетельствовать о том, насколько эффективно актор использует свои ресурсы и может ли он достичь выполнения как тактических задач, так и долгосрочных целей внутри страны и за ее пределами.

Главными способами получения значений качественных характеристик, согласно А. Ю. Мельвилю, являются экспертные оценки и агрегирование временных рядов прокси-переменных, каждая из которых имела бы отношение к анализируемому качественному параметру [7, с. 188–190].

Сильной стороной данного подхода к оцениванию «воспринимаемой мощи» является его применимость для сравнения разных акторов в рамках фиксированной оси координат. Однако в социально-психологическом исследовании И. Б. Бовиной и Е. О. Голынички отмечается, что «влиятельность державы является не столько реальной, сколько искусственно сконструированной в ходе массовой коммуникации» [8, с. 52]. Пытаясь объективно сравнить силу акторов, такие модели неизбежно создают замкнутую систему описания, сама структура которой может исказить информацию при переходе от анализа субъектов к формированию стратегии их действий. В связи с этим становится очевидным, что классические методики требуют доработки и введения дополнительных показателей и индикаторов, позволяющих

⁷ Подберезкин А. И. «Модель Клайна» и современная национальная стратегия России [Электронный ресурс] // Центр военно-политических исследований. 2023. 12 дек. URL: <http://www.pravo.mgimo.ru/?q=analitika/model-klayna-sovremennaya> (дата обращения: 14.10.2024).

полнее отразить распределение мощи и влияния в пространстве международных отношений, в том числе экономических.

Дискуссионным остается вопрос выбора именно государств в качестве акторов многополярной среды международных экономических отношений. С одной стороны, большая часть статистических данных собирается на уровне отдельных стран. Однако из-за масштабности этих данных макрохарактеристики, используемые для сравнения государств, могут восприниматься как присущие их агентам на микроуровне, не отражая существующие конфликты и противоречия между различными субъектами общественной жизни внутри страны. Например, действия и поведение предпринимателей, инвесторов и даже обычных граждан могут идти вразрез с политическим курсом их страны, когда они начинают разрабатывать схемы обхода санкций, участвуя в агентских схемах поставок и оплаты товаров. Освещению этой проблемы в контексте введенных против России санкций посвящено множество заметок Р. Брукса. В частности, он отмечает, что, несмотря на четкую антироссийскую политику правительств Литвы, Эстонии, Латвии и Польши, эти страны стали основными перевалочными пунктами⁸ в торговле между Европейским союзом и Россией через государства ЕАЭС.

Помимо этого, к отдельному классу институтов, редко учитывающихся в указанных ранее моделях на уровне субъектов, относятся наднациональные организации, образованные после Второй мировой войны. Их игнорирование обусловлено тем, что они не являются полноценными акторами международных отношений, так как могут лишь исполнять и выражать волю представителей числящихся в них стран.

Практикуемые в наднациональных организациях механизмы многостороннего решения проблем на основе закрепленных в Уставе ООН принципов уважения национального суверенитета не позволяют реализовывать свое «право сильного», как это было в «Европейском концерте» XIX в. В данной связи А. Ю. Мельвил подчеркивает, что «могущество и влияние государств в современном мире основываются не на произволе, а на их нормативности и легитимности» [7, с. 182]. Критериев величия слишком много для построения глобальной иерархии, а действующих лиц – для ее соблюдения.

В то же время вертикали прослеживаются в бюрократической системе многих международных организаций. В частности, они присутствуют в ООН и его центральном органе – Совете Безопасности [9]. Однако еще более явно иерархия выражена в распределении властных полномочий внутри экономических институтов Бреттон-Вудской финансовой системы, где преимуществами обладают страны, бывшие центрами капиталистического блока XX в.

Одним из проявлений этого может служить постоянно откладывающаяся реформа распределения голосов в МВФ, где США обладают единоличным правом вето, что мешает разрешению проблемы изъятия финансовых активов с помощью санкций [10, с. 55], расширению пула резервных валют [11] и пр. По мнению Н. Н. Трошина, такая гегемонистская позиция США при поддержке Японии и стран Европейского союза является причиной, по которой до сих пор не удалось добиться

⁸ R. Brooks. Changes in the Relative Volume of Exports to Russia and Central Asia from Countries that Support the Sanctions Regime. Data from the Institute of International Finance [Электронный ресурс]. 2024. URL: https://twitter.com/robin_j_brooks/status/1729158452013134283/photo/1 (дата обращения: 14.10.2024).

значимого усиления роли стран Глобального Юга в МВФ [12, с. 190]. Еще лучше эту проблему иллюстрирует организованная американскими представителями блокада процесса назначения новых судей в апелляционный орган Всемирной торговой организации, из-за которого с 2019 г. многосторонний механизм урегулирования внешнеторговых споров остается парализованным⁹.

Схожие дисбалансы можно обнаружить и в устройстве мирового финансового рынка [13]. Несмотря на то, что экономика США составляет примерно четверть мирового ВВП, в мировой валютной системе на доллар приходится 59 % задекларированных валютных резервов, 18 % от всего объема международных небанковских займов и 44 % всех сделок на рынке FOREX¹⁰ [14, с. 9–11], а также 40 % платежей с использованием системы SWIFT¹¹. Следом за ним идет евро, с которым совершаются 37 % SWIFT-переводов и в котором номинированы менее 10 % международных небанковских займов. Однако на рынке FOREX и в валютных резервах объем использования евро втрое меньше, чем доллара. На долю оставшихся резервных валют: йены, фунта, юаня и швейцарского франка – приходятся однозначные процентные величины.

Объяснению этой диспропорции было посвящено масштабное исследование специалистов МВФ от 2020 г.¹² Оно показало, что использование валют в международных резервах центробанков не зависит от других факторов, таких как их применение в торговле, межбанковских транзакциях или расходах на оборону стран-эмитентов. Основным фактором, влияющим на объемы резервов, оказался инерционный эффект – прошлые объемы резервов, номинированных в данной валюте. Его средний коэффициент детерминации составлял 0,875 для агрегированных данных по всему миру и 0,703 для данных по резервам отдельных стран. Единственным другим статистически значимым параметром, связанным с использованием резервной валюты, была ее доля во внешних займах стран с низким и средним уровнем дохода. Однако его средний коэффициент детерминации был существенно ниже: 0,037 для агрегированных данных и 0,123 для дезагрегированных.

Таким образом, если рассматривать долю использования валют на мировом финансовом рынке как метрику для измерения могущества их стран-эмитентов, то, основываясь на данных специалистов МВФ, можно заключить, что существует крайне мало возможностей перераспределения существующего баланса сил. Из-за подобных проблем и закономерностей [15, с. 178–180], кажущихся неразрешимыми без полномасштабных реформ, многополярность и находит свое второе проявление уже не как характеристика пространства международных отношений глобализованного мира, преодолевшего биполярность холодной войны, но не принявшего

⁹ Goldberg P. K., Reed T. Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next? National Bureau of Economic Research: Working papers series. 2023. P. 7. <https://doi.org/10.3386/w31115>

¹⁰ Если весь объем сделок на рынке, с учетом двунаправленного характера каждой транзакции, брать за 100 %.

¹¹ Сотрудничество России с глобальными и региональными институтами в условиях трансформации мировой финансовой архитектуры / В. Я. Пищик [и др.] ; под ред. В. Я. Пищик, Г. А. Бунин. М. : Прометей, 2023. С. 57.

¹² Reserve Currencies in an Evolving International Monetary System / A. Iancu [et al.] ; International Monetary Fund: Departmental Papers Series. 2020. 67 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2020/11/17/Reserve-Currencies-in-an-Evolving-International-Monetary-System-49864> (дата обращения: 14.10.2024).

модель тотальной однополярной гегемонии, а как упоминаемое С. Майром ревизионистское и реакционное течение, стремящееся снизить межстрановое неравенство путем перераспределения баланса сил в геоэкономике.

Явные дисбалансы в распределении экономической мощи и влияния акторов имеют место и за пределами международного финансового рынка и наднациональных организаций. Речь идет главным образом о транснациональных корпорациях, роль которых на мировых рынках может сравниться с могуществом колониальных компаний прошлого [16, с. 326]. Либерализация международной торговли действительно позволила крупным корпорациям из развитых стран получить контроль над значимой долей ресурсов и отраслевых ниш в национальных хозяйствах по всему миру, оставив их правительствам вопросы поддержания социальной стабильности в обществе и создания благоприятных условий для ведения бизнеса. Однако их же участие способствовало индустриальному развитию аграрных экономик, некоторые из которых стали важными геополитическими акторами и породили свои собственные не менее могущественные корпорации, как это произошло в случае «азиатских тигров».

В настоящее время из-за активизации вмешательства правительств ряда стран в международные экономические отношения по геополитическим и стратегическим соображениям происходит отказ от принципов либерализма в международной торговле и полицентризма в организации глобальных цепочек создания стоимости. Взамен приходит политика, направленная на защиту своих конкурентных преимуществ и увеличение технологического отрыва одних стран от других, что в глобальном масштабе приводит к рекурсивному увеличению значимости экономической безопасности и все более активному росту ограничительных и протекционистских мер¹³.

Таким образом, главным свойством мирохозяйственной системы в современных условиях является способность ее акторов, с одной стороны, испытывать на себе влияние многополярности, меняющей их традиционные роли и функции, а с другой – предопределять характер формирующейся многополярной среды международных экономических отношений, который может склоняться либо в сторону инклюзивности, либо в сторону геоэкономического соперничества (таблица).

Учитывая все эти факты, мы не можем рассматривать мировую экономику в виде замкнутой системы, как это делается, например, с пространством международных отношений в модели Клайна. Мирохозяйственную систему вернее представлять как сеть, объединяющую частных предпринимателей, транснациональные корпорации, политиков, наднациональные институты. В ней существует множество центров влияния, образованных связями разных групп субъектов, в том числе относимых к разным полюсам. Обрыв связей даже в одном узле сети будет ощущаться во всем остальном мире. Это показала и пандемия, и торговая война США с Китаем, и международный кризис, разразившийся с началом спецоперации России на территории Украины.

¹³ Changing Global Linkages: A New Cold War? / G. Gopinath [et al] ; International Monetary Fund: Working Papers Series. 2024. 25 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/05/Changing-Global-Linkages-A-New-Cold-War-547357> (дата обращения: 14.10.2024).

Т а б л и ц а. Трансформация роли акторов в условиях многополярности и сценарии их дальнейшего развития¹⁴**Table. The transformation of actors' roles in the multipolarity environment and the scenarios of their future development**

Субъекты / Subjects	Влияние многополярной среды на субъекта / The influence of the multipolar environment on the subject	Влияние субъекта на многополярную среду / The influence of the subject on the multipolar environment	Сценарии дальнейшего развития роли субъекта в условиях многополярности / Scenarios for the further development of the role of the subject in the context of multipolarity
1	2	3	4
Национальные правительства / National governments	Увеличение объема внешнеэкономических интервенций государств / Increase in the volume of foreign economic interventions by states. Изменение экономической специализации стран программами промышленной политики / Change of the economic specialization of countries through industrial policy programs	Создание нормативно-правовых предпосылок для ослабления или усиления связей между разными узлами сети международных экономических отношений / Creation of legal prerequisites for weakening or strengthening ties between different nodes of the international economic relations network	Обеспечение верховенства закона, защиты прав на финансовую и материальную собственность и деполитизация международной торговли и инвестиций / Ensuring the rule of law, protecting financial and material property rights and depoliticizing international trade and investment. Приоритизация личных геоэкономических целей, использование торговых и финансовых связей в качестве инструмента давления на конкурентов / Prioritization of personal geo-economic goals, use of trade and financial ties as a tool to put pressure on competitors
Корпорации и предприниматели / Corporations and entrepreneurs	Дестабилизация торгово-производственных цепочек, вплоть до потери рынков сбыта и доступа к критическим ресурсам / Destabilization of trade and production chains, up to the loss of sales markets and of access to critical resources Увеличение притока государственных инвестиций в наиболее передовые отрасли / Increase in the flows of public investment into the most advanced industries	Решоринг промышленных центров, ведущий к росту производственных мощностей в глобальном масштабе / Reshoring of industrial centers leading to growth in production capacity on a global scale Эмерджентное воздействие рынка на ход трансформации мирохозяйственной системы / Emergent impact of the market on the course of the world economic system transformation	Рост капиталовложений в реальный сектор: инфраструктуру, промышленность, рабочие места / Growth of capital investment in the real sector: infrastructure, industry, jobs Отток инвестиций из стран с повышенными геополитическими рисками / Outflow of investments from countries with increased geopolitical risks

¹⁴ Таблица составлена авторами по материалам проведенного исследования.

Окончание таблицы / End of table

1	2	3	4
Наднациональные институты / Supranational institutions	Утрата способности разрешения противоречий и конфликтов / Loss of ability to resolve contradictions and conflicts	Противодействие фрагментации мировой экономики и финансовой системы с помощью глобалистских институтов / Countering the fragmentation of the world economy and financial system with the help of globalist institutions	Обеспечение единства в вопросе необходимости защиты ценностей и выгод глобализированной экономики / Ensuring unity in the need to protect the values and benefits of a globalized economy. Переход от всемирной архитектуры многостороннего регулирования к конкуренции между множеством альтернативных институтов / The transition from a global architecture of multilateral regulation to competition between a multitude of alternative institutions
Интеграционные объединения / Integration associations	Рост значимости в процессе формирования границ геоэкономических блоков / Growing importance in the process of geoeconomic blocks' boundaries formation	Укрепление экономических связей между комплементарными акторами и усиление их координации в политико-экономических вопросах / Strengthening of the economic ties between complementary actors and enhancing their coordination in political and economic issues	Формирование и усиление роли региональных институтов развития, резервных фондов, поставщиков финансово-технологических и инфраструктурных решений / Formation and strengthening of the role of regional development institutions, reserve funds, financial, technological and infrastructure operators Распад потенциальных союзов перед угрозой санкций со стороны более могущественных акторов / The collapse of potential alliances before the threat of sanctions from more powerful actors

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ показывает, что многополярность является устойчивым нарративом во внешнеэкономической политике, используемым не только для описания, но и для трансформации мироустройства с помощью распространения идеи о необходимости создания инклюзивной модели управления глобальными процессами. Порожденная кризисом многосторонности, многополярность являет себя инструментом его преодоления посредством укрепления финансового и экономического суверенитета восходящих держав и стран Глобального Юга. Однако для этого ее сторонникам требуется обеспечить защиту своих цепочек поставок, достигнуть технологического и финансового суверенитета

и перераспределить баланс сил в наднациональных экономических и финансовых организациях.

Особенности применения концепта многополярности при описании современного состояния мировой экономики влекут за собой необходимость изменения методологии геоэкономической аналитики, цель которой должна сводиться не только к оценке сильных и слабых сторон противников, но и к поиску новых технологий и практик, модифицирующих привычную структуру мирохозяйственной системы.

К актуальным направлениям будущих исследований следует отнести вопрос прочерчивания границ геоэкономических полюсов. Их было бы неправильно выделять строго по государственным границам, поскольку они определяются не задекларированной политической позицией правительств, а реальными действиями экономических агентов на их территории. Сравнение курса внешнеэкономической политики стран со статистикой их международных торговых и финансовых потоков может выявить более реалистичные границы блоков, а также страны, играющие роль соединительных звеньев между ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кашин Е.А. «Европейский концерт» XIX века: истоки, функционирование, кризис системы. *Политика, экономика и инновации*. 2021;(4). URL: <https://www.pei-journal.ru/index.php/PEII/article/view/988> (дата обращения: 13.08.2024).
Kashin E.A. "European Concert" of the XIX Century: Origins, Functioning, System Crisis. *Management, Economics and Innovations*. 2021;(4). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.pei-journal.ru/index.php/PEII/article/view/988> (accessed 13.08.2024).
2. Дробинин А.Ю. Образ многополярного мира. *Россия в глобальной политике*. 2023;(2):54–62. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-54-62>
Drobinin A. Yu. The Image of a Multipolar World. *Russia in Global Affairs*. 2023;(2):54–62. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-54-62>
3. Zapata S., Martínez-Hernández A.A. La política exterior latinoamericana ante la potencia hegemónica de Estados Unidos y la potencia emergente de China. *Colombia Internacional*. 2020;(104):63–93. <https://doi.org/10.7440/colombiaint104.2020.03>
4. Солуянов В.С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021;(3):424–445. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445>
Soluyanov V.S. The Concept of Multipolarity: Diversity of Approaches and Interpretations. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2021;(3):424–445. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445>
5. Chenoy A.M. The Multipolar Global Political Economy. *Economic and Political Weekly*. 2023;58(2):30–34. Available at: <https://www.epw.in/journal/2023/2/perspectives/multipolar-global-political-economy.html> (accessed 13.08.2024).
6. Degterev D.A. Multipolar World Order: Old Myths and New Realities. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019;(3):404–419. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419>
7. Мельвилл А.Ю. Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты. *Политическая наука*. 2018;(1):173–200. URL: <https://www.politnauka.ru/jour/article/view/614> (дата обращения: 13.08.2024).
Melville A.Yu. Power and Influence of Modern States within the Changing World Order: Some Theoretical and Methodological Aspects. *Political Science*. 2018;(1):173–200. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.politnauka.ru/jour/article/view/614> (accessed 13.08.2024).

8. Бовина И.Б., Голынчик Е.О. Многополярный мир: от политологии к социальной психологии. *Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология*. 2012;(1):49–60. URL: <https://msupsyj.ru/articles/detail.php?article=2242> (дата обращения: 13.08.2024).
Bovina I.B., Golynchik E.O. Multipolar World: From Politology to Social Psychology. *Lomonosov Psychology Journal*. 2012;(1):49–60. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://msupsyj.ru/articles/detail.php?article=2242> (accessed 13.08.2024).
9. Winther B.Z. A Review of the Academic Debate about United Nations Security Council Reform. *The Chinese Journal of Global Governance*. 2020;(1):71–101. <https://doi.org/10.1163/23525207-12340047>
10. Кузнецов А.В. Кризисогенность мировой валютно-финансовой системы: фундаментальный анализ. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022;15(6):46–63. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.06.03>
Kuznetsov A.V. Crisisogenicity of the Global Monetary and Financial System: Fundamental Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2022;15(6):46–63. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.06.03>
11. Кузнецов А.В. Дедолларизация международных расчетов: тенденции и перспективы. *ЭКО*. 2024;54(3):8–32. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-3-8-32>
Kuznetsov A.V. Dedollarization of International Settlements: Trends and Prospects. *ECO*. 2024;54(3):8–32. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-3-8-32>
12. Трошин Н.Н. Реформы Международного валютного фонда и интересы России. *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2017;(2):189–192. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformy-mezhdunarodnogo-valyutnogo-fonda-i-interesy-rossii> (дата обращения: 13.08.2024).
Troshin N.N. Reforms of the International Monetary Fund and the Interests of Russia. *Russia: Trends and Prospects of Development*. 2017;(2):189–192. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformy-mezhdunarodnogo-valyutnogo-fonda-i-interesy-rossii> (accessed 13.08.2024).
13. Кузнецов А.В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия. *Финансы: теория и практика*. 2019;23(5):50–61. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-5-50-61>
Kuznetsov A.V. Disintegration of the World Trade System: Reasons and Consequences. *Finance: Theory and Practice*. 2019;23(5):50–61. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-5-50-61>
14. Сахаров Д.М. Конкуренция резервных валют в условиях полицентрического развития мировой финансовой системы. *Финансы: теория и практика*. 2022;26(1):6–23. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-1-6-23>
Sakharov D.M. Reserve Currency Competition in a Polycentric World Financial System. *Finance: Theory and Practice*. 2022;26(1):6–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-1-6-23>
15. Белитченко П.Д., Патокина Е.Л. Особенности технологического решения актуальных проблем международных экономических отношений. *Экономика и предпринимательство*. 2022;16(11):178–183. URL: <http://www.intereconom.com/component/content/article/468.html> (дата обращения: 13.08.2024).
Belitchenko P.D., Patokina E.L. Features of Technological Solutions to Urgent Problems of International Economic Relations. *Economics and Entrepreneurship*. 2022;16(11):178–183. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.intereconom.com/component/content/article/468.html> (accessed 13.08.2024).
16. Романов М.И. Транснациональные корпорации в мировой экономике: система неокOLONИализма и экономического империализма. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2016;5(4):325–328. URL: <https://landraileiu.ru/wp-content/uploads/2023/04/ANI-EU-2016-4.pdf> (дата обращения: 13.08.2024).
Romanov M.I. Transnational Corporations in the World Economy: The System of Neocolonialism and Economic Imperialism. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2016;5(4):325–328. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://landraileiu.ru/wp-content/uploads/2023/04/ANI-EU-2016-4.pdf> (accessed 13.08.2024).

Об авторах:

Белоконов Сергей Юрьевич, кандидат политических наук, директор Института глобальных исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2), доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления (109542, Российская Федерация, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 99), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>, Scopus ID: 57203778848, SYUBelokonev@fa.ru

Белитченко Павел Денисович, аспирант факультета международных экономических отношений, стажер-исследователь Института глобальных исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5682-2036>, Researcher ID: GRY-5073-2022, SPIN-код: 2153-9834, pavelbworkmail@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

С. Ю. Белоконов – научное руководство; формулирование темы исследования; критический анализ применимости фундаментальных категорий международных экономических отношений в контексте исследования мировой экономики; формулирование предложений по их адаптации; определение направлений дальнейших геоэкономических исследований.

П. Д. Белитченко – поиск и анализ литературы по теме исследования; определение ключевых закономерностей в восприятии концепта многополярности; обоснование упадка многосторонности мировой валютно-финансовой системы и формулировка задач по модернизации ее компонентов для повышения инклюзивности глобального управления.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 23.10.2024; одобрена после рецензирования 22.01.2025; принята к публикации 14.02.2025.

About the authors:

Sergei Yu. Belokonev, Cand.Sci. (Polit.), Director of the Institute of Global Studies at the Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow 125167, Russian Federation), Associate Professor of the Chair of Public and Municipal Administration at the State University of Management (99 Ryazansky Prospekt, Moscow 109542, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>, Scopus ID: 57203778848, SYUBelokonev@fa.ru

Pavel D. Belitchenko, Graduate Student of the Faculty of International Economic Relations, Intern Researcher at the Institute of Global Studies of the Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow 125167, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5682-2036>, Researcher ID: GRY-5073-2022, SPIN-code: 2153-9834, pavelbworkmail@gmail.com

Contribution of the authors:

S. Yu. Belokonev – scientific guidance; formulation of the topic; critical analysis of the applicability of fundamental categories from international relations in the context of world economy studies; development of proposals for their adaptation; identification of further geoeconomic research areas.

P. D. Belitchenko – search and analysis of literature on the research topic; identification of key patterns in the perception of the multipolarity concept; justification for the decline of multilateralism in the world monetary and financial system, and formulation of tasks for modernizing its components to enhance the inclusivity of global governance.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 23.10.2024; revised 22.01.2025; accepted 14.02.2025.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.063-076>

EDN: <https://elibrary.ru/kcwwyd>

УДК / UDC 327.3

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Germany's and European Union's Indo-Pacific Stance: Towards a Value-Based Pragmatism

G. V. Toropchin

*Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation)
glebtropchin@mail.ru*

Abstract

Introduction. The growing use of the Indo-Pacific concept in the European and German discourses necessitates a closer scrutiny of its implementation. The author's hypothesis, founded on the assumption of Germany's central role in the European Union's security and defence policy, consists in that Berlin, together with Paris, has been playing the role of a key contributor to the preparation and implementation of the European Union's Indo-Pacific Strategy. The research is aimed at defining Germany's and European Union's stance with regard to the Indo-Pacific region.

Materials and Methods. The methodology involves qualitative narrative analysis as well as elements of discourse analysis in addition to conventional approaches such as scrutinising a number of sources to draw the underlying trends. The study is based on Germany's and European Union's official documents pertaining to the Indo-Pacific.

Results. The article shows that the transregional cooperation between Germany and the Asian nations is currently undergoing a transition stage from primarily economic cooperation to interaction in more sensitive spheres such as security. All of this is happening against the backdrop of increasingly pronounced securitisation processes in the region caused in no small measure by the US vs China face-off.

Discussion and Conclusion. Both German and European stances can be characterised by a whimsical combination of pragmatism and value-based rhetoric. Among the values listed in the official documents are liberal freedoms including press freedom, civil society, free trade etc. Albeit having arguably less at stake in the Indo-Pacific vis-à-vis France, Germany has also exerted a considerable influence on the development of a joint European Union vision of the Indo-Pacific that was ulteriorly materialised in a formalised strategy. The paper contributes to the literature by revealing the peculiarities of Germany's and European Union's Indo-Pacific policies.

Keywords: Germany, European Union, Indo-Pacific, European Union Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific, Policy Guidelines in the Indo-Pacific

© Toropchin G. V., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The study was funded by Russian Science Foundation according to the research project № 22-78-10118 (<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>).

Acknowledgments. The author expresses his gratitude to peer reviewers for their constructive feedback.

For citation: Toropchin G.V. Germany's and European Union's Indo-Pacific Stance: Towards a Value-Based Pragmatism. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):63–76. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.063-076>

Индо-Тихоокеанская политика Германии и Европейского союза: к прагматизму, основанному на ценностях

Г. В. Торопчин

Новосибирский государственный технический университет
(г. Новосибирск, Российская Федерация)
glebtoropchin@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуализация Индо-Тихоокеанского концепта в европейском и немецком дискурсах обуславливает необходимость тщательного рассмотрения его реализации. Предположительно Германия совместно с Францией играет ключевую роль в разработке и имплементации Индо-Тихоокеанской стратегии Евросоюза. Цель исследования – определить особенности политики Германии и Европейского союза в отношении Индо-Тихоокеанского региона.

Материалы и методы. Методология включает в себя качественный нарративный анализ, а также элементы дискурс-анализа в дополнение к конвенциональным подходам, к которым относится анализ источников для определения ключевых трендов. Работа основана на официальных документах Германии и Европейского союза в отношении Индо-Тихоокеанского региона.

Результаты исследования. Показано, что трансрегиональное сотрудничество между Германией и азиатскими державами в настоящее время находится на переходном этапе от преимущественно экономической кооперации ко взаимодействию в ряде «чувствительных» сфер, таких как безопасность. Данные тенденции проявляются на фоне усиливающихся процессов секьюритизации в регионе, во многом вызванных противостоянием США и Китая.

Обсуждение и заключение. И немецкий, и европейский подходы могут быть охарактеризованы как причудливое сочетание прагматизма и риторики, основанной на ценностях. К последним, перечисленным в официальных документах, относятся либеральные идеалы, включая свободу печати, гражданское общество, свободную торговлю и др. Несмотря на то, что Германия имеет принципиально меньшие ставки в Индо-Тихоокеанском регионе в сравнении с Францией, она также оказывает существенное влияние на развитие совместного видения исследуемого региона со стороны Евросоюза, которое было в конечном счете материализовано в виде формализованной стратегии.

Ключевые слова: Германия, Европейский союз, Индо-Тихоокеанский регион, стратегия Европейского союза по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе, основные ориентиры политики в Индо-Тихоокеанском регионе

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РНФ № 22-78-10118 (<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>).

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензентам за конструктивные замечания, которые позволили улучшить качество текста.

Для цитирования: Торопчин Г.В. Индо-Тихоокеанская политика Германии и Европейского союза: к прагматизму, основанному на ценностях. *Регионология*. 2025;33(1):63–76. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.063-076>

Introduction. During the past decade, the concept of “*Indo-Pacific*” has been penetrating both scholarly and official discourses, eventually becoming ubiquitous – or at least hard-to-ignore. Indeed, this attribute has been employed on a par with – and at times even replacing – the well-established term “*Asia-Pacific*”. Major powers such as the United States (US) or Canada have developed their *Indo-Pacific strategies*. European nations are no exception too, France predictably being the pioneer with its respective strategy announced by President E. Macron as early as in May 2018. In some other European Union (EU) countries, Indo-Pacific policy is only limited to *Guidelines*, which is still a considerable manifestation of their vivid interest in the region, duly embodied in the diplomatic practice. Germany, one of the founding nations of the European integration structures and largest European economy, definitely belongs to this cohort. Berlin appears to be going in line with the other US allies in gradually replacing the term “*Asia-Pacific*” in favour of “*Indo-Pacific*”. While the names are being changed, the approaches to the regional policies are undergoing the process of alteration as well.

The adoption of the *Policy Guidelines for the Indo-Pacific*, or *Leitlinien zum Indo-Pazifik*, in the original language, on September 2nd, 2020, has been a vital milestone in establishing Berlin’s accentuated policy towards the region¹. In this paper, the document is further referred to as the *Guidelines* and *Leitlinien* interchangeably. In approximately a year, on September 16th, 2021, the *EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific* (hereinafter also called the *EU Strategy* for the sake of brevity)² was made public as well, approved by the EU Council on April 19, 2021 and subsequently clarified in a factsheet on February 21st, 2022. The adoption of Germany’s Strategy on China, or *China-Strategie der Bundesregierung*³ on July 13th, 2023 epitomised a certain clarification with regard to Germany’s stance towards the region. The term “*Indo-Pacific*” has been used repeatedly in speech acts by both the incumbent *Chancellor* O. Scholz⁴ and the *Foreign Minister* in his government A. Bärböck⁵ as well as other officials.

Taking into consideration the enumerated input data, it is possible to put forward the research hypothesis: “Thanks to its central role in the EU, Germany – in duo with France – contributed in no small part to the formation of a relatively unified European Indo-Pacific policy”.

The goal of the research is to determine the current policy approach(es) undertaken by Germany towards an increasingly competitive and securitised Indo-Pacific in the early 2020s. The aforementioned supposition has led the author to formulating the following research objectives:

¹ Leitlinien zum Indo-Pazifik. Deutschland – Europa – Asien. Das 21. Jahrhundert gemeinsam gestalten. Auswärtiges Amt. 2020. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/resource/blob/2380500/33f978a9d4f511942c241eb4602086c1/200901-indo-pazifik-leitlinien--1--data.pdf> (accessed 01.10.2024).

² The EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific. European Commission. 16 September 2021. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52021JC0024> (accessed 01.10.2024).

³ China-Strategie der Bundesregierung (Federal Government’s Strategy on China). Auswärtiges Amt. 2023. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/resource/blob/2608578/810fdade376b1467f20bdb-697b2acd58/china-strategie-data.pdf> (accessed 01.10.2024).

⁴ Bundeskanzler Scholz in Südostasien. Internationale Ordnung und Handelsbeziehungen stärken. Bundesregierung. 14 November 2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/scholz-in-sudostasien-2142324> (accessed 01.10.2024).

⁵ Bärböck A. Rede der Bundesministerin des Auswärtigen, Annalena Baerbock, zu Klima und Sicherheit in Palau am 10. Juli 2022 in Palau. Bundesregierung. 10 July 2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-der-bundesministerin-des-auswaertigen-annalena-baerbock--2061884> (accessed 01.10.2024).

- Finding out how the adoption of the *Guidelines* and subsequent documents has influenced Germany's policy towards the region;
- Defining the role Berlin plays in determining the EU stance in the Indo-Pacific as well as the prevailing narratives of Germany's Indo-Pacific vision and how they correlate with those of the EU;
- Revealing the underlying approaches in Germany's policy towards the macroregion;
- Delineating Berlin's stance towards diverse minilateral initiatives (*Quad*, *AUKUS* etc.) and integration projects in the region, as well as the prospects of Germany joining these formats in any role (e.g. as an observer).

Literature Review. A selection of the corresponding publications can be structured contingent upon the authors' origin as well as the dimensions of the problem touched upon.

Germany's presence in the region was a subject of scrutiny in the Russian scholarship. V. Gulevich⁶ presents an overview of Berlin's original interests in the Asia-Pacific, i.e. before the "Indo-Pacific" was voiced as an international project. T.V. Arzamanova mentions Germany's balancing approach in the Indo-Pacific directed at the intraregional cooperation while striving for the "containment" of the PRC [1]. I.A. Konovalov compares the strategic documents pertaining to the Indo-Pacific adopted by the UK, France and Germany, discriminating the latter as delegating China's containment to the US and their allies [2]. A.V. Kupriyanov cites K. Haushofer's vision substantiating the need for Germany to align with the regional powers, namely, Japan, China and India⁷.

The transition of the European (and German, in particular) officials from the term "Asia-Pacific" to "Indo-Pacific" is meticulously inspected by F. Heiduk and G. Wacker⁸. P. Bordoloi⁹ presents an account of German's Indo-Pacific vision primarily from an economics standpoint. The ideological and political-economic foundations of European policies towards the Indo-Pacific, in contrast, are described by G. Pugliese [3] in a critical manner: the author illuminates the mercantile nature of EU's relations with the regional players. R. Ulatowski [4] explains Berlin's stance in the Indo-Pacific rather from a neoliberal institutionalist perspective, stating that the defence of the liberal order in the macroregion is a priority for Germany. A more recent paper by the same author explores the country's role in the region against the background of superpower rivalry, i.e. an increasingly tense relationship between China and the US [5]. Middle power theory is utilised in one more study to show how adherence to norms influences Berlin's stance in the Indo-Pacific [6]. G. Wacker¹⁰, in turn, offers a comparison of several cases explaining national policies of the European countries towards the Indo-Pacific. These

⁶ Gulevich V. [German-Australian Partnership in the Asia-Pacific]. The International Affairs. 10 September 2016. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/15946> (accessed 01.10.2024).

⁷ Kupriyanov A.V. [The Indo-Pacific Region: An Indian Outlook]. IMEMO RAS. 30 September 2020. Available at: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/events/2020/30092020/30092020-TEZ-KUP-001.pdf> (accessed 01.10.2024).

⁸ Heiduk F., Wacker G. From Asia-Pacific to Indo-Pacific. SWP Research Paper. 2020. <https://doi.org/10.18449/2020RP09>

⁹ Bordoloi P. Germany's Indo-Pacific Strategy. International Finance. 1 April 2021. Available at: <https://internationalfinance.com/magazine/economy-magazine/germanys-indo-pacific-strategy/> (accessed 01.10.2024).

¹⁰ Wacker G. Europe and the Indo-Pacific: Comparing France, Germany and the Netherlands. Elcano Royal Institute. 9 March 2021. Available at: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/analyses/europe-and-the-indo-pacific-comparing-france-germany-and-the-netherlands/> (accessed 01.10.2024).

involve – in addition to Germany – France and the Netherlands, which can be attributed to the fact that the mentioned actors have adopted their respective official strategies or guidelines.

As for the transregional interaction, H. Su¹¹ analyses what practices in the European communities could be adopted by the Asian integration blocs. A. Narlikar and J. Plagemann¹² dwell upon the particularities of strategic partnerships between Germany and the Asian nations in a prescriptive way. A more recent review of the state of affairs in this field is provided by W. Hilz¹³. Still, Sino-German relations remain the most well-researched out of the bilateral ties, as can be proven by the publications similar to the one by I. Ezran and J. Vaughan¹⁴. The shifting nature of the attitude of the general public in EU, including Germany, to China is disclosed in other works¹⁵. Regarding other directions, I. Driesmans¹⁶ focuses on the role of ASEAN for EU's Indo-Pacific strategy. R. Vlahutin, in turn, draws upon the EU's experience with regard to conceptualising the EU's Indo-Pacific vision¹⁷. Other papers cited below also make it possible to get an idea of the state-of-the-art in the area investigated.

To summarise, the scholarly literature only spotlights various fragments of the problem(s) stated in the introduction. As such, a larger synthesis of the accumulated knowledge would be in order to fill the research gap.

Materials and Methods. The methodology of the investigation is largely determined by the research hypothesis and research objectives stated in the introductory section. Apart from the conventional methods (most of all, *traditional descriptive approaches* to track the prevailing narratives as well as conducting a *literature review* as demonstrated above), which are quite widespread in the sphere of international relations (IR) as a discipline, the study draws upon interdisciplinarity, combining a number of areas determining the multidimensional nature of transregional ties. These include but are not limited to exposing the key areas characteristic of German and European views of the Indo-Pacific as well as scrutinising statistical data, in particular pertaining to economics and trade.

To ensure the robustness of the analysis, the paper also relies on a variety of sources from doctrinal documents to official speeches made by country representatives.

¹¹ Su H. *European Dream and Reluctant Integration in the 21st Century: Lessons for Ongoing Asian Regionalism*. Taipei: National Taiwan University Press; 2020.

¹² Narlikar A., Plagemann J. *Making the Most of Germany's Strategic Partnerships: A Five-Point Proposal*. GIGA Focus Global. 2016;6. Available at: <https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/making-the-most-of-germany-s-strategic-partnerships-a-five-point-proposal> (accessed 01.10.2024).

¹³ Hilz W. *Strategische Partnerschaften der EU*. Bundeszentrale für politische Bildung. 2020. Available at: <https://www.bpb.de/kurz-knapp/lexika/das-europalexikon/177287/strategische-partnerschaften-der-eu/> (accessed 01.10.2024).

¹⁴ Ezran I., Vaughan J. *Sino-German Relations in the Era of Global Interdependence*. Center for Strategic and International Studies. 4 November 2022. Available at: <https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/sino-german-relations-era-global-interdependence> (accessed 01.10.2024).

¹⁵ Silver L., Huang C., Clansy L. *Negative Views of China Tied to Critical Views of Its Policies on Human Rights*. Pew Research Center. 29 June 2022. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2022/06/29/negative-views-of-china-tied-to-critical-views-of-its-policies-on-human-rights/> (accessed 01.10.2024).

¹⁶ Driesmans I. *ASEAN at the Centre of EU's Indo-Pacific Strategy*. EEAS: The Diplomatic Service of the European Union. 19 April 2021. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/asean-centre-eus-indo-pacific-strategy-opinion-article-eu-ambassador-igor-driesmans_en (accessed 01.10.2024).

¹⁷ *Europe's Global Gateway towards the Indo-Pacific*. Observatory Indo-Pacific. 30 September 2022. Available at: <https://www.sciencespo.fr/ceri/observatory-indo-pacific/europes-global-gateway-towards-the-indo-pacific/> (accessed 01.10.2024).

Document analysis can assist in creating a bigger picture in relation to the paramount fields of cooperation between Germany and Europe in general and the regional players, along with highlighting major stakeholders in the region both for the federal government and for the EU. Using certain elements of *discourse analysis* (e.g. with regard to the formal addresses by German officials), the article aims at defining the key elements of German policy towards the macroregion. At the same time, the peculiarities of the scholarly narratives can be tracked thanks to reliance on a wide selection of related publications.

Results. *EU and Germany: A Look into Security in the Indo-Pacific.* At first glance, the EU – and Germany in particular – has very few reasons to be solicitous about the security architecture of the Indo-Pacific. Still, the sheer fact of piracy and other threats to trade routes [7], as well as illicit trafficking in conjunction with related factors aggravate the concerns of the Europeans for that matter. Although rarely voiced publicly, one more potential point of tension is Djibouti: it is this African nation that hosts military bases of Washington and Beijing, Tokyo, and Paris. The country is located in the immediate proximity of the Gulf of Aden and Bab-el-Mandeb, another bottleneck of the Red Sea, by analogy with the Suez Canal, a gateway to the Mediterranean.

Discursively, both the EU and Germany's Indo-Pacific documents are predated by not only French, but also the US *Indo-Pacific Strategy* conceptualised during D. Trump's first term. Washington's proactive role in the region in the face of the US' multidimensional conflict with China cannot but have a direct impact on Brussels' and Berlin's positioning in the region. This competition is unequivocally mentioned in Germany's *Strategy on China* while Beijing's nuclear and conventional military modernisation is implicitly criticised¹⁸.

Despite the universalising efforts in producing *Common Security and Defence Policy* (CSDP) like the *European Army* project, the EU can only boast limited actual military capacity (being preoccupied at present with the challenges on the continent itself), which has a restraining impact on its presence in the region. Same is even truer of Germany, due to historical reasons as well as lawfully restrictions preconditioned by law (e.g. those stipulated by the *Two Plus Four Treaty*). Nonetheless, Berlin has had a visible influence on the overall European security posture in the Indo-Pacific, though to a lesser extent than France owing to absence of overseas territories and the above-mentioned legal limitations in the defence sphere.

Germany's *Ministry of Defence* has a separate commitment with a view to the region, with no sizeable contradictions to the posture proclaimed by the *Foreign Ministry*¹⁹. Some nuances touching upon the geography are not uninteresting as well: as such, the east coast of the African continent is included in the Indo-Pacific by definition, much like the western shores of both Americas. The *Ministry of Defence* stresses the risks connected with the presence of nuclear weapons states and de facto nuclear powers; conventional arms race and militarisation. At the same time, the declarative *Zeitenwende* speeches by Chancellor O. Scholz, substantiating the growing defence spending, do not comprise any hints on Asian or Indo-Pacific security²⁰.

¹⁸ China-Strategie der Bundesregierung. P. 48.

¹⁹ Engagement im Indo-Pazifik. Bundesministerium der Verteidigung. 18 July 2023. Available at: <https://www.bmvg.de/de/themen/dossiers/engagement-im-indopazifik> (accessed 01.10.2024).

²⁰ Scholz O. Reden zur Zeitenwende (Speeches of the Epochal Shift). Die Bundesregierung. 2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/992814/2131062/78d39dda6647d-7f835bbe76713d30c31/bundeskanzler-olaf-scholz-reden-zur-zeitenwende-download-bpa-data.pdf> (accessed 01.10.2024).

In spite of these abridgements, the EU and Germany keep pursuing capacity building in the realm of maritime security [8], with the intention of guarding the sea lanes and trade routes. As to concrete actions, those are predominantly limited to participating in joint missions by sending the warships as a way to show the interest in the security dimension. *Bundeswehr* officers have been taking part in French naval missions in the region since 2016. Moreover, Germany is also proactive to this end, as the journey of the *Bayern* frigate is a showcase for this purpose [9]. It was deployed in the region from August 2021 till February 2022, and its activities were chiefly predetermined by tracking the implementation of the sanctions regime against North Korea and joint drills with Japan's *Self-Defence Forces*. Germany was among the EU member states that invoked *Indian Ocean Working Group*, *Critical Maritime Routes Programme (CRIMARIO)* and *CRIMARIO II* initiated to raise awareness in the region. Berlin also allocates some of its financial resources to latently promote the introduction of the corresponding standards in the Asian militaries: Germany funds the *Enhancing Security Cooperation in and with Asia (ESIWA)* programme jointly with France.

At the same time, Germany and the EU push forward another crucial concept, namely interoperability. As an illustration, the EU Naval Forces' *Operation Atalanta* was directed at preventing piracy in the waters surrounding the African Horn, with India, Japan, and Republic of Korea (ROK). EU *CSDP* missions have been deployed in Australia, New Zealand, ROK and Vietnam²¹.

Along with these developments, strenuously advertised in the media and analytical pieces, Germany also organised short visits of some vessels representing its fleet to Japan and ROK. This even affects air force²², as *Luftwaffe's Eurofighters* took part in *Pitch Black* exercise in Australia in August and September 2022²³.

Even if Germany aims at absconding from a conflict with China, it could not escape some contiguity on that occasion. Berlin's request to dock the said *Bayern* frigate in Shanghai was denied in September 2021 due to lack of mutual trust and transparency. This failed port call does not cancel the fact that *Bayern* was the first German warship to enter the South China Sea (SCS) since 2002. Berlin's involvement in actual operations in the SCS would manifest another level of stepping-in, serving at the very least as a declaration of interest helping Germany to indicate its presence. A changing PRC is a recurrent theme in the 2023 *Strategy on China*, substantiating Berlin's attitude towards its counterpart. China is simultaneously labelled as a partner, competitor and systemic rival²⁴, perceived as a challenger to the Indo-Pacific order.

To affirm the seriousness of its intent, Germany has even been considering limited military presence in the Taiwan Strait, two ships making a brief transit in its waters in September 2024. However, the developments in Ukraine make it possible to hypothesise that Berlin's depletable resources are more likely to be distributed in the European theatre.

As for the minilateral groupings abundant in the Indo-Pacific (e.g. *AUKUS* or *Quad*), Germany's interaction with those is quite sporadic. Berlin was not affected by the formation

²¹ Partnerships. EEAS: The Diplomatic Service of the European Union. 3 October 2022. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/partnerships_en (accessed 01.10.2024).

²² Engagement im Indo-Pazifik.

²³ Pittaway N. Germany deploys Eurofighters to Exercise Pitch Black. Australian Defence Magazine. 19 September 2022. Available at: <https://www.australiandefence.com.au/defence/air/germany-deploys-eurofighters-to-exercise-pitch-black> (accessed 01.10.2024).

²⁴ China-Strategie der Bundesregierung. P. 8.

of the AUKUS alliance directly like France was, both reputation-wise and financially. Germany was a part of the 2022 *The Rim of the Pacific (RIMPAC)* exercise led by the Quad nations²⁵, but such ad hoc cooperation is hardly to be contemplated as a rule. Given Germany's status as an extraregional player as well as a certain degree of exclusivity pertaining to these formats, it is difficult to imagine Berlin joining them even as an observer in the short-term run, as even France has not entered these groupings.

Taking into account the facts expounded, one could come to a conclusion that the defence dimension between Germany and the EU – on the one hand – and the Indo-Pacific – on the other hand – is developing, boosted by the recent happenings, but is on the whole constrained by the considerations of expediency.

The EU and Germany: Trade and Economic Relations with the Indo-Pacific. EU is the largest investor in the Indo-Pacific region and a key trading partner for major regional economies. Germany, the enduring locomotive of the European prosperity, has simultaneously been a beneficiary of the tight commercial ties with the Indo-Pacific. Berlin is clearly aimed at securing its trade interests as a major economy and an industrial power which additionally accounts for special interest of the European states in maritime security. Berlin keeps reorienting itself to the region bearing in mind the trade conflict between the EU and the US and an urgent need to expand to the markets beyond the EU.

The EU itself has several free trade agreements (FTAs) in force with such regional players as the ROK, Japan, Vietnam, and Singapore. The negotiations geared to concluding further similar agreements are either in the preparation phase or ongoing with Australia, India and New Zealand as well as some ASEAN countries, namely, Malaysia and Thailand²⁶. Still, the set of FTAs between the EU and Indo-Pacific nations has hardly had any colossal influence on Germany's gross imports and exports: not a single nation out of those named above in this paragraph was on the list of Berlin's top 10 trading partners as of 2023²⁷.

The PRC, however, has remained Berlin's top trading partner for years [10], only outpaced by the US in terms of exports and unrivalled in imports²⁸. And vice versa, Germany has long been the PRC's most important economic counterpart in the EU [11]. From other Indo-Pacific nations, only Japan and ROK account for more than 1% each in the overall pool of destinations. A closer look at the trade statistics reveals a disparity in Germany's exports and imports dynamics with China: in 2022, this indicator reached €84 billion²⁹. As the situation does not seem to be quite balanced, this only keeps increasing

²⁵ London B. World's Largest Naval Exercises to Include all 4 Quad Nations and 5 South China Sea Countries. CNN. 1 June 2022. Available at: <https://edition.cnn.com/2022/05/31/politics/rimpac-navy-exercises-intl-hnk-ml/index.html> (accessed 01.10.2024).

²⁶ Current Free Trade Agreements. Federal Ministry for Economic Affairs and Climate Action. 2023. Available at: <https://www.bmwk.de/Redaktion/EN/Artikel/Foreign-Trade/ongoing-negotiations-on-free-trade-agreements.html> (accessed 01.10.2024).

²⁷ Foreign Trade. German Federal Statistical Office. 2023. Available at: https://www.destatis.de/EN/Themes/Economy/Foreign-Trade/_node.html#sprg481802 (accessed 01.10.2024).

²⁸ The Observatory of Economic Complexity (2023). Germany (DEU) Exports, Imports and Trade Partners. The Observatory of Economic Complexity. Available at: <https://oec.world/en/profile/country/deu?yearlyTradeFlowSelector=flow1> (accessed 01.10.2024).

²⁹ German Exports to China Decline in January Despite Lifting of Lockdown. Reuters. 21 February 2023. Available at: <https://www.reuters.com/business/german-exports-china-decline-january-despite-lifting-lockdown-2023-02-21/> (accessed 01.10.2024).

for the *Bundesrepublik* in course of time³⁰. Politically, Berlin is sometimes reproached for becoming dependent on the China, including by the EU, which expedites a quest for alternative pathways of engaging with other regional players. It is not in vain that the *Federation of German Industries*, or *Bundesverband der Deutschen Industrie e.V. (BDI)*, the most influential entity uniting large corporations, in one of its strategic papers published in 2019, referred to China as a “*systemic competitor*”³¹.

As for the ways of solving the trade deficit problem, Germany seems to have set its sights on diversification as opposed to decoupling³². Berlin has been trying to institutionalise this shift by creating a milieu conducive to business activities, holding conferences and other events for entrepreneurs³³. While the “*Wandel durch Handel*” concept³⁴ did not lead to any kind of softening in *Zhongnanhai*’s position, this bidirectionality proves that the metaphor of “*hot economics, cold politics*” can indeed be applied to the relations between Germany and China.

The complicated nature of the issue can be confirmed by bumpy negotiations on the *Comprehensive Agreement on Investment* with the PRC³⁵ concluded in principle on December 30, 2020 under Germany’s presidency of the *EU Council*. Disregarding this, Germany’s foreign investment to China was at its peak in the first half on 2022³⁶. Such a trend is palpable in relative terms as well: Berlin’s foreign direct investment (FDI) in China increased from just around a third in all of Asia to almost a half (46.5%) in a decade.

Communications lines, infrastructure and logistics form another prominent angle of Germany’s and the EU’s involvement in the region. The strained logistics between Europe and Asia due to sanctions against Russia threaten the idea of convergence between *Belt and Road Initiative (BRI)* and *Eurasian Economic Union* directed at building bridges throughout Eurasia as a whole. Berlin is facing the dilemma of either pitching in with the *BRI* or competing with it while evading an unambiguous choice. For the avoidance of being accused of connivance at China’s appetites, Europe and Germany have been banking on so-called *Middle* (Central Asia and the Caucasus) and *Southern* (Mediterranean and the Middle East) *transport corridors* instead. The importance of sea routes in the Indo-Pacific is underlined further in the *Strategy on China*³⁷.

To sum up, China keeps playing a stunningly preponderant role in the economic relations between the EU and the macroregion even under the conditions of the US-China

³⁰ China Remains Germany’s Main Trading Partner for Seventh Year. Reuters. 8 February 2023. Available at: <https://www.reuters.com/markets/china-remains-germanys-main-trading-partner-seventh-year-2023-02-08/> (accessed 01.10.2024).

³¹ China – Partner und systemischer Wettbewerber. Bundesverband der Deutschen Industrie e.V. 1 October 2019. Available at: <https://bdi.eu/publikation/news/china-partner-und-systemischer-wettbewerber> (accessed 01.10.2024).

³² German Strategy on Asia Pacific: Diversification but no Decoupling from China. VietnamNews. 16 November 2022. Available at: <https://vietnamnews.vn/economy/1396166/german-strategy-on-asia-pacific-diversification-but-no-decoupling-from-china.html> (accessed 01.10.2024).

³³ Becker A. German Business. Deutsche Welle. 31 October 2012. Available at: <https://www.dw.com/en/asia-is-of-growing-importance-for-german-trade/a-16345022> (accessed 01.10.2024).

³⁴ Ezran I., Vaughan J. Sino-German Relations in the Era of Global Interdependence.

³⁵ EU-China Comprehensive Agreement on Investment. European Commission. 2020. Available at: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/china/eu-china-agreement_en (accessed 01.10.2024).

³⁶ German Dependence on China Growing “at tremendous pace” – IW. Reuters. 19 August 2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/german-dependence-china-growing-tremendous-pace-iw-2022-08-19/> (accessed 01.10.2024).

³⁷ China-Strategie der Bundesregierung. P. 49.

trade war, and Germany's dependence on these bilateral ties with the PRC is only becoming more obvious in the early 2020s. This leads both Brussels and Berlin to a risk management approach, Germany partly yielding its right to negotiate with *Zhongnanhai* to the European diplomacy.

Other Major Fields of Cooperation. In the political realm, Berlin sticks to multilateralism as a key principle of dealing with the Indo-Pacific [12]. Rules-based order and freedoms (i.e. of navigation) form the core values listed in both the *Leitlinien*³⁸ and the *EU Strategy*³⁹. Berlin's approach is supplemented by mentioning liberal freedoms of press, speech, trade etc.⁴⁰ Germany plays a key role in the *EU Global Gateway* connectivity strategy⁴¹ in implementing manifold infrastructure projects in the Indo-Pacific, e.g. road construction, water pipes maintenance etc.

The EU and Germany possess a certain degree of attractiveness in terms of projecting their soft power to the Indo-Pacific nations. Culture and education are among the most fruitful avenues for such collaboration, particularly with university consortiums and student exchange programmes. E.g. Erasmus+ is available to the countries of Regions 5 and 8, i.e. Asia and the Pacific⁴². Specifically for Germany, one could mention the transregional initiatives of the *Federal Ministry of Education and Research* mostly on a bilateral basis, in contrast to its pan-African projects⁴³. *German Academic Exchange Service*, or *Deutsche Akademische Austauschdienst (DAAD)*, has also been zeroing in on the Indo-Pacific, continuing to facilitate the transregional collaboration among the scientists and offering a number of individually tailored projects⁴⁴. More instances of academic collaboration include the functioning of *Vietnamese-German University*, *Center of Excellence for Public Policy and Good Governance* in Thailand etc. Other cases illustrating transregional cooperation entail exchange of ideas between think tanks, for instance with Australia⁴⁵. These formats empower Germany in terms of promoting its vision through Track 2 and 3 diplomacy, joint seminars, round tables and other activities among various research institutes, potentiating the dialogue and crosspollination of ideas.

Apart from using the described instruments, interregional formats like *Asia-Europe Meetings (ASEM)* assist in facilitating intercultural exchange and people-to-people contacts. Close grassroots ties are backed by the population composition, among other things: as of late 2021, roughly 172,000 Indians and around 146,000 Chinese expats lived in the Federal Republic⁴⁶. Exemplary is the bottom-up movement of town twinnings

³⁸ Leitlinien zum Indo-Pazifik. Deutschland – Europa – Asien. Das 21.

³⁹ The EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific.

⁴⁰ Leitlinien zum Indo-Pazifik. Deutschland – Europa – Asien. Das 21.

⁴¹ Europe's Global Gateway towards the Indo-Pacific.

⁴² Eligible Countries. Erasmus+. 2023. Available at: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/programme-guide/part-a/eligible-countries> (accessed 01.10.2024).

⁴³ Cooperation with the Asia-Pacific Region. Federal Ministry of Education and Research. 2023. Available at: https://www.bmbf.de/bmbf/en/international-affairs/worldwide-networking/cooperation-with-the-asia-pacific-region/cooperation-with-the-asia-pacific-region_node.html (accessed 01.10.2024).

⁴⁴ Indo-Pazifik-Region im Fokus. Deutsche Akademischer Austauschdienst. 6 October 2021. Available at: <https://www.daad.de/der-daad/daad-aktuell/de/80690-indo-pazifik-region-im-fokus/> (accessed 01.10.2024).

⁴⁵ Gulevich V. [German-Australian Partnership in the Asia-Pacific].

⁴⁶ Foreign Population by Place of Birth and Selected Citizenships. Statistisches Bundesamt. 2023. Available at: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration-Integration/Tables/foreigner-place-of-birth.html> (accessed 01.10.2024).

a.k.a. the institute of sister cities with the German municipalities (Gwangmyeong and Suwon in South Korea, Hoi An and Ho Chi Minh in Vietnam, and even on a district level in case of Seoul – Songpa and New Taipei).

Tourism remains a promising industry in promoting cultural exchange, even if it has been badly stricken by COVID-19 pandemic [13], from which the domain is now recovering as travel bans have been lifted even in China. Technology transfer and cooperation with Germany, including in critical technologies vital for strategic spheres, matters for initiating and advancing *Industry 4.0* projects⁴⁷ in the rapidly developing and modernising regional economies that have also benefitted from the expertise possessed by indigenous highly qualified specialists educated in Germany. As to the evidence pertaining to concerted efforts embracing radically new spheres, this concerns EU's bilateral agreements on digital partnerships with Japan and Singapore, as well as dialogues on cybersecurity etc.

Shifting to the humanitarian dimension, Berlin has been using humanitarian aid to promote the country's presence in the region and as an incentive to reinvigorate the relations with the regional players. This is especially visible in case of smaller Pacific island nations (e.g. in the cause of tackling climate change), also famously assisted by Australia, China and other international donors. On the European scale, F. Timmermans has continuously served as a liaison high-level official who promoted the EU vision on climate change in interaction with the Indo-Pacific. Germany, for its part, has been allotting its financial resources to combat deforestation and ensure water supply in some of the Pacific states⁴⁸. As for the development assistance, in addition to securing the access to promising markets, this direction is linked with cultivating a positive image of the country in the Global South.

Discussion and Conclusion. The ongoing tectonic processes in world politics launched – or exacerbated – by the COVID-19 pandemic and escalating hostilities around Ukraine imminently influence the transregional interaction of Europe and the Indo-Pacific in a lot of ways, from recalibration of supply chains to increasingly prominent militarisation. Germany's transregional cooperation with the Indo-Pacific is no exception in this situation, graphically reflecting the trends peculiar to Europe.

Although equating German and European approaches to the region could rightly be battered as an oversimplification, it has been found that there is a positive correlation between the wordings used in the *EU Strategy* and the *Leitlinien*. European and German Indo-Pacific stance is of a reactive nature not only because it was formed later than in the US in terms of the sequence of events, but also due to a certain degree of adoption of the language – though furnished with inherently attractive notions of multilateralism and inclusivity. In that sense, Berlin is not exactly repeating the directly divisive rhetoric of the US that contributes to the continuous securitisation of the region. While the EU and Berlin's postures towards the region are more than merely a derivative of Washington's policy, it remains to be seen if both Brussels and Berlin are capable of implementing an independent, self-sustaining course in the region in practice. Judging by the lack of structural

⁴⁷ Bordoloi P. Germany's Indo-Pacific Strategy.

⁴⁸ Director-General of the Department of Asian Affairs of the Foreign Ministry Liu Jinsong Holds a Video Consultation with Director-General for Asia and the Pacific of the German Federal Foreign Office Petra Sigmund. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 9 January 2021. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/gjhdq_665435/3265_665445/3296_664550/3298_664554/202109/t20210902_9169319.html (accessed 01.10.2024).

changes in the bodies responsible for foreign affairs, European and German Indo-Pacific policies are not nearly as institutionalised as those of the US. Besides, actual efficiency of bureaucratic structures and roadmaps or declarations of intent is questionable to some critics. Still, the degree of coherence between the potential will and actual capacity of the EU might be crystallised in the upcoming years as the strategy is being implemented.

German posture toward the Indo-Pacific can be regarded as pragmatic – though hardly bordering on *Realpolitik* – but concurrently wrapped in a (neo)liberal, value-based packaging all the same, in contrast to zero-sum thinking. That said, the EU and Germany's projections are tangibly underpinned by a normative approach determined by the self-positioning of Brussels and Berlin in the region and globally. Such a stance clearly contains an ambivalence: theses grounded on rules as declared in the official documents coexist with the down-to-earth consideration of narrower interests demonstrated *de facto*. Moreover, there remains an open question of whether the described value-based approach is met with reciprocity or is at least accommodated by the Indo-Pacific regional powers other than Australia, Japan or ROK. Indeed, the European actors may concentrate on exporting rules and norms, but the question is how expedient it might be if those are copied blindly without any adaptation to local realities.

Conceptualisation of the Indo-Pacific as a framework of action is an unceasing, multispeed process influenced by a number of variables (e.g. geopolitical fluctuations, internal struggle etc.) The process of gradual strengthening of the Indo-Pacific narratives in Germany and the EU can be traced back to the turn of the 2010s and 2020s. In Germany it was initiated two years later than in France, but this shift gave an impetus to a larger Indo-Pacific vision of the EU. Germany – together with France – has been acting as a centripetal force in forming Europe's Indo-Pacific vision, and this adhesive power was sufficient to conceive an all-EU view with regard to the region in a matter of months. Indeed, the synergy known as “*le couple franco-allemand*” has long been defining the European integration processes, and this unity (regardless of setbacks like the announcement of *AUKUS*) can be defined as an important part of the chain reaction in the European Indo-Pacific practice. Germany's involvement in the Indo-Pacific exemplifies the role of not only great but also middle powers in advancing such narratives, analogously to Australia and Japan in the region itself.

Germany's and the EU's approaches to the region rest upon not so much a polycentric world model but rather a multilateral network structure. Even though it is not overtly propagated as a mission, Europe – and Germany in particular – has been striving for creating an attractive and viable alternative to dilute a bipolar choice between Beijing and Washington hanging over the regional powers. This can be interpreted as an attempt to move away from a binary choice, though in reality neither Brussels nor Berlin are as apt in avoiding taking sides as ASEAN member states.

Another potential point of convergence possibly consists in the lessons learnt from Germany's central role in the region which did not prevent it from participation in building the multilateral European order. As H. Su argues, this experience can, in turn, be embraced by China, pointing at some geopolitical and historical commonalities between the two countries and their neighbours⁴⁹. Moreover, the success story of European integration

⁴⁹ Su H. European Dream and Reluctant Integration in the 21st Century: Lessons for Ongoing Asian Regionalism. P. 403.

is seen as inspiring by some Asian politicians extrapolating these schemes (sometimes in a mechanistic manner) to foster regionalism in the Indo-Pacific.

The palpable overall securitisation of the IR discourse in the region in the recent years manifests itself *nolens volens* in German Indo-Pacific policy. The idea of seamlessness in maintaining stability of the global regions presupposes an interconnection between seemingly distant parts of the world. From a systems thinking point of view, events in one part of the globe inevitably influence the state of affairs in another, quite similar to U-shaped vessels. This thesis can be illustrated by former Japanese *PM* F. Kishida's utterance that security of Euro-Atlantic and the Indo-Pacific are undivided⁵⁰.

Germany's ex-*Foreign Minister* H. Maas raised the issue of remoteness of Asia from Germany and Europe in general, claiming that "The Himalayas and the Malacca Strait may seem a long way away"⁵¹. Notwithstanding the so-called tyranny of distance and pronounced differences in business culture, Germany's relations with the Indo-Pacific represent one of the most indicative examples of transregional cooperation.

Further work should involve a more in-depth scrutiny of the Asian view, including the corpus of texts in the corresponding languages, as well as the reliance on a country-based approach so as to mark out similarities and differences in how the US' traditional partners view the Indo-Pacific. In terms of content analysis, monitoring the dynamics in a reverse direction (e.g. parsing Asian leaders' speech acts with regard to Germany) could be of interest as well. Likewise, an exhaustive discourse analysis of the leading German media – perhaps, with the application of data mining and/or Big Data technologies to automate the process – would also be sought after. More prospective linguistic approaches include reviewing the modalities to discern the division/cohesion between the descriptive and prescriptive elements; surveying the documents as performative speech acts; employing the toolkit of quantitative and qualitative content analysis to scrutinise the context surrounding the predominant ideologemes in more detail; and paying individual attention to the implicatures.

REFERENCES

1. Arzamanova T.V. Some Aspects of German Strategic Planning in Indo-Pacific Region Facing the Return of Great Power Rivalry. *Current Problems of Europe*. 2022;(4):258–284. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>
2. Konovalov I.A. Indo-Pacific in British, French, and German Strategic Guideline Documents. *Vestnik Tsentra izucheniya mezhdunarodnykh otnosheniy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione*. 2022;(7):30–38. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: KAXCPF
3. Pugliese G. The European Union's Security Intervention in the Indo-Pacific: Between Multilateralism and Mercantile Interests. *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2022;17:76–98. <https://doi.org/10.1080/17502977.2022.2118425>
4. Ulatowski R. Germany in the Indo-Pacific Region: Strengthening the Liberal Order and Regional Security. *International Affairs*. 2022;98(2):383–402. <https://doi.org/10.1093/ia/iiac008>

⁵⁰ Kishida, NATO Confirm Strengthening of Security Cooperation. The Japan News by the Yomiuri Shimbun. 1 February 2023. Available at: <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/defense-security/20230201-88091/> (accessed 01.10.2024).

⁵¹ Foreign Minister Maas on the Adoption of the German Government Policy Guidelines on the Indo-Pacific Region. Auswärtiges Amt. 2 September 2020. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/maas-indo-pacific/2380474> (accessed 01.10.2024).

5. Ulatowski R. Germany and the Indo-Pacific in an Age of Superpower Competition. *International Political Science Review*. 2023;45(5):647–657. <https://doi.org/10.1177/01925121231190094>
6. Wunderlich J., Luo C. Germany's Evolving Role in Global Affairs: Positioning as a Middle Power in the Indo-Pacific Region. *Asia Pacific Viewpoint*. 2024;65(3):416–429. <https://doi.org/10.1111/apv.12425>
7. Lindley J. Criminal Threats Undermining Indo-Pacific Maritime Security: Can International Law Build Resilience? *Journal of Asian Economic Integration*. 2020;2:206–220. <https://doi.org/10.1177/2631684620940477>
8. Odgaard L. European Security and Minilateralism in the Indo-Pacific. *Australian Journal of International Affairs*. 2024;78(6):911–928. <https://doi.org/10.1080/10357718.2024.2398747>
9. Krause D. German and Korean Approaches to the Indo-Pacific. *Korea Europe Review: An Interdisciplinary Journal of Politics, Society, and Economics*. 2025;(7):51. <https://doi.org/10.48770/ker.2025.no7.51>
10. Biba S. Germany's Triangular Relations with the United States and China in the Era of the Zeitenwende. *German Politics*. 2023;33(3):435–462. <https://doi.org/10.1080/09644008.2023.2275050>
11. Zhang Q. Sectoral and Country-Origin Dynamics of FDI in China in 1997–2020. *The Chinese Economy*. 2022;56(2):89–103. <https://doi.org/10.1080/10971475.2022.2096808>
12. Schatz V.J. Germany. Policy Guidelines for the Indo-Pacific. *Asia-Pacific Journal of Ocean Law and Policy*. 2021;6:150–160. <https://doi.org/10.1163/24519391-06010012>
13. Korinith B. Impact of the COVID-19 Pandemic on International Tourism Income in Tourism Receiving Countries. *Sustainability*. 2022;14(19):12550. <https://doi.org/10.3390/su141912550>

About the author:

Gleb V. Toropchin, Cand.Sci. (Hist.), Associate Dean for Academic Affairs, Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University (20 Prospekt K. Marksa, Novosibirsk 630073, Russian Federation), Associate Professor, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (6 Volodarskogo St., Tyumen 625003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8055-1202>, Researcher ID: **I-5829-2016**, Scopus ID: **57194636373**, SPIN-code: **1524-2434**, glebtoropchin@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 10.09.2024; revised 07.02.2025; accepted 14.02.2025.

Об авторе:

Торопчин Глеб Вячеславович, кандидат исторических наук, заместитель декана по научной работе факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (630073, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20), доцент Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8055-1202>, Researcher ID: **I-5829-2016**, Scopus ID: **57194636373**, SPIN-код: **1524-2434**, glebtoropchin@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 10.09.2024; одобрена после рецензирования 07.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/mqehq>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 329.1/6

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Трансформация партийных систем в странах Центральной Азии в контексте укрепления политических режимов

Б. П. Гуселетов ✉

Н. М. Великая

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)
✉ bguseletov@mail.ru*

Аннотация

Введение. Проблемы развития политических систем стран Центральной Азии приобрели в настоящее время особую актуальность в условиях глобальной политической напряженности. Регион в силу географического положения становится ареной соперничества за влияние между крупными державами, экономическими блоками и транснациональными корпорациями. Цель исследования – определить вектор изменений партийно-политических систем Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана и его влияние на трансформацию партийно-политической системы.

Материалы и методы. Эмпирической базой являются данные электоральной статистики, отражающие итоги президентских и парламентских выборов в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане в 2019–2022 гг., программы политических реформ, анонсированных руководителями этих стран, пришедших к власти по итогам этих выборов. В основе исследовательской стратегии авторов лежит неинституциональный анализ, позволяющий выявить не только формальные параметры политической системы, но и неформальные взаимодействия политических акторов.

Результаты исследования. Были выделены и описаны три этапа становления политических систем в постсоветский период. Выявлены общие черты их институционализации и функционирования: продолжающийся процесс партийного строительства политических институтов, сопровождающийся изменениями в конституционном строе, сочетание либерализации и вытеснения из политического процесса оппозиции, а в ряде случаев запрет на деятельность оппозиционных партий. Специфика эволюции партийных систем в республиках заключается в фрагментарной адаптации западных институтов.

Обсуждение и заключение. Продемонстрировано, что неопатримониальный характер политических режимов отразился на функционировании партийных систем. На всех этапах их эволюции большую роль в направлении их развития играла исполнительная власть, которая отличалась высокой степенью персонализации. Отличительным примером стал Кыргызстан, где партии имели возможность влиять на деятельность политических институтов, что особенно проявилось в период

© Гуселетов Б. П., Великая Н. М., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

президентства А. Атамбаева. После смены лидеров в Казахстане и Узбекистане полномочия партий и их воздействие на процессы формирования парламентов и правительств стали постепенно возрастать, что отразилось на партийном ландшафте в странах Центральной Азии. Статья представляет интерес для исследователей в области партийного строительства на постсоветском пространстве, политических систем стран Центральной Азии, а также политических и общественных деятелей, интересующихся данной тематикой.

Ключевые слова: страны Центральной Азии, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, партийно-политическая система, политический режим, политические партии

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гуселетов Б.П., Великая Н.М. Трансформация партийных систем в странах Центральной Азии в контексте укрепления политических режимов. *Регионоведение*. 2025;33(1):77–90. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090>

Party System Transformation in Central Asian Countries in the Context of Strengthening Political Regimes

B. P. Guseletov ✉, N. M. Velikaya

*Institute of Socio-Political Research of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

✉ bguseletov@mail.ru

Abstract

Introduction. The problems of the development of the political systems of the Central Asian countries have now become particularly relevant in the context of global political tension. Due to its geographical location, the region is becoming an arena of competition for influence between major powers, economic blocs and multinational corporations. The purpose of the study is to determine the vector of changes in the party and political systems of Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan and its impact on the transformation of the party and political system.

Materials and Methods. The empirical basis of the article is the analysis of the results of the presidential and parliamentary elections in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan in 2019–2022, as well as the political reform programs announced by the leaders of these countries who came to power as a result of these elections. The authors' research strategy is based on neo-institutional analysis, which allows us to identify not only the formal parameters of the political system, but also the informal interactions of political actors.

Results. Three stages of the formation of political systems in the post-Soviet period have been identified and described. The common features of their institutionalization and functioning are revealed: the ongoing process of party-building of political institutions, accompanied by changes in the constitutional system, a combination of liberalization and exclusion of the opposition from the political process, and in some cases a ban on the activities of opposition parties. The specific feature of the evolution of party systems in the republics lies in the fragmentary adaptation of Western institutions.

Discussion and Conclusion. It is revealed that the neo-patrimonial nature of political regimes has affected the functioning of party systems. At all stages of their evolution, an important role in the direction of their development was played by the executive branch, which was characterized by a high degree of personalization. A distinctive example was Kyrgyzstan, where parties sought and had the opportunity to influence the activities of political institutions, which was especially evident during the presidency of A. Atambayev. After the change of leaders in Kazakhstan and Uzbekistan, the powers of the parties and their impact on the formation of parliaments and governments began to gradually increase, which also affected the party landscape in Central Asian countries. The article is of interest to researchers in the field of party building in the post-Soviet space, the political systems of Central Asian countries, as well as political and public figures interested in this topic.

Keywords: Central Asia countries, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, party and political systems, political regime, political parties

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Guseletov B.P., Velikaya N.M. Party System Transformation in Central Asian Countries in the Context of Strengthening Political Regimes. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):77–90. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090>

Введение. Значение центральноазиатского региона для мировой политики и экономики определяется тем, что он географически является важнейшим элементом, соединяющим Европу и Азию, и зоной жесточайшей геостратегической конкуренции между ведущими мировыми державами¹. Обострение противостояния России с Западом, разворот российской внешней политики в сторону стран Центральной Азии, которые провозгласили внешнеполитическую многовекторность², диктует необходимость мониторинга партийно-политических систем стран Центральной Азии, особенно в плане определения перспективных направлений возможного сотрудничества в рамках евразийской интеграции. Такого рода сотрудничество может быть эффективным, если помимо государственных структур в него включены и институты гражданского общества, политические партии и движения.

Начавшаяся в последние годы смена элит в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане сопровождалась реформами, которые нашли свое отражение в их внутренней и внешней политике, что актуализирует изучение трансформаций партийно-политических систем этих стран.

Цель исследования – оценить результат реформ партийно-политических систем в ведущих центральноазиатских республиках: Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане. Стратегия сравнительного исследования строится на основе метода анализа похожих случаев, поскольку эти страны объединяют не только общее историческое прошлое, социокультурные традиции, но и особенности трансформации политических режимов, направление политического развития в новейшее время. Из анализа были исключены Туркменистан и Таджикистан в связи с тем, что, в отличие от рассматриваемых государств, в них не произошла смена элит и продолжают функционировать жестко авторитарные политические режимы, в которых роль политических партий сведена к минимуму.

Обзор литературы. Эволюция политических систем в странах Центральной Азии вызывает исследовательский интерес и в России, и за рубежом.

В рамках сравнительных исследований характеризуются модели государственного устройства и выявляется специфика функционирования политических режимов, которая заключается в имитационном характере большинства демократических процедур на фоне формирования суперпрезидентских республик [1; 2]. Особенности политического процесса и распределение полномочий в политической системе позволили авторам идентифицировать такие режимы как гибридные или неоавторитарные [3; 4]. В ряде публикаций анализируются сложности адаптации западных институтов и роль кланов в политическом процессе [5; 6].

Большинство ученых, исследовавших функционирование политических систем в республиках Центральной Азии, характеризуют актуальное состояние партийно-политических систем как относительно устойчивое [7; 8], что не исключает определенных модификаций, определяющихся становлением и эволюцией политических режимов в этих странах. Закономерно, что в рамках изучения политических систем

¹ Burunciuc L., Izvorski I. Encouraging Transformations in Central Asia [Электронный ресурс] // Brookings Institute : сайт. 2019. 13 Dec. URL: <https://www.brookings.edu/articles/encouraging-transformations-in-central-asia/> (дата обращения: 20.10.2024).

² Кая Э. Многовекторность внешней политики в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Ankasam : сайт. 2023. 28 марта. URL: <https://www.ankasam.org/multi-vector-directional-foreign-policy-in-central-asia/?lang=en> (дата обращения: 20.10.2024).

рассматривались также и особенности институционализации политических партий. Первые этапы становления многопартийности достаточно освещены как в отечественной, так и в зарубежной литературе [9; 10], особенно в части анализа реформ в отдельно взятых странах [11–13]. Эволюция политических систем в странах Центральной Азии в сравнительной перспективе и особенности транзита власти частично отражены в работах С. А. Притчина, Н.А. Борисова [14; 15]. Отдельный пул работ как отечественных, так и зарубежных авторов посвящен анализу электоральных процессов. В частности, в них отражены практики формирования партийных списков и особенности проведения выборов [15; 16].

При этом анализ современных тенденций трансформации партийных систем в сравнительной ретроспективе в отечественной политической науке практически отсутствует.

Материалы и методы. Теоретико-методологической основой исследования являются неинституциональный анализ Д. Норта, обращавшего внимание на определяющую роль институтов в социальных трансформациях и их эффективность³, а также работы, посвященные эволюции и особенностям развития партийных систем в переходных системах [17], выявляющие барьеры и ловушки процесса демократизации, неудачный опыт адаптации западных институтов в странах постсоветского пространства [18].

В качестве объекта исследования авторы выбрали процесс институционализации партийно-политических систем Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, уделив особое внимание трансформациям последних лет. Анализ осуществляется в рамках метода «анализа похожих случаев», поскольку эти три республики демонстрируют схожесть их партийно-политических систем и процессов их реформирования.

Эмпирическая база исследования – электоральная статистика, данные о зарегистрированных партиях и партиях, участвующих в избирательном процессе, составе парламентов. Партийно-политические системы в трех центрально-азиатских республиках сравниваются по ряду критериев – количеству партий, участвующих в выборах и референдумах, количеству и периодичности проводимых выборов в постсоветский период, специфике взаимодействия партий с органами исполнительной власти и между собой (возможность заключения коалиций); роли и значимости политической оппозиции (возможность участвовать в выборах, факт преодоления заградительного барьера); эффективности избирательной системы.

Результаты исследования. Политический контекст становления партийных систем в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане после распада СССР имеет ряд общих черт, определяющих специфику политической ситуации в этих странах:

1) в основном власть в них унаследовали представители бывшей партийной номенклатуры;

2) политическая элита на первоначальном этапе строительства национального государства, продолжавшегося в среднем 10–15 лет, консолидировалась на основе идей независимости, суверенитета и сложившихся местных традиций [19], что вело к дистанцированности от России;

³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. А. Н. Нестеренко. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

3) президентские республики в этих странах постепенно трансформировались в суперпрезидентские [20];

4) на становление партийно-политической системы повлиял клановый характер рекрутирования политических элит [5; 6];

5) многократные изменения конституции, которые повлияли на дизайн партийного ландшафта: количество и перечень партий, участвующих в выборах, постоянно менялись. Изменения в конституцию чаще всего легитимировались с помощью референдумов (табл. 1) и, главным образом, были связаны с перераспределением полномочий между парламентом и президентом в пользу последнего.

Таблица 1. Даты проведения президентских и парламентских выборов, общенародных референдумов в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане (с 1991 по 2023 г.)⁴

Table 1. Dates of parliamentary and presidential elections, national referendums in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan (1991–2023)

Событие / Event	1991–1999	2001–2016	2017–2023	Всего / Total
<i>Казахстан / Kazakhstan</i>				
Президентские выборы / Presidential	2	3	2	7
Парламентские выборы / Parliamentary	3	4	1	8
Референдумы / Referendum	1	—	1	2
<i>Кыргызстан / Kyrgyzstan</i>				
Президентские выборы / Presidential	2	4	2	8
Парламентские выборы / Parliamentary	1	5	2	8
Референдумы / Referendum	4	4	1	9
<i>Узбекистан / Uzbekistan</i>				
Президентские выборы / Presidential	1	4	2	7
Парламентские выборы / Parliamentary	1	4	2	7
Референдумы / Referendum	2	1	1	4

Есть и различия в становлении политического режима рассматриваемых стран, которые связаны с особенностями избирательной системы и практиками избирательного процесса (табл. 1):

1) если в Кыргызстане президента страны избирали исключительно на выборах, то в Казахстане и Узбекистане в 1995 г. были проведены национальные референдумы по продлению сроков полномочий глав государств;

2) во всех трех республиках президентские и парламентские выборы часто проходили досрочно. Однако если в Казахстане и Узбекистане решения об этом принимались высшим руководством страны, то в Кыргызстане причиной досрочных парламентских (2007 и 2021 гг.) и президентских (в 2005, 2011 и 2021 гг.) выборов стали так называемые цветные революции, избирательная система менялась в 2010 г. при переходе на партийные списки [21], и в 2021 гг. при возврате смешанной системы парламентских выборов [22].

⁴ Таблицы 1 и 2 составлены авторами по данным центральных избирательных комиссий Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана.

Фактологический анализ и нормативные рамки функционирования партийно-политических систем позволяют выделить три этапа в их развитии.

Первый этап: институционализация многопартийности (1991–2000 гг.), в течение которого с большим или меньшим успехом нормы либеральной демократии (конкурентность политического процесса, многопартийность, свободные выборы) адаптировались к постсоветским политическим и социальным реалиям.

В начале 1990-х гг. были созданы партии, которые участвовали в первых парламентских выборах 1994 (Казахстан) и 1995 гг. (Кыргызстан, Узбекистан). Среднее число предвыборных партий варьировалось от 6 до 8 (табл. 2), но главными бенефициарами первого этапа в Казахстане и Узбекистане были бывшие коммунистические партии – Партия народного единства Казахстана (ПНЕК), которая сформировала самую многочисленную фракцию в парламенте в 1994 и 1995 гг. после внеочередных выборов, и Народно-демократическая партия Узбекистана (НДПУз), победившая в 1995 г. на выборах, где участвовали всего 2 партии.

Таблица 2. Количество партий, представленных в парламентах Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана в 1991–2023 гг.

Table 2. Number of parties represented in the Parliaments of the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Republic of Uzbekistan in 1991–2023

Страна / Country	1991–2000	2001–2016	2017–2023
Казахстан / Kazakhstan	8–11	3–5	3
Кыргызстан / Kyrgyzstan	8–12	3–5	5–6
Узбекистан / Uzbekistan	2–5	5	5

В Кыргызстане в первых парламентских выборах 1995 г. участвовали 12 партий. Однако администрация президента А. Акаева сделала ставку на беспартийных кандидатов. В результате в однопалатный парламент (Жогорку Кенеш), имевший 105 мест, были избраны 67 независимых депутатов; оппозиционная Социал-демократическая партия Кыргызстана (СДПКрг) получила 14 мандатов.

На парламентских выборах 1999 г. в Казахстане и Узбекистане ситуация определялась сокращением количества партий, проходящих в парламент, и первыми попытками создания так называемых партий власти. На выборах в октябре 1999 г. в Мажелис Казахстана прошли четыре партии из 11, а большинство мест получила созданная Н. Назарбаевым партия «Отан»⁵. В Узбекистане помимо НДПУз и «Партии Отечества» в выборах 1999 г. приняли участие три новых партии, среди которых была и созданная под выборы будущая партия власти – Национально-демократическая партия «Фидокорлар» («Самоотверженные», НДПС)⁶.

В Кыргызстане референдумы 1996 и 1998 гг. закрепили усиление власти президента и реорганизацию парламента, в котором 20 % мест передавалось политическим партиям, преодолевшим 5-процентный барьер, что распыляло электорат. Из восьми партий, прошедших в парламент в 2000 г., только «Союз демократических сил» получил 12 мандатов, остальные партии – от 1 до 6 депутатских мест.

⁵ Elections in Asia and the Pacific: A Data Handbook: Vol. I: Middle East, Central Asia, and South Asia / eds by D. Nohlen, F. Grotz, C. Hartmann. Oxford University Press, 2001. P. 417. <https://doi.org/10.1093/019924958X.003.0019>

⁶ Тилеукулова Г. С., Абиров В. Э. Участие и роль политических партий в избирательном процессе в Республике Узбекистан // Управление социально-экономическими системами: Теория, методология, практика. Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. 2017. С. 80.

Становление партийных систем недолго носило стихийный характер и вскоре стало контролироваться политическим руководством этих стран, что обеспечивало прохождение в парламент только лояльных им партий [23, с. 34]. В результате к концу этого периода в Казахстане и Узбекистане сложились многопартийные системы с ограниченным числом партий, которые выражали интересы бывшей номенклатуры, а в Кыргызстане – неустойчивая конкурентная партийная система, для которой характерны отсутствие партии власти, политическая конкуренция и частая смена партий-победителей на этих выборах.

Второй этап: ограниченная многопартийность vs умеренная многопартийность (2001–2016 гг.), характеризуется укреплением власти президентов в Казахстане и Узбекистане и сокращением количества партий в парламенте. Если в 2004 г. в парламент Казахстана все же прошли другие партии, кроме доминирующей, то в 2007 г. все 107 депутатских мест отошли к партии Н. Назарбаева «Нур Отан». В следующих выборах 2012 и 2016 гг. в парламент проходили только три партии при сохранении абсолютного большинства партии власти.

В Узбекистане, несмотря на принятие в 2007 г. закона «Об усилении роли политических партий в обновлении и дальнейшей демократизации государственного управления и модернизации страны», партийный ландшафт практически не изменился [24]. В выборах в нижнюю палату участвовали пять партий, но большинство мест в парламенте (в 2003, 2010, 2015 гг.) оставалось за образованной при поддержке И. Каримова Либерально-демократической партией Узбекистана.

Начало XXI в. в Кыргызстане сопровождалось революционными сменами власти в 2005 и 2010 гг., конституционными референдумами, сменой правительств, внеочередными выборами. Тем не менее активный политический процесс незначительно повлиял на партийную систему, где умеренная многопартийность сохранялась. Референдум 2010 г. установил парламентскую форму правления [25]. Накануне парламентских выборов в республике была создана новая провластная партия «Ак Жол» («Белый путь»), получившая большинство голосов [26]. По итогам выборов 2010 г. в Жогорку Кенеш были избраны 5 партий, а в 2015 г. – 6 из 14 участвующих⁷. Эти выборы позволили сформировать устойчивые партийные коалиции и работающую властную вертикаль, ведущей силой которой была Социал-демократическая партия Кыргызстана. Сохраняла свое влияние и оппозиционная партия «Ата Мекен», которая, в отличие от большинства других организаций, не меняла своей идеологической ориентации.

К середине второго десятилетия XXI в. в Казахстане и Узбекистане сохранялась система с доминирующей партией, а влияние нижней палаты парламента и, соответственно, входящих в него партий, на формирование правительства и исполнительной власти оставалось минимальным. Партийно-политическая система в Кыргызстане характеризовалась наличием большого числа партий, участвующих в политическом процессе, высоким уровнем неопределенности, что позволяет идентифицировать ее как высоко фрагментированную.

Третий этап: смена политических элит и перспективы партийно-политических систем (2017–2023 гг.). Конституционная реформа 2017 г. должна была

⁷ В парламент прошли СДПКрг, «Республика-Ата Журт», либерально-консервативная партия «Кыргызстан», центристская партия «Развитие-Прогресс», либеральная партия «Вместе» («Бир Бол») и социалистическая «Ата Мекен».

обеспечить бесконфликтный транзит власти в Казахстане и переход к парламентско-президентской модели. В 2019 г. прошли внеочередные выборы президента Республики Казахстан, после которых в стране начались политические протесты, вынудившие власти инициировать принятие законов, нацеленных на развитие многопартийности: была снижена минимальная численность организации для регистрации партии, установлена обязательность создания в парламенте оппозиции, введена 30-процентная квота в предвыборных списках для молодежи и женщин⁸. Однако к началу избирательной кампании ни одной новой партии зарегистрировано не было, и в выборах участвовали пять из шести действовавших на тот момент партий, в том числе правящая «Нур Отан» во главе с Н. Назарбаевым, которая сохранила статус партии абсолютного большинства с результатом 71 %.

После очередной волны протестов в 2022 г. Совет безопасности инициировал смену правительства и объявил о проведении политических реформ, включающих переход к президентской республике, замену мажоритарной системы выборов на смешанную, упрощение регистрации политических партий, усиление полномочий местных органов власти, ограничение срока президентских полномочий (7 лет).

Накануне президентских выборов 2022 г. была реформирована партия власти – «Аманат» (ранее «Нур Отан») объединилась с партией «Адал»⁹.

Политические реформы вызвали интерес к созданию новых партий, но из 16 инициативных групп были зарегистрированы только экологическая партия «Байтак» и национал-либеральная партия «Республика». Другим инициативным группам было отказано в регистрации, в том числе партиям «Вперед, Казахстан» («Алга, Казахстан») и «Достоинство» («Намыс»), лидеры которых критиковали правительство [27]. По решению Центрального избирательного комитета к выборам были допущены 7 политических партий, шесть из которых преодолели проходной барьер и прошли в парламент¹⁰.

Парламентские выборы 2023 г. продемонстрировали снижение электоральной поддержки «Аманат», «Ак Жол» и Народная партия Казахстана, традиционно поддерживающих власть. Напротив, партии, ранее не представленные в Мажилисе, добились неплохих результатов.

В Узбекистане в 2016 г. президентом стал победивший с результатом в 88 % голосов Ш. Мирзиёев – бывший глава правительства (2003–2016 гг.), выдвинутый Либерально-демократической партией Узбекистана (далее – УзЛиДеп)¹¹. После избрания он начал проводить экономические, а затем политические реформы, имевшие целью вывести Узбекистан на лидирующие позиции в регионе и модернизировать политическую систему.

⁸ Kumenov A. Kazakhstan: Would be Opposition Political Parties to Get Leg-up [Электронный ресурс] // Euroasia : сайт. 2020. 20 May. URL: <https://eurasianet.org/kazakhstan-would-be-opposition-political-parties-to-get-leg-up> (дата обращения: 20.10.2024).

⁹ Партии Amanat и Adal объединились в Казахстане [Электронный ресурс] // Zakon.kz : сайт. 2022. 26 апр. URL: <https://www.zakon.kz/6012922-partii-amanat-i-adal-obedinilis-v-kazakhstane.html> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁰ Сообщение об итогах внеочередных выборов депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан восьмого созыва [Электронный ресурс] // ЦИК РК : сайт. 2023. 27 марта. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/releases/index.php?ID=8921> (дата обращения: 20.10.2024).

¹¹ Абдусаломов М.-У. Шавкат Мирзиёев победил на выборах Президента [Электронный ресурс] // Gazeta.uz : сайт. 2016. 12 мая. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2016/12/05/winner/> (дата обращения: 20.10.2024).

В апреле 2019 г. парламент получил права утверждать членов правительства и годовой бюджет, ежеквартально заслушивать правительственные отчеты, что позволило говорить о постепенной институционализации элементов парламентского контроля. Впервые парламентские выборы, которые проходили в два тура, стали заметным политическим событием для избирателей. Тем не менее простой ребрендинг партий не привел к повышению их реальной эффективности. Активно критикуя друг друга, партии крайне осторожно высказывались в адрес правительства и президента, поддерживали курс нового руководства. Победу на этих выборах вновь одержала партия УзЛиДеп, занявшая 52 из 150 мест в Олий Мажлисе.

Прошедший 30 апреля 2023 г. конституционный референдум наделил Олий Мажлис дополнительными полномочиями по контролю за исполнением государственного бюджета и утверждению отчета счетной палаты, что стало еще одним шагом по укреплению роли партий в политическом процессе¹².

В Кыргызстане на очередных президентских выборах 2017 г. из 11 кандидатов только трое были выдвинуты партиями. За победой С. Жээнбекова последовал политический кризис, сопровождавшийся расколом ряда политических партий, массовыми акциями протеста. В результате 8 октября Центральный избирательный комитет Кыргызстана отменил итоги выборов, а глава правительства, спикер парламента и президент Жээнбеков ушли в отставку.

После победы на президентских выборах 2021 г. С. Жапаров¹³ поддерживал возврат к президентской форме правления и сокращение полномочий Жогорку Кенеш¹⁴. В соответствии с новой Конституцией, внеочередные парламентские выборы проводились по смешанной системе, а в выборах 2021 г. участвовала 21 партия, в том числе оппозиционные «Ата Мекен», «Бутун Кыргызстан», «Социал-демократы Кыргызстана» и новые партии, ранее не представленные в Жогорку Кенеш [21]. Накануне выборов ряд известных политиков перешли в новые партии. Характерно, что если в 2010–2016 гг. представленные в парламенте партии относились к разным сегментам идейно-политического спектра: социал-демократы и социалисты, либералы, консерваторы, национал-патриоты, то в 2021 г. стали доминировать последние.

Парламентские выборы 2021 г. прошли при рекордно низкой явке (34,67 %), а 5-процентный барьер преодолели шесть партий¹⁵. Организованные оппозицией акции протеста не нашли поддержки в киргизском обществе и быстро сошли на нет. Поскольку в новом составе Жогорку Кенеш четыре из шести партий («Ата-Журт

¹² Avezov A. Old Tricks in a New Uzbekistan: Constitutional Reform and Popular Legitimacy [Электронный ресурс] // The Diplomat. 2023. 10 Apr. URL: <https://thediplomat.com/2023/04/old-tricks-in-a-new-uzbekistan-constitutional-reform-and-popular-legitimacy/> (дата обращения: 20.10.2024).

¹³ Опубликованы официальные итоги выборов президента Киргизии [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. 2021. 16 янв. URL: <https://ria.ru/20210116/kirgiziya-1593302154.html> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁴ Aruuke Uran Kyzy. From Prison to Presidency: Sadyr Japarov's Victory [Электронный ресурс] // The Diplomat : сайт. 2021. 11 Jan. URL: <https://thediplomat.com/2021/01/from-prison-to-presidency-sadyr-japarovs-victory/> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁵ ЦИК Кыргызстана определила результаты выборов депутатов Жогорку Кенеша по единому избирательному округу. Сколько мандатов получат выигравшие партии и кто? [Электронный ресурс] // K-News : сайт. 2021. 15 дек. URL: <https://knews.kg/2021/12/15/tsik-kyrgyzstana-opredelila-rezultaty-vyborov-deputatov-zhogorku-kenesha-po-edinomu-izbiratelnomu-okrugu-ckolko-mandatov-poluchat-vyigравshie-partii-i-cto/> (дата обращения: 20.10.2024).

Кыргызстан», «Ишеним», «Ынтымак», «Ыйман нуру»), имеющие совместно 42 из 90 депутатских мандатов, поддержали С. Жапарова, можно утверждать, что партийно-политическая система Кыргызстана обрела определенную стабильность. Однако говорить о существенном обновлении самой партийной системы и депутатского корпуса рано, так как от новых партий в парламент прошли многие известные политики.

Таким образом, третий этап развития партийно-политических систем Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана характеризовался сменой руководящих элит, которая в Казахстане и Узбекистане привела к некоторой либерализации, включая незначительное расширение полномочий и влияния политических партий.

Обсуждение и заключение. Анализ становления и развития партийно-политических систем Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана за последние тридцать с небольшим лет показал, что адаптация западных институтов в виде свободных выборов, политических партий, парламентов столкнулась в странах Центральной Азии с барьерами как институционального, так и социокультурного характера. В 1990-е гг. в этих странах стали формироваться модели многопартийных систем, которые за время реформ принимали разные конфигурации.

В Казахстане и Узбекистане в период первых президентов и становления политических институтов после обретения независимости были образованы партийные системы с наличием партии власти. В Казахстане партия власти «Нур Отан» после своего возникновения в 1999 г. быстро заняла доминирующее положение в Мажилисе и даже на определенном этапе была единственной парламентской партией; в Узбекистане за эти годы сменилось три партии власти: НДПУз, «Фидокорлар» и УзЛиДеп. Действительно оппозиционные правящим режимам партии не были представлены в парламентах, причем в Узбекистане они были запрещены и не могли участвовать в выборах.

В Кыргызстане за первые семнадцать лет независимости, в отличие от Казахстана и Узбекистана, сменилось 4 президента и неоднократно менялась форма правления, что оказало существенное влияние на формирование ее партийно-политической модели. В стране неоднократно предпринимались попытки создания партии власти (Акаевым в 2005 г., Бакиевым в 2010 г. и Жээнбековым в 2017 г.).

В конце второго десятилетия XXI в. в Казахстане и Узбекистане к власти пришли новые лидеры, которые провозгласили политику реформ, направленных на постепенную либерализацию социально-экономических и общественно-политических реформ и многовекторную внешнюю политику, что нашло свое отражение в пересмотре конституций этих стран на референдумах 2022 и 2023 гг. Следствием преобразований стали незначительные изменения партийно-политических систем этих стран, которые заключались в усилении роли партий и парламентов, повышении уровня политической конкуренции в первую очередь на парламентских выборах, развитии институтов гражданского общества и т. д.

В Кыргызстане в 2021 г. в результате конституционного референдума произошел возврат к президентской форме правления, что сопровождалось ослаблением роли парламента и политических партий. Несмотря на значительную степень фрагментации политического спектра, в Жогорку Кенеше не сформирована партия власти.

В целом смена элит, сопровождавшаяся либерализацией конституций и избирательного законодательства, привела к частичным, но не принципиальным трансформациям их партийно-политических систем.

Полученные результаты имеют практическую значимость для развития внешней политики России. В последние годы страны Центральной Азии представляют для России важнейшее значение как торгово-экономические и политические партнеры, а развитие экономических и политических контактов с этими странами требует понимания основных тенденций их партийно-политических систем, чтобы лучше представлять и прогнозировать политику этих государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Борисов Н.А. Институциональный выбор в позднесоветских политических системах: формирование моделей президентства. *Политическая наука*. 2017;(3):80–104. URL: <https://inion.ru/publishing/zhurnaly-iz-perechnia-vak/politicheskaja-nauka-old/arkhiv/2017-3/institutsionalnyi-vybor-v-pozdnesovetskikh-politicheskikh-sistemakh-formirovanie-modelei-prezidentstva/> (дата обращения: 20.10.2024).
Borisov N.A. Institutional Choice in Late-Soviet Political Systems: Presidency Models Formation. *Political Science*. 2017;(3):80–104. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://inion.ru/publishing/zhurnaly-iz-perechnia-vak/politicheskaja-nauka-old/arkhiv/2017-3/institutsionalnyi-vybor-v-pozdnesovetskikh-politicheskikh-sistemakh-formirovanie-modelei-prezidentstva/> (accessed 20.10.2024).
2. Лукьянова Е.А. Имитационные политические режимы как новая политико-правовая реальность. Политико-правовой анализ. *Общественные науки и современность*. 2020;(1):61–76. URL: <https://ras.jes.su/ons/s086904990008511-4-1> (дата обращения: 20.10.2024).
Lukyanova E.A. Imitation Political Regimes as a New Political and Legal Reality. Political and Legal Analysis. *Social Sciences and Modernity*. 2020;(1):61–76. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://ras.jes.su/ons/s086904990008511-4-1> (accessed 20.10.2024).
3. Абрамов А.В., Алексеев Р.А. К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2023;28(3):54–64. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.5>
Abramov A.V., Alekseev R.A. To the Evaluation of Trajectories of Transformations of Post-Soviet Political Systems. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2023;28(3):54–64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.5>
4. Малышева Д.Б. Политические процессы в постсоветской Центральной Азии. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018;11(3):36–52. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-36-52>
Malysheva D.B. Political Processes in the Republics of Post-Soviet Central Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2018;11(3):36–52. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-36-52>
5. Илебаева А.К., Батанова М.К. Кланов современная центральная Азии. *Вестник Кыргызско-российского славянского университета*. 2021;21(11):147–151. URL: <http://vestnik.krsu.edu.kg/archive/171/7136> (дата обращения: 20.10.2024).
Ilebaeva A.K., Batanova M.K. Modern Clans of Central Asia. *Herald of KRSU*. 2021;21(11):147–151. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://vestnik.krsu.edu.kg/archive/171/7136> (accessed 20.10.2024).
6. Рекк Д.А., Егоров В.Г. Социально-политическая эволюция кланов Центральной Азии. *Социальные и гуманитарные знания*. 2020;6(3):250–259. <http://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-3-250-259>
Rekk D. A., Egorov V. G. Socio-Political Evolution of Central Asian Clans. *Sotsialnye i humanitarnye znaniya*. 2020;6(3):250–259. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-3-250-259>

7. Виноградов А.В., Рябов А.В. Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации. *Полис. Политические исследования*. 2019;28(3):69–86. <http://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.05>
Vinogradov A.V., Ryabov A.V. Political Systems of Post-Soviet States and China in the Process of Inter-System Transformation. *Polis. Political Studies*. 2019;28(3):69–86. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.05>
8. Волкова Т.А. Особенности политических элит на постсоветском пространстве. *Социально-гуманитарные знания*. 2017;(1):130–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-politicheskikh-elit-na-postsovetskom-prostranstve> (дата обращения: 20.10.2024).
Volkova T.A. Features of the Political Elites of the Former Soviet Union. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*. 2017;(1):130–137. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-politicheskikh-elit-na-postsovetskom-prostranstve> (accessed 20.10.2024).
9. Какителашвили М.М. Мониторинг правовой модели многопартийности в государствах – участниках СНГ. *Мониторинг правоприменения*. 2019;(1):16–24. URL: http://uzulo.su/mon-prav/pdf-jpg/mp-jxu_2019-1.pdf (дата обращения: 20.10.2024).
Kakitelashvili M.M. Monitoring Legal Models of Multi-Party Systems in the CIS Member States. *Monitoring of Law Enforcement*. 2019;(1):16–24. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://uzulo.su/mon-prav/pdf-jpg/mp-jxu_2019-1.pdf (accessed 20.10.2024).
10. Подвинцев О.Б. Партийные системы бывших союзных республик как отражение разнонаправленных тенденций развития постсоветского пространства. *Россия и современный мир*. 2008;(1):168–174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partiynnye-sistemy-byvshih-soyuznyh-respublik-kak-otrazhenie-raznopravlennykh-tendentsiy-razvitiya-postsovetskogo-prostranstva> (дата обращения: 20.10.2024).
Podvintsev O.B. The Party-Systems of the Former Soviet Republics as a Reflection of Divergent Development Trends in the Post-Soviet Space. *Russia and the Modern World*. 2008;(1):168–174. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/partiynnye-sistemy-byvshih-soyuznyh-respublik-kak-otrazhenie-raznopravlennykh-tendentsiy-razvitiya-postsovetskogo-prostranstva> (accessed 20.10.2024).
11. Джамиев Б.А. Особенности формирования и развития многопартийности в Узбекистане. *Вопросы политологии*. 2020;10(5):1547–1554. EDN: PRXHOI
Jamiev B.A. Features of Formation and Development of Multiparty System in Uzbekistan. *Issues of Political Science*. 2020;10(5):1547–1554. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: PRXHOI
12. Омаров М. Партии в Республике Казахстан в политическом спектре. *Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология*. 2021;(1):31–42. URL: <https://bulpolit.enu.kz/index.php/main/article/view/514> (дата обращения: 20.10.2024).
Omarov M. Parties of Republic of Kazakhstan in Political Spectrum. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series*. 2021;(1):31–42. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://bulpolit.enu.kz/index.php/main/article/view/514> (accessed 20.10.2024).
13. Asanbekova D., Osmonova A., Abdylдаev I., Begaliev E., Ashimov K., Nurmamat kyzy K., et al. Political System in the Sovereign Kyrgyzstan. *Open Journal of Political Science*. 2021;11:266–272. <https://doi.org/10.4236/ojps.2021.112018>
14. Притчин С.А. В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2021;13(4):7–42. <http://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42>
Pritchins S.A. In the Mirror of Transitology: The Politics of Power Alternation in the Caucasus and Central Asia. *Lomonosov World Politics Journal*. 2021;13(4):7–42. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42>
15. Борисов Н.А. Парадоксы конституционных трансформаций и политический процесс в Беларуси и Узбекистане: имеют ли значение формальные институты? *Ars Administration*. 2023;15(4):580–598. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-580-598>
Borisov N.A. Constitutional Transformations Paradoxes and the Political Process in Belarus and Uzbekistan: Do Formal Institutions Matter? *Ars Administrandi*. 2023;15(4):580–598. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-580-598>
16. Saidov A. Zakonodielstwo o wyborach v Uzabekistanie: noweysie tendencje. *Nowa Polityka Wschodnia*. 2016;(2):71–78. Available at: <https://czasopisma.marszalek.com.pl/en/10-15804/npw> (accessed 20.10.2024).

17. Макаренко Б.И., Локшин И.М. Современные партийные системы: сценарии эволюции и тенденции развития. *Полис. Политические исследования*. 2015;(3):85–109. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.06>
Makarenko B.I., Lokshin I.M. Modern Party Systems: Scenarios of Evolution and Trends of Development. *Polis. Political Studies*. 2015;(3):85–109. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.06>
18. Капогузов Е.А., Латов Ю.В. Адаптация к «навязанным» институциональным изменениям (на примерах имплементации западных институтов в постсоветской России). *Terra Economicus*. 2022;20(2):132–146. <http://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-2-132-146>
Kapoguzov E.A., Latov Yu.V. Adapting to “Imposed” Institutional Change (The Case of Western Institutions Implemented in Post-Soviet Russia). *Terra Economicus*. 2022;20(2):132–146. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-2-132-146>
19. Борисов Н. Институционализация персонализма: институт лидера нации на постсоветском пространстве. *Центральная Азия и Кавказ*. 2017;20(2):69–82. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2017/journal_rus/cac-02/07.shtml (дата обращения: 20.10.2024).
Borisov N. [Institutionalization of Personalism: The Institute of the Leader of the Nation in the Post-Soviet Space]. *Tsentralnaya Azia i Kavkaz*. 2017; 20(2):69–82. (In Russ.) Available at: https://ca-c.org.ru/journal/2017/journal_rus/cac-02/07.shtml (accessed 20.10.2024).
20. Чернявский С. Киргизская революция 2010 года: причины и перспективы постреволюционного развития Киргизии. *Центральная Азия и Кавказ*. 2010;13(2):44–53. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2010/journal_rus/cac-02/03.shtml (дата обращения: 20.10.2024).
Chernyavsky S. [The Kyrgyz Revolution of 2010: The Causes and Prospects of the Post-Revolutionary Development of Kyrgyzstan]. *Tsentralnaya Azia i Kavkaz*. 2010;13(2):44–53. (In Russ.) Available at: https://ca-c.org.ru/journal/2010/journal_rus/cac-02/03.shtml (accessed 20.10.2024).
21. Гуселетов Б.П. Парламентские выборы в Кыргызстане 2021 и их влияние на дальнейшую интеграцию страны в ЕАЭС. *Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»*. 2022;(3):50–64. EDN: AGOYZL
Guseletov B.P. Parliamentary Elections in Kyrgyzstan 2021 and their Impact on the Country's Further Integration into the EAEU. *RSUH/RGGU Bulletin. Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations Series*. 2022;(3):50–64. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: AGOYZL
22. Кыдыралиев Б.М. Формирование и развитие политических партий Кыргызстана. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2018;(3):107–110. URL: <http://intjournal.ru/formirovanie-i-razvitee-politicheskikh-partij-v-kyrgyzstane/> (дата обращения: 20.10.2024).
Kudyraliev B.M. Formation and Development of Political Parties in Kyrgyzstan. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2018;(3):107–110. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://intjournal.ru/formirovanie-i-razvitee-politicheskikh-partij-v-kyrgyzstane/> (accessed 20.10.2024).
23. Иванов И.П., Петренко С.Ю. Роль института президентства и политических партий в странах Центральной Азии. *Наука без границ*. 2018;(8):33–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-instituta-prezidentstva-i-politicheskikh-partiy-v-stranah-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 20.10.2024).
Ivanov I.P., Petrenko S.Yu. The Role of the Presidency and Political Parties in the Countries of Central Asia. *Science without Borders*. 2018;(8):33–38. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-instituta-prezidentstva-i-politicheskikh-partiy-v-stranah-tsentralnoy-azii> (accessed 20.10.2024).
24. Гуселетов Б.П. Политические реформы в Узбекистане: итоги и последствия. *ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»*. 2024;(3):12–29. <http://doi.org/10.28995/2686-7648-2024-3-12-29>
Guseletov B.P. Political Reforms in Uzbekistan: Results and Consequences. *RSUH/RGGU Bulletin. Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations Series*. 2024;(3):12–29. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.28995/2686-7648-2024-3-12-29>
25. Воронин С.А., Бакина Е.А. Клановая иерархия как основа «тюльпановой революции» в Кыргызстане. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2019;11(2):161–171. <http://doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-2-161-171>
Voronin S.A., Bakina E.A. Clan Hierarchy as the Basis of the “Tulip Revolution” in Kyrgyzstan. *RUDN Journal of World History*. 2019;11(2):161–171. <http://doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-2-161-171>

26. Doolotkeldieva A., Wolters A. Uncertainty Perpetuated? The Pitfalls of a Weakly Institutionalized Party System in Kyrgyzstan. *Central Asian Affairs*. 2017;4(1):26–50. <https://doi.org/10.1163/22142290-00401002>
27. Гуселетов Б.П. Президентские и парламентские выборы в Казахстане: итоги и следствия. *Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»*. 2023;(3):24–40. URL: [https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/eiipmo/Vestnik_ehpi_3\(2023\).pdf](https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/eiipmo/Vestnik_ehpi_3(2023).pdf) (дата обращения: 20.10.2024).
Guseletov B.P. Presidential and Parliamentary Elections in Kazakhstan. Results and Consequences. *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*. 2023;(3):24–40. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: [https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/eiipmo/Vestnik_ehpi_3\(2023\).pdf](https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/eiipmo/Vestnik_ehpi_3(2023).pdf) (accessed 20.10.2024).

Об авторах:

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель отдела политологии Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6256-5013>, Researcher ID: R-4354-2018, SPIN-код: 1360-6779, bguseletov@mail.ru

Великая Наталья Михайловна, доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, Researcher ID: A-9577-2017, SPIN-код: 2176-4665, natalivelikaya@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Б. П. Гуселетов – формирование основной концепции; сбор данных; структурирование и анализ результатов; представление результатов и формулирование выводов; первоначальный вариант текста статьи.

Н. М. Великая – постановка проблемы; анализ современной литературы; разработка концепции и программы исследования; критический анализ первичных материалов; научная доработка текста статьи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 14.05.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

About the authors:

Boris P. Guseletov, Dr.Sci. (Polit.), Chief Researcher, Head of Political Science Department, Institute of Socio-Political Research of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6 Bldg. 1 Fotievoy St., Moscow 119333, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6256-5013>, Researcher ID: R-4354-2018, SPIN-code: 1360-6779, bguseletov@mail.ru

Nataliya M. Velikaya, Dr.Sci. (Polit.), Professor, Deputy Director of Science and Research, Institute of Socio-Political Research of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6 Bldg. 1 Fotievoy St., Moscow 119333, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, Researcher ID: A-9577-2017, SPIN-code: 2176-4665, natalivelikaya@gmail.com

Contribution of the authors:

B. P. Guseletov – main concept; data collection; structuring and analysis of results; presentation of results and formulation of conclusions; preparation of the text.

N. M. Velikaya – statement of problem; analysis of literature; development of the research concept and program; scientific guidance and critical analysis of primary materials; scientific revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 14.05.2024; revised 05.12.2024; accepted 16.12.2024.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ /
POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.091-103><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/pooena>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 324(470+571)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Кооптация оппозиции на региональных
выборах в России: факторы влияния
(на примере кампаний 2019–2023 гг.)****А. В. Горохов**

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Москва, Российская Федерация)
avgorohov@bk.ru*

Аннотация

Введение. Политические процессы в регионах России давно привлекают внимание исследователей. Не в последнюю очередь их интересуют региональные выборы в парламенты, при анализе которых изучается не только баланс сил среди политических партий, но также и феномен кооптации – предоставления оппозиции руководящих постов в обмен на статус-кво. Имеющиеся исследования показывают противоречивые результаты в проверке факторов влияния на кооптацию, которыми чаще всего выступают институциональные факторы региональной политики и карьерные характеристики самих депутатов. Цель исследования – проверка влияния данных факторов на кооптацию. **Материалы и методы.** Материалами исследования выступают электоральные результаты системной оппозиции (в лице КПрФ, ЛДПР и «Справедливой России»). Основным методом послужил регрессионный анализ на базе итогов 89 выборов в парламенты за 2019–2023 гг. как наиболее актуальных и релевантных. На основе имеющихся исследований отобранные переменные влияния на кооптацию были разделены на институциональные (роль главы региона и особенности регионального парламента) и персональные (наличие опыта работы в политике или бизнесе).

Результаты исследования. Установлено, что наиболее значимыми для кооптации институциональными факторами стали особенности структуры регионального парламента (количество руководящих должностей и число депутатов), персональными – опыт партийной работы и опыт работы на руководящей должности в составе предыдущего созыва парламента. Выявлено также, что значимым нередко становится и наличие у депутатов опыта работы в бизнесе.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты подтверждают выводы о том, что решение о кооптации чаще принимается на основе предыдущего карьерного опыта депутатов, и данные персональные характеристики являются ключевыми по сравнению с институциональными особенностями региональной политики. Полученные результаты, помимо исследовательского интереса, могут быть востребованы региональными отделениями партий, их функционерами и представителями в законодательных органах власти для понимания факторов повышения эффективности работы.

© Горохов А. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: региональный парламент, системная оппозиция, парламентский консенсус, кооптация оппозиции, регрессионный анализ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Горохов А.В. Кооптация оппозиции на региональных выборах в России: факторы влияния (на примере кампаний 2019–2023 гг.). *Регионология*. 2025;33(1):91–103. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.091-103>

Co-Optation of the Opposition in Regional Elections in Russia: Factors of Influence (Evidence of Campaigns 2019–2023)

A. V. Gorokhov

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation)
avgorokhov@bk.ru

Abstract

Introduction. Political processes in Russia’s regions have attracted the attention of researchers for a period. They are not the least interested in regional elections to parliaments, which analyze not only the balance of power between political parties, but also the phenomenon of co-optation, i.e. granting leadership positions to the opposition in exchange for the status quo. The available studies show contradictory results when testing the factors influencing cooptation, which are mostly institutional factors of regional politics and career characteristics of the deputies. The aim of this article is to test the influence of these factors on cooptation.

Materials and Methods. The research materials are electoral results of the systemic opposition (represented by the CPRF, LDPR and Just Russia). Regression analysis was used as a research method based on the results of 89 parliamentary elections 2019–2023 as the most relevant. Based on the available research, the selected variables of influence on co-optation were divided into institutional (the role of the head of the region and features of the regional parliament) and personal (political or business experience).

Results. It was revealed that the most significant institutional factors were the features of the structure of the regional parliament (the number of leadership positions and the number of seats). Among personal characteristics, the main role is played by party experience and previous leadership in the previous parliament. The experience of deputies in business was also significant.

Discussion and Conclusion. The results confirm that the decision on co-optation is most often based on the previous career experience of parliamentarians, and these personal characteristics are key ones compared to the institutional features of regional politics. The results obtained, in addition to the research interest, may be in demand by regional branches of parties, their functionaries and representatives in legislative bodies to understand the factors of performance improvement.

Keywords: regional parliament, systemic opposition, parliamentary consensus, opposition co-optation, regression analysis

Conflict of interests. The author declares no conflict of interest.

For citation: Gorokhov A.V. Co-Optation of the Opposition in Regional Elections in Russia: Factors of Influence (Evidence of Campaigns 2019–2023). *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):91–103. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.091-103>

Введение. Политические процессы в регионах России являются предметом интереса исследователей в силу их важности для анализа управления в субъектах или общестранового уровня в целом, а также для понимания траекторий дальнейшего политического развития. Не в последнюю очередь внимание направлено на анализ электоральных процессов, поскольку российские выборы и связанные с ними политические изменения не просто тесно переплетаются, но и оказывают взаимное влияние друг на друга на разных уровнях [1].

Отдельный интерес по ряду причин представляют выборы в субъектах России. Данные кампании влияют на аккумуляцию поддержки на федеральном уровне, а потому политические партии уделяют им особое внимание [2]. Кроме того, именно от действий избранных депутатов часто зависят не только политические, но и социально-экономические изменения в регионах. Совокупность данных факторов приводит к тому, что исследовательский интерес направлен не только на электоральные региональные процессы в целом, но и на конкретных акторов – партии и их представителей.

Опыт исследований электоральных процессов в России имеет долгую историю, связанную в том числе с общей эволюцией политического режима в стране и особенностями отношений «центр – регионы» [3]. Чаще всего в фокусе исследователей оказывается партия «Единая Россия» и ее представители, а также те механизмы и практики, за счет которых ей удается добиваться стабильного политического доминирования [4; 5]. Однако стабильность данного доминирования неразрывно связана с оппозиционными силами, которые часто готовы идти на сотрудничество с властью с целью получения возможных выгод. Подобная форма отношений получила название «кооптация», которая чаще всего анализируется через получение оппозицией руководящих должностей в условиях доминирования провластных сил [6].

Имеющиеся работы, посвященные анализу взаимодействия политических партий через призму кооптации, приобретают все большую популярность среди отечественных исследователей благодаря актуальности. Помимо аналитической востребованности, механизм позволяет объяснять формирование партийных коалиций в условиях, когда оппозиционные партии переживают очевидный идеологический кризис, что отражается в снижении электоральной поддержки. Однако эмпирические данные показывают, что указанные факторы далеко не всегда приводят к такой же тенденции в разрезе получения руководящих должностей.

Вместе с тем среди исследователей отсутствует консенсус касательно объяснений описанного выше противоречия – обусловлена ли таким образом кооптация институциональными особенностями региональной политики или личными качествами самих кооптируемых? Кроме того, нельзя забывать и про тот факт, что свою роль играют и социально-экономические различия регионов, что оставляет возможность для анализа.

Исходя из этого, цель исследования – анализ кооптации оппозиции в регионах России в разрезе влияния на нее институциональных факторов и персональных характеристик.

Обзор литературы. Многие публикации, посвященные политическим режимам и особенностям их функционирования, отмечают, что устойчивость власти, в том числе региональной, придают во многом электоральные кампании, которые выступают не только как форма обновления состава властной элиты, но и в качестве механизма выстраивания баланса между различными группами. Часто данное влияние анализируется через логику парламентского консенсуса, институциональной формы взаимодействия разных политических сил¹.

По мере эволюции исследовательских подходов и изучения взаимодействий политических партий в парламенте стало очевидно, что консенсус может быть

¹ Riker W. The Theory of Political Coalitions. New Haven; London: Yale University Press, 1962. 312 p.

не только формой равнозначного сотрудничества между политическими силами, но и быть представленным в крайней форме – через кооптацию. Под ней исследователи понимают совокупность формальных и неформальных связей, за счет которых действующая власть вынуждает прочие политические силы вступать в консенсус в обмен на различные бенефиты – политические, экономические и др. [7]. Кооптация отличается от консенсуса по нескольким факторам: неравный характер отношений между акторами, доминирующий характер действующей власти, желание самой политической оппозиции сохранять действующий статус-кво и др. [8; 9]. Чаще всего, когда речь идет о кооптации, исследователи изучают ее формальную сторону – получение представителями оппозиции руководящих должностей в региональном парламенте, за счет которых политическая оппозиция способна осуществлять свою деятельность без привязки к электоральным результатам [10].

Существует немало трактовок данного концепта, но наиболее универсальным будет понимание кооптации как механизма взаимовыгодного сотрудничества за счет формальных и неформальных связей с целью формирования консенсуса между оппозицией и властью за счет предоставления первой различного рода бенефитов [11; 12]. В более узком смысле отмечается, что кооптация – это получение представителями оппозиции руководящих должностей в парламенте в условиях доминирования провластных политических сил [6; 13]. Также подчеркивается, что за счет кооптации возможно не только формирование провластной коалиции или ее расширение [14], концепт также может использоваться и для объяснения механизма функционирования парламента и его внутреннего консенсуса, поскольку кооптация проявляется ярче всего именно в рамках парламента [15].

Концепт кооптации широко используется отечественными исследователями для объяснения того, каким образом политическим партиям удастся сохранять баланс отношений с властью, а также как успех или неуспех кооптации влияет на политические силы [6; 14; 16]. Однако чаще всего концепт выступает лишь как инструмент анализа, и гораздо реже – в качестве полноценного предмета анализа. Те немногие работы, которые посвящены данной проблематике, сводятся к измерению консенсуса между политическими силами, который может различаться в зависимости от региона [6; 14]. В то же время исследования, направленные на углубление представлений о кооптации через поиск факторов и закономерностей влияния, оказываются перед дилеммой: уделять больше внимания общим особенностям политической системы и так называемым институциональным факторам политики [13; 14] или фокусироваться на анализе индивидуальных особенностей кооптируемых, которые приводят к их вхождению в провластную коалицию [16].

Отечественные выборы и политические процессы вокруг них, учитывая наличие региональных и федеральных кампаний, позволяют рассматривать структуру договоренностей между политическими силами на разных уровнях [17]. Важно подчеркнуть, что, подобно зарубежным работам, при анализе кооптации в России исследователи фокусируются на формальной стороне данного взаимодействия, поскольку руководство парламента избирается депутатами самостоятельно (будь то федеральный или региональный уровень). В результате у оппозиции появляется шанс на заключение договоренностей с властями и получение бенефитов [6].

Отметим, что изучение кооптации в России связано с рядом ключевых особенностей политической системы, отличающихся от международного опыта: институциональный характер кооптации, которая происходит в рамках органов законодательной власти [14]; важность региональной политики для понимания индивидуальных особенностей и кейсов [6]; наличие доминирующей над остальными партии «Единая Россия», что вынуждает прочие силы выстраивать свою тактику поведения [17]; изучение сугубо системной оппозиции, под которой понимаются партии, стабильно участвующие в кампаниях федерального уровня и за счет этого имеющие возможность реализовывать получаемую выгоду от кооптации [18].

Однако ключевым предметом спора между исследователями остается вопрос о том, какие факторы оказывают наибольшее влияние на кооптацию. Важным здесь является различие между институциональными, понимаемыми как совокупность внешних факторов региональной политики, влияющих на кооптируемых извне, и персональными характеристиками депутатского корпуса, которые чаще всего сводятся к особенностям их карьерных траекторий.

Говоря о первой категории, отечественные исследователи отмечают, что в условиях российской политики главы региона занимают особые позиции в силу так называемых патронажных связей – особого типа отношений посредством формальных и неформальных взаимодействий, за счет которых акторы способны влиять на политические процессы². Используя подобную исследовательскую логику, удается не только по-другому оценивать систему взаимодействия элитных групп в стране, но и погружаться в отдельные аспекты взаимодействия [19]. Данный подход широко используется исследователями при анализе российской политики – было убедительно доказано, что за счет патронажа главы регионов могут создавать целые «политические машины», с помощью которых они не только влияют на политику в регионе, но и контролируют состав политических элит [20]. Таким образом, важным фактором становится фигура самого патрона, т. е. главы региона, от которого зависит распределение полномочий и бенефитов среди остальных членов элиты. При этом исследования о влиянии данного фактора на кооптацию оппозиции отсутствуют.

В эту же группу факторов влияния на кооптацию стоит отнести и особенности регионального парламента как арены для взаимодействия между партиями [13; 21]. Исследователями доказано, что часто действующая власть может изменять конфигурацию регионального парламента, чтобы за счет этого предоставить партиям больше стимулов для кооптации [6]. Следовательно, значимость подобных факторов, особенно в сопоставлении с персональными характеристиками, нельзя недооценивать.

Иной группой факторов являются персональные характеристики самих кооптируемых – сторонники данного подхода пытаются понять причины того, что же вынуждает власти идти на кооптацию с теми или иными представителями системной оппозиции. В центре анализа находятся индивидуальные, приобретаемые в ходе карьеры характеристики, которые и помогают более углубленному пониманию кооптации как персонифицированного взаимодействия. Также они позволяют ответить на вопрос о том, почему конкретные депутаты включаются

² Hale H. *Patronal Politics Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge University Press, 2014. 542 p.

в провластную коалицию. Разделение исследовательских подходов, как правило, связано с разной ролью в анализе условно «политических факторов» карьеры (работой в партийных структурах, наличием предыдущего опыта избрания и др.) и экономических – работой в бизнесе как форме получения определенной власти и влияния [14; 17; 22].

Однако несмотря на отмеченные выше подходы, среди исследователей отсутствует единая позиция относительно ключевых для кооптации факторов. Чаще всего отмечается роль институциональных факторов, однако куда более интересным является вопрос о том, какие именно особенности депутатского корпуса важны в решении о кооптации, а также являются ли они более значимыми по сравнению с институциональными. В связи с этим остается актуальным определение роли институциональных и персональных факторов влияния на кооптацию.

Материалы и методы. В центре анализа – электоральные кампании в региональные парламенты за 2019–2023 гг., и это не случайно. Электоральные результаты основных представителей системной оппозиции³ на выборах за указанный период снижаются, что накладывается также на внутренние проблемы самих партий с позиционированием в глазах избирателей и организационные трудности [23]. Кроме того, это совпадает с окончанием текущего электорального цикла, привязанного к проведению выборов президента России, что является удобной временной рамкой анализа. Вместе с тем данная ситуация может быть выгодной для кооптации, поскольку у партий появляется больше стимулов для заключения соглашений с «Единой Россией» и получения руководящих должностей.

В рамках анализа были рассмотрены все электоральные кампании, которые состоялись в 2019–2023 гг. (в общей сложности 89) с акцентом на формируемых по их итогам руководствах региональных парламентов. Подобный широкий фокус анализа позволил, с одной стороны, максимально детально проанализировать региональные парламенты с точки зрения наличия или отсутствия в них кооптации, а с другой – избежать искажения полученных результатов.

Для ответа на вопрос о том, какие именно факторы оказывают ключевое влияние на кооптацию оппозиционных партий, использован регрессионный анализ, который позволяет проверить влияние отобранных переменных. Основным видом регрессии выступила logit-регрессия, с помощью нее изучено влияние факторов на наличие кооптации, которая будет кодироваться в бинарном виде, так же как и ряд независимых переменных, что позволяет эффективнее использовать именно данный вид регрессии.

Зависимой переменной будет выступать наличие у представителей отмечаемой ранее системной оппозиции (ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия») руководящих должностей в региональном парламенте – постов заместителей председателя парламента и глав профильных комитетов (в рамках кодировки 1 – наличие подобных должностей, 0 – отсутствие) [6; 17]. Данный подход уже показал свою эффективность в аналогичных исследованиях и позволит зафиксировать отличия между партиями в получении подобных должностей и детальнее углубиться в специфику факторов влияния для отдельных партий.

³ Под представителями оппозиции в данном исследовании понимаются КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» как исторически самые стабильные партии в контексте результатов на федеральном и региональном уровнях, а также чаще остальных партий занимающие руководящие должности.

Для независимых переменных были отобраны факторы, которые, исходя из упоминавшихся выше исследований, будут разделены на институциональные и персональные. К первым были отнесены факторы, связанные с фигурой главы региона и общими особенностями региональных парламентов (табл. 1).

Таблица 1. Описательные характеристики независимых переменных

Table 1. Descriptive characteristics of independent variables

Переменная / Variable	Среднее значение / Mean	Медиана / Median	Диапазон / Range
Происхождение губернатора / Origin of governor	0,74	1	0–1
Ротация до выборов в парламент / Rotation before parliamentary elections	0,48	0	0–1
Количество руководящих постов в парламенте / Number of leadership positions in parliament	12,06	11,5	5–22
Количество избираемых депутатов / Number of elected deputies	46,37	45	15–110
Опыт предыдущего руководства в парламенте / Experience of previous parliamentary leadership	0,68	1	0–1
Опыт партийной карьеры / Experience of a party career	0,42	1	0–1
Опыт работы в бизнесе / Business experience	0,39	0	0–1

Среди показателей, связанных с губернатором, как отмечалось выше, большую роль играют создаваемые главами регионов патронажные сети. За счет них губернаторы создают укорененные связи с местной политической элитой, в пользу которой часто распределяются политические и иные блага. Возможная ротация нарушает эту сложившуюся систему отношений, и одним из наиболее влиятельных факторов, снижающих вероятность смены главы региона, является уровень его патронажности [24] или «происхождения» – связана ли его политическая карьера с опытом на федеральном уровне (является ли он «варягом») или же он выходец из местных элит. Данная переменная будет представлена в бинарном виде (1 – губернатор-«варяг», 0 – выходец из местной элиты).

Другим важным фактором, связанным с главой региона, является возможность ротации перед выборами в региональный парламент. Исходя из обозначенной роли стабильности отношений региональной элиты, смена губернатора может нарушить этот баланс⁴, в том числе в региональном парламенте, что в свою очередь повлияет на кооптацию. Переменная также будет представлена в бинарном виде (1 – наличие смены главы региона до выборов в парламент, 0 – отсутствие ротации).

Для изучения переменных, связанных с особенностями региональных парламентов, исходя из имеющихся исследований о значимости подобных характеристик, были отобраны следующие: общее число доступных руководящих должностей (председателя парламента, его заместителей и глав постоянных комитетов), а также общее количество избираемых депутатов в парламент. Оба показателя ранее демонстрировали разную степень значимости в рамках проверки их влияния на кооптацию, что позволяет использовать их в рамках нашего анализа [6].

⁴ Turovsky R. F. The Systemic Opposition in Authoritarian Regimes: A Case Study of Russia's Regions // Civil Society Awakens? The Systemic and Non-Systemic Opposition in the Russian Federation: National and Regional Dimensions. 2015. Pp. 121–137.

Куда более интересными представляются «персональные» характеристики кооптируемых акторов, связанные с их карьерными траекториями. Как отмечалось, их условно можно разделить на политические и экономические: к первым, исходя из имеющихся зарубежных и отечественных исследований, были отнесены опыт предыдущего избрания на руководящую должность (1 – в случае релевантного опыта, 0 – при отсутствии), а также построение карьеры в партийных структурах представителей системной оппозиции (на федеральном или региональном уровне) (1 – при релевантном опыте, 0 – при отсутствии) [13]. Данные показатели позволяют максимально полно охватить механизмы получения политического капитала, которые могут влиять на кооптацию тех или иных представителей системной оппозиции.

В качестве «экономического» фактора для переменной было выбрано наличие опыта работы в бизнесе регионального или федерального масштаба (на руководящей должности). Исследования показали, что вхождение в бизнес-элиту или представительство интересов федерального бизнеса в регионе может стать значимым фактором для получения руководящей должности в парламенте [17; 25]. Данная переменная также будет представлена в бинарном виде: 1 – наличие опыта работы, 0 – его отсутствие.

Были использованы и контрольные переменные: доля русского населения среди жителей региона (по данным переписи населения за 2021 г.) и логарифм ВРП региона на душу населения – для учета влияния социально-экономических особенностей регионов.

Результаты исследования. Проанализируем подробнее полученные результаты статистического анализа для всех трех представителей системной оппозиции (табл. 2). Как видим, данные регрессионного анализа демонстрируют, что характер влияния факторов на кооптацию системной оппозиции отличается в рамках разных политических сил, однако ряд сходств также отмечается. Первое, что стоит выделить, – незначимость переменных, связанных с фигурой главы региона. Несмотря на то, что губернаторы в регионах России являются ключевыми акторами, определяющими политическую жизнь, их влияние на парламенты и кооптацию политических сил отсутствует, что позволяет делать выводы о большей роли в кооптации договоренностей непосредственно между партиями.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа кооптации системной оппозиции: факторы влияния (количество наблюдений – 89)

Table 2. Results of regression analysis of cooptation of system opposition: factors of influence (number of observations – 89)

Зависимая переменная / Dependent variable	КПРФ / CPRF	ЛДПР / LDPR	СП / JR
1	2	3	4
Происхождение губернатора / Origin of governor	–0,841 (0,609)	0,439 (0,473)	0,475 (0,386)
Ротация губернатора до выборов в парламент / Rotation of a governor before parliamentary elections	–0,532 (0,727)	0,951 (0,818)	–0,860 (0,734)
Количество руководящих постов в парламенте / Number of leadership positions in parliament	0,347* (0,166)	–0,123* (0,059)	0,098 (0,073)
Количество избираемых депутатов / Number of elected deputies	–0,512 (0,478)	–0,370 (0,291)	0,769* (0,383)
Опыт предыдущего руководства в парламенте / Experience of previous parliamentary leadership	–0,863** (0,399)	0,751** (0,321)	0,474* (0,372)

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4
Опыт построения партийной карьеры / Experience of a party career	0,672** (0,319)	0,448* (0,223)	-0,520* (0,244)
Опыт работы в бизнесе / Business experience	0,532 (0,425)	0,899** (0,231)	0,671* (0,305)
Доля русского населения / Share of the Russian population	0,087* (0,039)	0,023* (0,012)	0,024* (0,11)
Логарифм ВРП на душу населения / Log of GRP per capita	0,012* (0,006)	-0,037** (0,018)	-0,019* (0,008)

Примечания / Notes. 1. Зависимая переменная – наличие кооптации представителей партии после выборов в региональный парламент / Dependent variable – availability of cooptation of party representatives after elections to the regional parliament.

2. КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации; ЛДПР – Либерально-демократическая партия Российской Федерации, СР – партия «Справедливая Россия» / CPRF – Communist Party of the Russian Federation; LDPR – Liberal Democratic Party of the Russian Federation, JR – Just Russia Party.

3. Значимость показателей / Significance of variables: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Что же касается институциональных факторов, связанных с особенностями региональных парламентов, то их влияние было более значимым. В частности, число руководящих постов влияет на кооптацию как КПРФ, так и ЛДПР, но с разным эффектом: если для КПРФ увеличение их числа повышало шансы на кооптацию, то в случае ЛДПР ситуация была противоположной. Данное расхождение может объясняться в том числе зависимостью от электоральных результатов, которые могут увеличивать шансы партий на получение должностей, что уже было доказано исследователями [6; 14; 17]. В то же время для «Справедливой России» данный показатель был незначим, а куда больший эффект на кооптацию их представителей оказало общее число избираемых депутатов – с ростом их числа в парламенте пропорционально увеличиваются шансы представителей партии быть кооптированными. Данный результат может объясняться в целом слабой электоральной поддержкой справедливороссов на фоне остальной системной оппозиции, а потому логично, что с расширением коалиции оппозиционных партий увеличивается вероятность их вхождения в руководство парламента.

Более важными стали персональные характеристики кооптируемых депутатов. При анализе политических факторов обе переменные оказались значимые, но снова стоит отметить разную степень влияния на кооптацию для каждой из партий. В случае КПРФ опыт работы в руководстве одного из предыдущих созывов парламента оказывал негативное влияние на возможность получения руководящих должностей в обновленном парламенте, что может быть связано с запросом на обновление представителей системной оппозиции. В то же время опыт работы в партийных структурах партии положительно влиял на шансы кооптации КПРФ, что можно связать с сильной опорой коммунистов на собственный партийный аппарат в целом. На кооптацию ЛДПР предыдущий опыт руководящих должностей депутатов наоборот влиял положительно, но и депутаты, построившие карьеру по партийному треку, как и в случае с КПРФ, увеличивали возможность кооптации партии – данные результаты могут объясняться успешной ставкой партии на расширение своих возможностей по получению руководящих постов за счет разных

своих представителей. Наконец, говоря о «Справедливой России», важно подчеркнуть значимость для нее наличия депутатов, уже имевших ранее опыт работы в руководстве парламента. Однако партийная карьера для справедливороссов стала негативным фактором кооптации, что может быть связано в целом с большой текучестью кадров и размытостью электората, в результате чего этот фактор не играл той же роли, что и для КПРФ и ЛДПР.

Значимым предыдущий опыт работы в бизнесе для кооптации партий оказался для ЛДПР и «Справедливой России», что в целом подчеркивает ставку партий на выходцев из бизнеса, которых активно включают в партийные списки в обмен на возможное спонсорство. В то же время для КПРФ данный фактор оказался незначимым, что может объясняться как ставкой партии на свой партийный актив, так и в целом куда меньшей долей представителей бизнеса среди депутатов от КПРФ.

Подводя итоги того, какие факторы оказали большее влияние на кооптацию, отметим, что очевидный перевес наблюдается в сторону персональных характеристик кооптируемых акторов. В целом данный вывод согласуется с выводами зарубежных и отечественных исследователей кооптации и связанных с ней процессов. Однако важно подчеркнуть, что роль институциональных особенностей региональных парламентах нельзя недооценивать; часто именно различия законодательных органов позволяют оппозиционным партиям получать руководящие посты в тех или иных субъектах России.

В анализе влияния политических или экономических особенностей карьеры депутатов на кооптацию в пользу первых были получены куда более убедительные эмпирические результаты даже несмотря на разный характер влияния факторов. Опыт работы в бизнесе стал значимым для двух анализируемых партий, однако данные результаты, вероятно, могут быть скорректированы по мере расширения временной и региональной выборки исследования в силу куда меньшего количества депутатов с опытом работы в бизнесе на фоне строивших карьеру по политическому треку.

Обсуждение и заключение. Концепт кооптации действительно является важным исследовательским инструментом для анализа формирования баланса политических сил. Вместе с тем имеющиеся исследования показывают, что факторы, влияющие на кооптацию, не поддаются универсальной логике и должны рассматриваться исходя из специфики анализа регионов России, как было представлено в данной статье.

В отличие от предыдущих исследований, посвященных изучению кооптации в регионах России, проведенный анализ ставил своей целью объединение имеющихся подходов к проверке влияния факторов, оказывающих влияние на получение системной оппозицией руководящих должностей в региональных парламентах. На основании предыдущих исследований были отобраны ключевые институциональные и персональные факторы, которые оказывают влияние на кооптацию как партий в целом, так и отдельных их членов в частности. В результате на примере выборов в региональные парламента в 2019–2023 гг. было получено, что значимыми для кооптации системной оппозиции в лице КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» оказались институциональные факторы, связанные с особенностями устройства региональных парламентах, а также факторы наличия у депутатов опыта работы в политике (руководящая должность в предыдущем созыве парламента или построение

карьеру через партийные структуры). Нельзя не отметить и значимость построения карьеры в бизнесе для кооптации.

Представленный анализ является лишь одной из попыток измерения кооптации, особенно в контексте персональных характеристик и сопоставления их с институциональными. Остаются значительные возможности для углубления изучения механизма встраивания системной оппозиции в процесс принятия решений в региональных парламентах, но вместе с тем поиск критериев для объединения депутатов по индивидуальным признакам становится задачей нетривиальной. Также возможно расширение временной и региональной выборки работ, как и включение в них новых партий для рассмотрения, прежде всего «Новых людей» как наиболее близкого к привычной системной оппозиции игрока. Перспективы и успех данных работ будут зависеть от отбираемых факторов, и данное исследование может послужить для них отправной точкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Любарев А.Е. Корреляционный анализ итогов голосования на российских федеральных и региональных выборах 2011–2018 гг. *Политическая наука*. 2021;(1):205–225. <http://doi.org/10.31249/poln/2021.01.09>
Lyubarev A.E. Correlation Analysis of Voting Results in the Russian Federal and Regional Elections of 2011–2018. *Political Science*. 2021;(1):205–225. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.31249/poln/2021.01.09>
2. Turovsky R., Sukhova M. Federal and Subnational Elections in Russia: Coherence and Divergence in Electoral Outcomes. *Russian Politics*. 2020;5(3):329–353. <https://doi.org/10.30965/24518921-00503004>
3. Turovsky R., Funk K. Electoral Reforms in Russia's Regions: An Equilibrium between Disproportionality and Legitimacy. *Russian Politics*. 2022;7(4):485–511. <https://doi.org/10.30965/24518921-00604028>
4. Арутюнов А.Г. Особенности региональных выборов в современной России (по материалам пяти субъектов Российской Федерации). *Власть*. 2021;(3):99–103. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8147>
Arutyunov A.G. Features of Regional Elections in Modern Russia (On the Materials of Five Subjects of the Russian Federation). *Vlast (The Authority)*. 2021;(3):99–103. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8147>
5. Абрадова Е.С. Партии и выборы в современной России. *Власть*. 2021;(2):102–106. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8005>
Abradova E.S. Parties and Elections in Modern Russia. *Vlast (The Authority)*. 2021;(2):102–106. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8005>
6. Туровский Р.Ф., Сухова М.С. Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил. *Полития*. 2021;(2):121–143. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>
Turovsky R.F., Sukhova M.S. Co-Optation of Opposition in Russian Regional Parliaments: Game that Breaks Rules. *Politeia*. 2021;(2):121–143. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>
7. Gandhi J., Przeworski A. Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorships. *Economics and Politics*. 2006;18(1):1–26. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0343.2006.00160.x>
8. Magaloni B. The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule. *American Journal of Political Science*. 2010;54(3):751–765. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00458.x>
9. Buckles G. Internal Opposition Dynamics and Restraints on Authoritarian Control. *British Journal of Political Science*. 2019;49(3):883–900. <https://doi.org/10.1017/S0007123417000126>

10. Reuter O.J., Robertson G. Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes. *The Journal of Politics*. 2015;77(1):235–248. <https://doi.org/10.1086/678390>
11. Arriola L.R., Devaro J., Meng A. Democratic Subversion: Elite Cooptation and Opposition Fragmentation. *American Political Science Review*. 2021;115(4):1358–1372. <https://doi.org/10.1017/S0003055421000629>
12. Wiebrecht F. Between Elites and Opposition: Legislatures' Strength in Authoritarian Regimes. *Democratization*. 2021;28(6):1075–1094. <https://doi.org/10.1080/13510347.2021.1881487>
13. Kavassoglu B. Opposition Party Organizational Features, Ideological Orientations, and Elite Co-Optation in Electoral Autocracies. *Democratization*. 2022;29(4):634–654. <https://doi.org/10.1080/13510347.2021.1994552>
14. Dollbaum J. Curbing Protest through Elite Co-Optation? Regional Protest Mobilization by the Russian Systemic Opposition during the “For Fair Elections” Protests 2011–2012. *Journal of Eurasian Studies*. 2017;8(2):109–122. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.01.002>
15. Golosov G.V. Co-Optation in the Process of Dominant Party System Building: The Case of Russia. *East European Politics*. 2014;30(2):271–285. <https://doi.org/10.1080/21599165.2014.899211>
16. Mikhasev T., Golosov G.V. Reluctant Cooptation: The Legislative Recruitment of the Private Sector into Russia's Dominant Party, 2015–2020. *Party Politics*. 2023;29(5). <https://doi.org/10.1177/13540688231202856>
17. Нисневич Ю.А. Российская «партия власти» vs доминантная партия. *Полития*. 2021;(4):183–199. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-103-4-183-199>
Nisnevich Y.A. Russian “Party of Power” vs Dominant Party. *Politeia*. 2021;(4):183–199. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-103-4-183-199>
18. Сулимов К.А. Партия власти и системная оппозиция в Государственной Думе: различия в структуре территориального образа России. *Ars Administrandi*. 2022;14(4):589–606. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-4-589-606>
Sulimov K.A. Party of Power and Systemic Opposition in the State Duma: Differences in the Structure of Russia's Territorial Image. *Ars Administrandi*. 2022;14(4):589–606. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-4-589-606>
19. Гришина А.М., Мелешкина Е.Ю. Механизмы сохранения власти доминантной партии в условиях авторитарного режима в Мексике. *Политическая наука*. 2015;(1):83–94. URL: <https://www.politnauka.ru/jour/article/view/392> (дата обращения: 12.08.2024).
Grishina A.M., Meleshkina E.Yu. Mechanisms of Preserving the Power of the Dominant Party in an Authoritarian Regime in Mexico. *Political Science*. 2015;(1):83–94. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.politnauka.ru/jour/article/view/392> (accessed 12.08.2024).
20. Гилев А.В., Семенов А.В., Шевцова И.К. «Политические машины» и их «Водители»: электоральное администрирование на местном уровне. *Полития*. 2017;(3):62–80. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3\(86\)-62-80.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3(86)-62-80.pdf) (дата обращения: 12.08.2024).
Gilev A.V., Semyonov A.V., Shevtsova I.K. “Political Machines” and their “Drivers”: Electoral Administration at Local Level. *Politeia*. 2017;(3):62–80. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3\(86\)-62-80.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-3(86)-62-80.pdf) (accessed 12.08.2024).
21. Malesky E., Schuler P. Nodding vs Needling: Analyzing Delegate Responsiveness in an Authoritarian Parliament. *American Political Science Review*. 2010;104(3):482–502. <https://doi.org/10.1017/S0003055410000250>
22. Reuter O.J., Szakonyi D. Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia. *American Political Science Review*. 2019;113(2):552–568. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3046900>
23. Горохов А.В. Кооптация оппозиционных партий в региональных парламентах России: анализ и динамика. *Псковский регионологический журнал*. 2023;19(3):3–19. <http://doi.org/10.37490/S221979310026941-8>
Gorokhov A.V. Cooption of Opposition Parties in Russian Regional Parliaments: Analysis and Dynamics. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2023;19(3):3–19. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.37490/S221979310026941-8>

24. Баландин Ю.А. Патронаж как ключевой предиктор ротации губернаторов: факторы устойчивости глав регионов России после возвращения губернаторских выборов в 2012 г. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2022;16(4):73–84. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-4-73-84>
Balandin Yu.A. Patronage as a Key Predictor of Governor's Rotation: Factors of Stability of the Heads of Russian Regions after the Return of the Governor's Elections in 2012. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022;16(4):73–84. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-4-73-84>
25. Szakonyi D. Corruption and Cooptation in Autocracy: Evidence from Russia. *American Political Science Review*. 2024;118:1–18. <http://doi.org/10.2139/ssrn.4308351>

Об авторе:

Горохов Александр Владимирович, аспирант факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3118-9403>, Researcher ID: **ABF-5192-2021**, SPIN-код: **3650-9330**, avgorohov@bk.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 14.08.2024; одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 16.12.2024.

About the author:

Aleksandr V. Gorokhov, PhD Student, Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3118-9403>, Researcher ID: **ABF-5192-2021**, SPIN-code: **3650-9330**, avgorohov@bk.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 14.08.2024; revised 01.11.2024; accepted 16.12.2024.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.104-119><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/puwrxs>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDK 332.12

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Особенности развития регионов центра
европейской части России в 2009–2021 гг.

П. В. Дружинин

*Институт экономики – обособленное подразделение Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук»
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)
pdruzhinin@mail.ru*

Аннотация

Введение. Концентрация ресурсов в Москве ограничивает возможности развития части регионов центра европейской части России, но одновременно способствует росту экономики ближайших регионов. Цель исследования – на основе выделения групп регионов в зависимости от динамики их развития и расстояния до Москвы выявить особенности и, построив модели, оценить и сравнить эффективность их развития.

Материалы и методы. В работе анализировались данные Росстата по основным показателям развития регионов. В зависимости от динамики ВРП и производительности труда регионов в 2009–2021 гг. выделены группы регионов и проанализированы их особенности. На основе анализа графиков и построения моделей оценивалась эффективность вложений в экономику регионов.

Результаты исследования. Определено, что вокруг Москвы формируются смещенные на юг кольцевые группы регионов с близкими показателями экономического роста. Три центральных региона (Московская, Калужская и Тульская области) характеризуются наиболее высокими темпами экономического роста. Вокруг них располагается кольцо из девяти регионов с низкими темпами экономического роста. Дальше формируется полукольцо из восьми более успешно развивающихся регионов, которые также теряют население, но в их экономику растут инвестиции, что позволяет быстро увеличивать производительность труда. Выявлено, что среди 25 рассматриваемых регионов существует зависимость между темпами экономического роста и северной широтой столицы региона, и замыкающие полукольцо быстро растущих регионов северные и самые восточные регионы имеют самые низкие темпы экономического роста.

Обсуждение и заключение. Миграция населения в Москву усложняет развитие окружающих ее регионов, ослабевая по мере удаления региона, но одновременно растущий рынок расширяющейся Московской агломерации ведет к ускорению экономического роста ближайших территорий. Результаты данного исследования будут полезны региональным и федеральным органам власти для разработки политики уменьшения дифференциации социально-экономического положения регионов.

© Дружинин П. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Московская агломерация, регионы центра европейской части России, численность населения, валовой региональный продукт, занятость населения, инвестиции в экономику региона

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00446 «Влияние формирования агломерации на развитие экономики региона в целом», <https://rscf.ru/project/23-28-00446/>).

Для цитирования: Дружинин П.В. Особенности развития регионов центра европейской части России в 2009–2021 гг. *Регионоведение*. 2025;33(1):104–119. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.104-119>

Features of the Development of the Central Regions of the European Part of Russia in 2009–2021

P. V. Druzhinin

*Institute of Economics of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)
pdruzhinin@mail.ru*

Abstract

Introduction. The concentration of resources in Moscow limits the development of some regions in the center of European Russia, but at the same time contributes to the growth of the economy of the nearest regions. The aim of the study is to identify the specific features of regions depending on the dynamics of their development and distance to Moscow and, by building models, to evaluate and compare the efficiency of their development.

Materials and Methods. The work analyzed Rosstat data on the main indicators of regional development. Depending on the dynamics of GRP and labor productivity of regions in 2009–2021, groups of regions are identified and their features are analyzed. Based on the analysis of graphs and the construction of models, the effectiveness of investments in the economy of the region was assessed.

Results. It is shown that ring groups of regions with similar economic growth rates are formed around Moscow, shifted to the south. Three central regions (Moscow, Kaluga and Tula Regions) are characterized by the highest rates of economic growth. Around them there is a ring of nine regions with low rates of economic growth. Further, a semi-ring of eight more successfully developing regions is formed. They are also losing population, but investments in their economy are growing, which allows for a rapid increase in labor productivity. The analysis of the data also showed that among the 25 regions under consideration, there is a relationship between the rates of economic growth and the northern latitude of the regional capital, and the northern and easternmost regions that close the semi-ring of rapidly growing regions have the lowest rates of economic growth.

Discussion and Conclusion. It can be said that the migration of the population to Moscow complicates the development of the regions surrounding it, weakening as the region moves away, but at the same time the growing market of the expanding Moscow agglomeration leads to an acceleration of economic growth in the surrounding territories. The results of this study will be useful for regional and federal authorities to develop a policy to reduce the differentiation of the socio-economic situation of the regions.

Keywords: Moscow agglomeration, regions of the center of European Russia, population, gross regional product, employment, investments in the regional economy

Conflict of interests. The author declares no conflict of interest.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation under Project No. 23-28-00446 (<https://rscf.ru/project/23-28-00446/>).

For citation: Druzhinin P.V. Features of the Development of the Central Regions of the European Part of Russia in 2009–2021. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):104–119. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.104-119>

Введение. Современная Россия характеризуется растущей концентрацией населения в Москве, Санкт-Петербурге и в столицах регионов. Причем если большинство столиц регионов привлекает население в основном из своего субъекта, то в крупнейшие агломерации едут и из соседних, а в агломерации Москвы и Санкт-Петербурга – не только из регионов своих округов, но и из других округов России. Для Московской агломерации характерна естественная убыль населения, его прирост полностью определяется миграцией, в основном на периферию агломерации [1].

Межрегиональная миграция быстро росла в XXI в., достигнув максимума в 2018 г., затем немного снизилась. Было отмечено, что концентрация экономической активности сопровождается постепенной миграцией не только из периферии в центр, но и с востока на запад и из территорий добывающей специализации в регионы обрабатывающей ориентации [2].

Рост агломераций ведет к росту их эффективности, что было показано на данных различных стран, причем более высокой производительностью и инновационностью отличаются предприятия самых разных отраслей экономики [3; 4]. На данных Российской Федерации рассчитывалась эластичность производительности труда по концентрации населения в радиусе 60 км и было показано, что наибольший рост эффективности наблюдается при численности населения от 1 500 тыс. чел. до 5 000 тыс. чел., существенно меньше – при численности населения от 700 тыс. чел. до 1 500 тыс. чел. и более 5 000 тыс. чел. При численности населения агломерации до 700 тыс. чел. эффект масштаба отсутствует [5].

Мегаполисы и столицы провинций стали излюбленными местами расположения штаб-квартир инновационных предприятий, фирмы в сфере цифровых технологий тяготеют к ядрам агломераций, а создание нового университета или факультета ведет к развитию высокотехнологичного бизнеса [6–8]. В то же время с ростом расстояния от ядра агломерации ее положительные эффекты ослабевают [9]. В условиях ограниченности ресурсов рост агломерации создает проблемы для части окружающих ее территорий [10]. Поэтому интерес для исследования представляет то, что происходит в регионах вокруг крупнейшей в стране агломерации – Московской.

Цель исследования – на основе анализа развития центральных регионов европейской части России выделить группы регионов в зависимости от динамики их развития, выявить их особенности и на основе моделей оценить и сравнить эффективность их развития.

Если в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. была отмечена важность развития агломераций для ускорения экономического роста, то в Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. указано, что концентрация населения в столичных агломерациях создает проблемы, анализу которых на примере регионов центра европейской части России посвящена данная статья.

Обзор литературы. Развитие Московской агломерации в последние годы является актуальной темой исследования российских ученых, основное внимание уделяется вопросам транспортной инфраструктуры, миграции из стран СНГ. Меньше внимания уделяется инвестиционной экспансии в ближайшие регионы, миграции населения из ближайших регионов в Московскую агломерацию, отходничеству

и «полуотходничество», что ведет к росту занятости в Москве [11; 12]. Московская агломерация представляет наибольший интерес для изучения, ведь именно в столице принимаются ключевые экономические и политические решения, концентрируется качественный человеческий капитал, создаются возможности карьерного роста, расположены лучшие университеты, что способствует концентрации инвестиций и дальнейшему росту московской экономики [13]. Рост агломерации ведет к распространению инноваций, ориентированных на решение городских проблем и создание комфортабельных условий жизни, что повышает уровень инновационности в агломерации [14].

Если в развитых странах молодежь едет в крупные города делать карьеру, а, завершая ее, часть возвращается назад, то в России обратный процесс пока отсутствует, условия для жизни на периферии некомфортные [15]. Качество жизни в Москве значительно отличается даже от уровня региональных центров. Обратный отток есть, но он носит сезонный характер, как правило, на небольшое расстояние, чтобы сохранить доступность благ крупного города [16]. В то же время пандемия COVID-19 способствовала росту возможностей удаленной работы и оттоку части населения из крупных городов, особенно в развитых странах [17].

В результате миграции населения в Москву возникает нехватка квалифицированных кадров в большинстве центральных регионов европейской части России, соответственно, в них вкладывается недостаточно инвестиций, определяющих рост экономики [18]. Исследования развития регионов европейской части России показали, что после начала рыночных реформ стала расти дифференциация регионов [16; 19]. Группировка близких по своим характеристикам регионов позволяет лучше понять причины дифференциации, выявить перспективы их развития и сформулировать предложения для изменения сложившейся ситуации [20; 21].

Зарубежные ученые также активно изучают тему неравных условий агломерации и окружающих ее территорий, уделяя основное внимание развитию транспортной инфраструктуры. При существенно более высокой плотности населения ее улучшение за пределами агломераций и децентрализация способствуют уменьшению дифференциации регионов [22; 23].

Динамика численности населения зависит от расстояния до столицы страны или регионального центра, по мере удаления от них, как правило, население муниципалитетов сокращается быстрее [24], инновационная активность также убывает по мере отдаления от агломерации [25]. В то же время на некотором расстоянии от регионального центра по мере ослабления его притяжения возникают успешно развивающиеся территории¹ [26; 27]. Особенности формирования кольцевых структур вокруг столицы или иного крупного города рассматривались на протяжении всего XX в.² [28]; было отмечено постепенное расширение центральной активной зоны и отдаление кольцевых активных зон³.

Крупнейшая в стране Московская агломерация оказывает влияние на регионы не только своего округа, но и других округов [16; 29]. Московские университеты привлекают выпускников школ со всей страны, а московские фирмы вкладывают

¹ Мартынов В. Л. Коммуникационная среда и региональное развитие России. СПб. : Гидрометеоздат, 2000. 160 с.

² Лёш А. Пространственная организация хозяйства. М. : Наука, 2007. 662 с.

³ Мартынов В. Л. Коммуникационная среда и региональное развитие России.

инвестиции не только в ближайшие регионы, но и в достаточно отдаленные. Тем не менее для части регионов московское влияние на экономику более заметно, и в данной статье рассматриваются изменения, происходящие в регионах, расположенных вокруг Москвы, причем анализ данных показал, что необходимо учитывать и регионы за пределами Центрального федерального округа (далее – ЦФО), для которых значимо отходничество.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили 25 регионов центра европейской части России, столицы которых расположены не далее 750 км от Москвы. Кроме регионов ЦФО в их число входят три региона Северо-Западного федерального округа (далее – СЗФО) и пять регионов Приволжского федерального округа (далее – ПФО). Прежде всего в этих границах находятся все регионы ЦФО, на западе, примерно на таком же расстоянии, проходит граница Российской Федерации. Отходничество, которое существенно влияет на региональную структуру занятости, как правило, в центральных регионах охватывает расстояние до 700–800 км. За пределами выделенной территории в 750 км расположены регионы с положительной миграцией, развитой образовательной системой и с крупнейшими и крупными агломерациями (Санкт-Петербург, Ростов, Волгоград, Самара, Казань, Саратов, Ульяновск), влияние Московской агломерации на их развитие пока невелико.

Отметим, что из трех северных регионов (Вологодская, Новгородская и Псковская области), а также из северных районов Тверской области [30] значительна миграция населения в Санкт-Петербургскую агломерацию. Для восточных регионов (республики Марий Эл, Мордовия и Чувашия, Пензенская и периферия Нижегородской области) отток населения в Московскую агломерацию был более значительным, чем в Нижний Новгород, население которого сократилось. На динамику экономических показателей регионов также повлияло отходничество, когда жители регионов регулярно ездят в Московскую агломерацию на несколько недель или месяц, работая на складе, стройке или в охране. Наиболее высокая доля работающих вне своего региона характерна для Мордовии и Чувашии [16; 31].

Анализ развития 25 центральных регионов показал значительную разницу динамики экономического роста, что требует объяснений, поэтому ключевым критерием был выбран рост ВРП за 2009–2021 гг., также учитывалось расстояние от столицы региона до Москвы. Анализ динамики других показателей (производительность труда, занятость, численность населения, инвестиции) показал устойчивость данных групп. Учет расстояния до Москвы привел к необходимости разделить быстро развивающиеся регионы. В результате были выделены три центральных региона и три полукольца, сильно различающиеся по динамике основных показателей.

Рассматриваемый период ограничен 2021 г., поскольку в 2022 г. были введены санкции, что сильно сказалось на экономическом развитии регионов, динамика показателей изменилась, и можно считать, что с 2022 г. начался новый период с отличными от предыдущих лет зависимостями региональных показателей.

Для анализа развития каждой из групп регионов рассчитывались ряды данных в сопоставимых ценах, строились графики, проводился сравнительный анализ динамики основных показателей сформированных групп – численности населения, ВРП, занятости, производительности труда, инвестиций и основных фондов. Также исследовались взаимосвязи показателей для выявления закономерностей

и построения производственных функций [32]. С помощью совокупной факторной производительности, получаемой при использовании производственных функций, можно оценить эффективность развития регионов или их групп [33; 34]. Для проведения расчетов изучалась зависимость производительности труда от фондовооруженности, которая строилась не только по основным фондам, но и по кумулятивным инвестициям. В результате оценивалась динамика эластичности по основным фондам и по кумулятивным инвестициям, что позволило приближенно определить эффективность вложений в экономику. Полученные оценки уточнялись при построении для каждой группы регионов производственных функций Хэди – Диллона по основным фондам:

$$Y(t) = A \cdot K^{\alpha}(t) \cdot L^{\beta}(t) \cdot \exp(a \cdot K(t) + b \cdot L(t)), \quad (1)$$

где $Y(t)$ – ВРП; $K(t)$ – основные фонды; $L(t)$ – численность занятых; t – год; A, a, b, α, β – константы. Также проводились расчеты при $a = b = 0$.

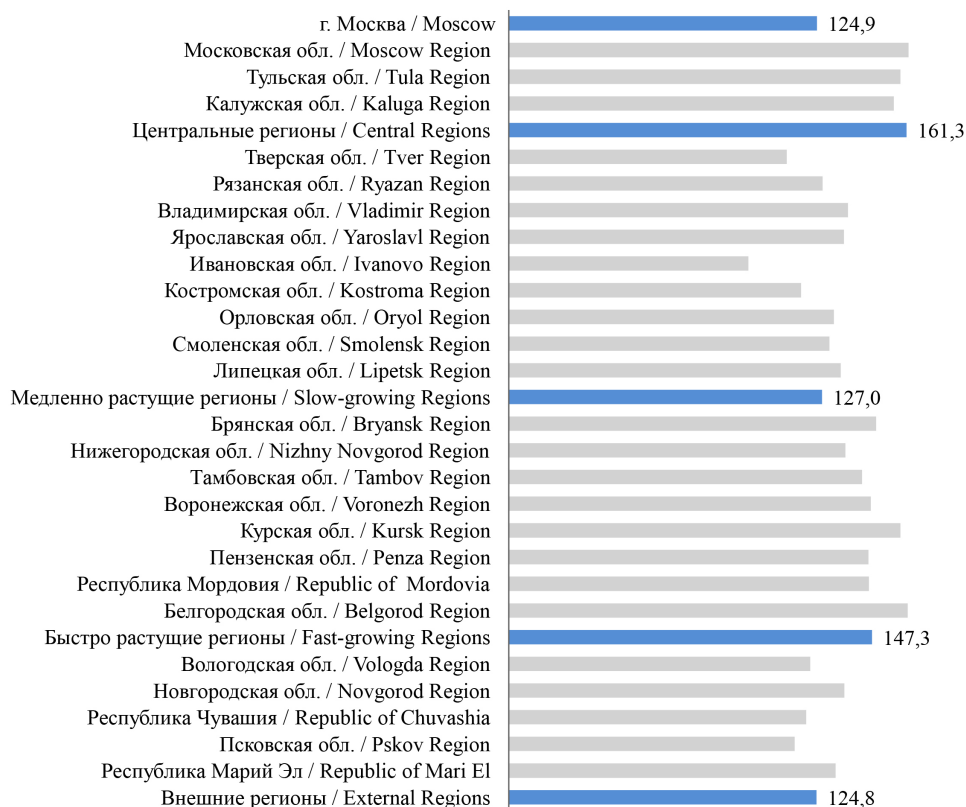
Исходные данные за 2009–2021 гг. были взяты из справочников Росстата «Регионы России»⁴ и сайта с данными Московской агломерации⁵. В качестве базового года был взят 2009 г., после которого начался послекризисный рост экономики. Основные фонды приводятся в статистических справочниках в текущих ценах, индексы в сопоставимых ценах для них отсутствуют, поэтому динамика основных фондов строилась через коэффициенты ввода и ликвидации для получения сопоставимых данных. Производительность труда рассчитывалась как ВРП, деленный на количество занятых.

Результаты исследования. Анализ динамики ВРП рассматриваемых регионов за 2009–2021 гг. позволил выделить пять групп (рис. 1). Отдельно изучается Москва, являющаяся ядром агломерации, остальные 25 регионов объединены в четыре группы. По мере удаления от Москвы величина роста ВРП сначала уменьшается, а затем растет, за исключением самых дальних регионов, не входящих в ЦФО, из которых отток населения идет не только в Москву, но и в агломерации СЗФО и ПФО.

Быстрее всех рассматриваемых регионов развивается Московская область, но в граничащих с ней с юга и юго-запада Калужской и Тульской областях также высокие темпы роста ВРП, а производительность труда растет даже быстрее, и средняя зарплата выше, чем в других регионах. В последние десятилетия из Москвы в ближайшие регионы активно выносились промышленные предприятия, вместо них в столице возникали жилые и деловые зоны. Положительное влияние Москвы сказывается на развитии данных областей, до столиц этих регионов намечается провести линии наземного метро. Также после расширения Москвы она стала граничить с Калужской областью, а Тула находится от центра Москвы примерно на таком же расстоянии, как и отдаленные муниципальные образования Московской области. Группа, объединяющая три центральных региона, имеет самые высокие темпы роста ВРП – 161,3 % за 2009–2021 гг., в ней, в отличие от других групп, растут численность населения и численность занятых.

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели : Стат. сб. [Электронный ресурс] // Росстат : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 12.10.2024).

⁵ Статистический портал Москвы и Московской агломерации : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://mosag.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.10.2024).

Р и с. 1. Динамика ВРП центральных регионов Европейской части России за 2009–2021 гг., синие столбцы – динамика ВРП группы регионов в целом (внутри каждой группы регионы ранжированы по расстоянию до Москвы), %

F i g. 1. Dynamics of GRP of the central regions of the European part of the Russian Federation for 2009–2021, blue columns – dynamics of GRP of the group of regions as a whole (within each group, regions are ranked by distance to Moscow), %

Подходы к выделению ядра и периферии Московской агломерации разные, в данном случае к ядру относится Москва в ее административных границах, т. е. с Новой Москвой, Троицким, Зеленоградским и другими административными округами за пределами МКАД, как и на сайте Росстата [11; 35]. Росстат к периферии Московской агломерации относит Московскую область (часть важнейших статистических показателей есть лишь на уровне регионов), в других источниках – от 29 до 74 городских округов. В нашем исследовании вместо периферии рассматриваются три региона с близкой динамикой показателей, хотя для Московской области часть, а для двух других регионов подавляющее большинство их муниципальных образований пока находятся в агломерационной тени, но Московская агломерация растет, и границы ее влияния расширяются. Происходит постепенное «врастание» соседних территорий в Московскую область [12; 36].

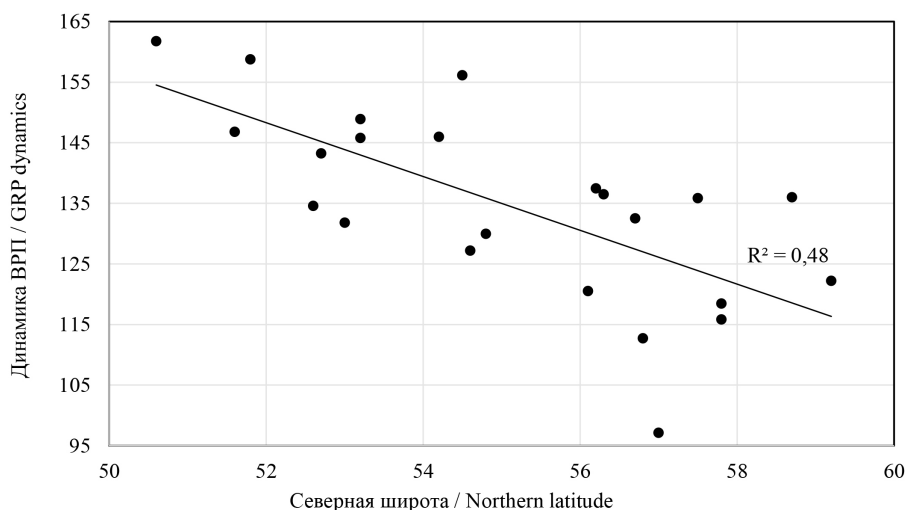
Центральные регионы окружает кольцо из девяти регионов ЦФО с достаточно низкими темпами роста экономики, рост ВРП данной группы составил всего 127 %,

занятость сократилась более чем на 10 %, немного меньше снизилась численность населения, а производительность труда росла медленнее, чем у других групп. Почти замкнутое кольцо из девяти регионов фактически постепенно становится агломерационной тенью Москвы, в данной группе быстрее всего снижалась численность населения. Самые низкие показатели развития у трех более северных регионов, в Ивановской и Костромской областях быстрее снижалась численность населения, а в Тверской области – количество занятых.

Еще дальше от Москвы отстоит полукольцо из восьми регионов с достаточно высоким ростом ВРП – 147,3 %, и самым высоким ростом производительности труда – 157,8 %. В них также сокращается численность населения и занятость, но медленнее, чем у кольца более близких к Москве регионов, поскольку ее влияние с расстоянием ослабевает. Кроме пяти регионов ЦФО (Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская и Тамбовская области), в данную группу входят три региона ПФО – Республика Мордовия, Нижегородская и Пензенская области.

Надо отметить, что положительное влияние Москвы больше распространяется в южном направлении, и регионы, расположенные севернее, развиваются медленнее (рис. 2).

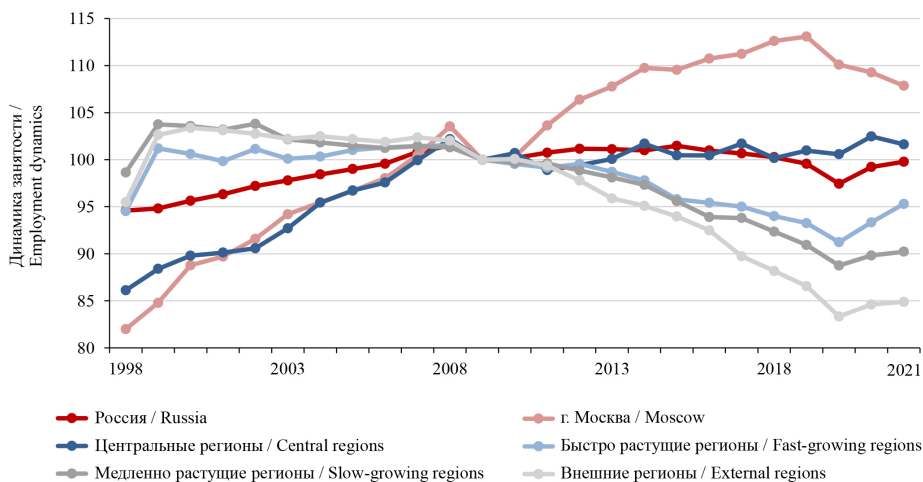
Р и с. 2. Динамика роста ВРП 25 центральных регионов европейской части России (без Москвы и Московской области) за 2009–2021 гг. в зависимости от северной широты столицы региона, 2009 г. – 100 %

Fig. 2. Dynamics of GRP growth in 25 central regions of the European part of the Russian Federation (excluding Moscow and the Moscow region) for 2009–2021 depending on the northern latitude of the regional capital, 2009 – 100 %

Поэтому образовалось именно полукольцо быстро растущих регионов, а замыкающие его на севере три региона СЗФО имеют низкие темпы экономического роста, как и два восточных региона ПФО. Вологодская, Новгородская и Псковская области зависят и от Санкт-Петербургской агломерации, а республики Марий Эл и Чувашия – от Нижегородской.

В результате у данной группы, объединяющей пять внешних к ЦФО регионов, самый медленный рост ВРП и количества занятых, но у них медленнее сокращается численность населения, чем у кольца регионов с низкими темпами экономического роста.

В 2019–2021 гг. средняя зарплата в Москве превышала среднюю зарплату в 16 регионах ЦФО в 2,8 раза, а без учета Калужской и Тульской областей – в 2,9 раза (в 1998 г. только в 2 раза), что привлекало их жителей в столицу России. Миграция населения в Москву и работающие в ней вахтовым методом отходники привели к концентрации занятости, особенно после кризиса 2008–2009 гг. Хотя после кризиса рост количества занятых в Москве замедлился, но в трех выделенных группах регионов медленный спад занятости в 1999–2008 гг. сменился более быстрым, лишь в центральных регионах занятость относительно стабильна (рис. 3). С началом пандемии COVID-19 занятость упала у всех регионов, а уже в 2021 г. она выросла у большинства регионов. Лишь в Москве рост занятости не возобновился, продолжилось ее снижение в торговле, финансах и страховании, научной и профессиональной деятельности. У центральных же и быстрорастущих регионов численность занятых превысила доковидный уровень.

Р и с. 3. Динамика занятости населения в пяти группах регионов центра европейской части России в 1998–2021 гг., 2009 г. – 100 %

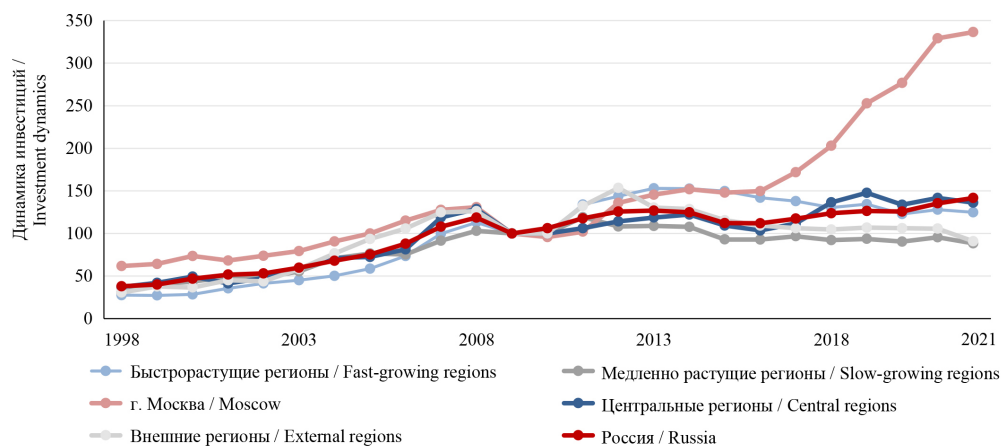
F i g. 3. Dynamics of employment in five groups of central regions of the European part of the Russian Federation in 1998–2021, 2009 – 100 %

Анализ данных по субрегионам Финляндии показал положительную роль периферийных вузов для динамики численности населения и соответственно занятости. В России этого практически нет, для 24 центральных регионов зависимость между динамикой численности населения и количеством студентов на 10 000 жителей очень слабая – $R^2 = 0,14$. Значительная часть выпускников периферийных вузов стремится переехать в Москву или Подмоскowie [37]. Регионы теряют наиболее активную и квалифицированную часть населения, что сказывается на их развитии, прежде всего на совершенствовании структуры экономики и инновационных

процессах. Исследования показали, что ранняя мобильность, когда выпускник средней школы покидает свой город, ведет к значительному росту последующей мобильности, переезду из регионального центра в более крупную агломерацию [38].

До кризиса 2008–2009 гг. рост инвестиций в выделенных группах регионов был примерно одинаковый, после кризиса он возобновился в 2010–2014 гг., но затем снова начался спад (рис. 4). С 2017 г. начался быстрый рост инвестиций в московскую экономику, и в 2021 г. они превысили уровень 2009 г. в три раза. Доля инвестиций в обрабатывающую промышленность Москвы увеличилась в середине 2010-х гг., и с 2017 г. начался рост промышленного производства. В центральных регионах инвестиции заметно выросли в 2018–2019 гг., но затем, как и в других регионах, стали медленно снижаться. В структуре инвестиций доля Москвы выросла в 1,8 раз – до 56 %, доля центральных регионов сократилась на 13 %, быстрорастущих – на 30 %, медленно растущих – почти вдвое.

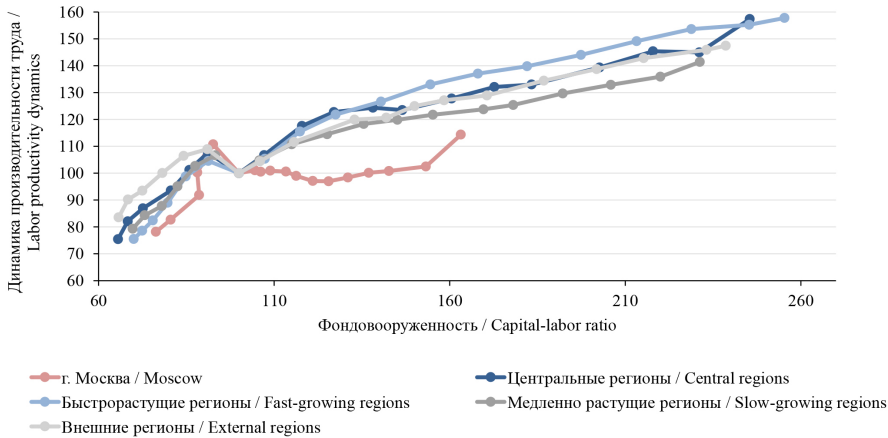

Р и с. 4. Динамика инвестиций в пяти группах регионов европейской части России в 1998–2021 гг., 2009 г. – 100 %

F i g. 4. Investment dynamics in five groups of central regions of the European part of the Russian Federation in 1998–2021, 2009 – 100 %

Для анализа эффективности инвестиций рассматривалась зависимость производительности труда от ее фондовооруженности. До кризиса наиболее медленный рост фондовооруженности экономики Москвы сопровождался быстрым ростом производительности труда, но быстрее всего росла производительность труда в центральных регионах (рис. 5). После кризиса быстро росла фондовооруженность во всех регионах, кроме Москвы: от 7,0 % в среднем за год у медленно растущих до 7,8 % у быстрорастущих. Среднегодовые темпы прироста производительности труда у центральных и быстрорастущих регионов составили 3,8 %, а у медленно растущих – 2,9 %. Получается, что разрыв в эффективности вложений в экономику небольшой. В 2010-х гг. отставание в производительности труда при одинаковом уровне фондовооруженности у группы медленно растущих регионов росло и было значительным, но к 2021 г. оно резко сократилось. В то же время в экономике Москвы темпы прироста производительности труда упали примерно в семь раз относительно докризисного периода, причем до 2021 г. производительность труда

фактически не росла. Лишь в 2021 г. ВРП Москвы резко вырос, но в следующем году рост остановился. Прирост основных фондов был максимальным у центральных регионов, а минимальным – у Москвы. Занятость выросла только у Москвы и центральных регионов.

Р и с. 5. Зависимость производительности труда от фондовооруженности в пяти группах регионов центра европейской части России в 2003–2021 гг., 2009 г. – 100 %
F i g. 5. Dependence of labor productivity on capital-labor ratio in five groups of regions in the center of the European part of the Russian Federation in 2003–2021, 2009 – 100 %

Почти у всех регионов пик инвестиций пришелся на 2010–2014 гг., и падение инвестиций в экономику регионов осложнило определение эластичности по кумулятивным инвестициям, которая определялась приблизительно по сглаженным данным. Можно лишь сказать о низкой эластичности экономики Москвы и близости эластичностей остальных групп регионов. Несмотря на значительную разницу показателей групп регионов, динамика их эластичностей по фондам похожа – спад до середины 2010-х гг. и стабилизация или небольшой рост в дальнейшем. Эластичность московской экономики близка к нулю, лишь с 2017 г. начался ее быстрый рост. Динамика эластичностей по фондам медленно растущих и внешних регионов практически совпадает и несколько ниже, чем у центральных и быстрорастущих регионов.

Для более точной оценки эффективности использования ресурсов за 2009–2021 гг. строились уравнения (1). Расчеты показали, что у Москвы эластичность по фондам отрицательная до 2016 г., затем она стала быстро расти, но в итоге в среднем она чуть больше нуля (таблица). У остальных четырех групп регионов эластичность по фондам убывает. У центральных регионов она не очень высокая, а у остальных трех групп регионов различается незначительно, находясь в интервале 0,55–0,65. В итоге оказалось, что четыре группы регионов слабо различаются по эффективности, эластичность по фондам оказалась достаточно близкой, отток населения в основном в Московскую агломерацию способствовал более низкому уровню инвестиций, что привело и к низким темпам роста экономики, в том числе и за пределами ЦФО (суммарное сальдо миграции за 2010–2021 гг. во всех пяти внешних регионах отрицательное).

Т а б л и ц а. Результаты расчетов параметров зависимости (1) для пяти выделенных групп регионов за 2009–2021 гг.

T a b l e. Results of calculations of the parameters of dependence (1) for five selected groups of regions for 2009–2021

Параметр / Parameter	Значение параметров и статистических характеристик для разных групп регионов / Significance of parameters and statistical characteristics for different groups of regions				
	Москва / Moscow	Центральные / Central	Быстрорастущие / Fast-growing	Медленно растущие / Slow-growing	Внешние / External
$\ln A$	–83,6***	1441***	81,87*	91,52***	26,62***
α	–2,77**	0,750***	1,348***	0,986***	1,249***
β	26,62***	–398,5***	–23,81*	–26,44***	–8,21***
a	0,021**	–0,002*	–0,0048***	–0,0021*	–0,0041***
b	–0,238***	3,956***	0,267*	0,305***	0,104***
R^2	0,92	0,98	0,99	0,99	0,99
p	0,0002	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000

Примечание / Note: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

В то же время расчеты показали очень высокую эластичность по труду у данных трех групп регионов, что связано с оттоком кадров в Московскую агломерацию (включая отходников) и нехваткой их в регионах. Снижение занятости на 1 % приводило к падению ВРП быстрорастущих регионов чуть менее чем на 2 %, а у медленно растущих – более чем на 2,5 %. Новизна исследования заключается в полученных по моделям на основе выделения групп регионов, различающихся по темпам экономического роста и географическому положению результатах, включающих незначительную разницу эффективности вложений в экономику групп регионов за пределами Московской агломерации и очень высокую эластичность по труду в них, что показывает лимитирующую роль рабочей силы.

Обсуждение и заключение. В 2009–2021 гг. развитие экономики центральных регионов европейской части России происходило в условиях продолжения концентрации ресурсов в Москве, но эффективность развития экономики Москвы при росте обеспеченности ресурсами была невысокой. Рост Московской агломерации требует все больше и больше ресурсов, основную часть инвестиций потребляют виды деятельности, которые крайне необходимы для функционирования мегаполиса, для развития инфраструктуры, прежде всего транспортной, а также жилищное строительство и поддержание комфортных условий жизни горожан. Однако эффективность подобных инвестиций невелика, они не сразу сказываются на развитии экономики.

По динамике основных экономических показателей были выделены группы регионов, на развитии которых сказывается положительное и отрицательное влияние Москвы. Степень положительного влияния быстро убывает по мере отдаления от Москвы, отрицательного – медленнее. В результате возникают смещенные на юг кольцевые структуры, сильно различающиеся по динамике экономических показателей и имеющие близкую эффективность развития.

Быстрее росла экономика центральных регионов, включающих, кроме Московской области, постепенно втягивающиеся в периферию Московской агломерации Калужскую и Тульскую области. Существенно медленнее росла экономика кольца из быстро теряющих население девяти регионов, объем инвестиций в экономику

которых снижался. Отток населения из расположенных в более хороших климатических условиях более южных регионов был меньше, в них быстрее росли ВРП и производительность труда, медленнее снижалась занятость. Расчеты факторных эластичностей показали, что различие эффективности развития четырех выделенных групп регионов невелико, значительная разница роста ВРП и производительности труда объясняется разной динамикой инвестиций и оттоком населения.

Таким образом, построенные модели показали, что концентрация ресурсов в Москве оказывает отрицательное влияние на развитие большей части регионов центра европейской части России, большинство регионов имеет отрицательное сальдо миграции за 2010–2021 гг. и, соответственно, нехватка трудовых ресурсов ведет к более низким объемам инвестиций, а значит, и к более низким темпам экономического роста. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при разработке региональных стратегических документов, в частности для развития инфраструктуры и образовательных проектов в муниципальных центрах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Олифир Д.И. Сравнительный анализ пространственных структур Московской и Санкт-Петербургской агломераций. *Пространственная экономика*. 2022;18(1):73–100. <https://doi.org/10.14530/se.2022.1.073-100>
Olifir D.I. Comparative Analysis of the Spatial Structures of the Moscow and St. Petersburg Agglomerations. *Spatial Economics*. 2022;18(1):73–100. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14530/se.2022.1.073-100>
2. Коломак Е.А. Пространственное развитие России в XXI в. *Пространственная экономика*. 2019;15(4):85–106. <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106>
Kolomak E.A. Spatial Development of Russia in XXI Century. *Spatial Economics*. 2019;15(4):85–106. (in Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106>
3. Leishman C., Liang W. An Alternative Approach to Estimating Agglomeration and Productivity Using Geography, Demography and Evidence from Satellite Imagery. *Regional Studies, Regional Science*. 2022;9(1):45–65. <https://doi.org/10.1080/21681376.2021.2019609>
4. Лавриненко П.А., Михайлова Т.Н., Ромашина А.А., Чистяков П.А. Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития. *Проблемы прогнозирования*. 2019;(3):50–59. URL: <https://ecfor.ru/publication/vliyanie-ekonomiko-geograficheskogo-polozheniya-na-proizvoditelnost-truda/> (дата обращения: 12.10.2024).
Lavrinenko P.A., Mikhailova T.N., Romashina A.A., Chistyakov P.A. Agglomeration Effect as a Tool of Regional Development. *Studies on Russian Economic Development*. 2019;30:268–274. <https://doi.org/10.1134/S1075700719030109>
5. Andini C., Andini M. Mussolini Meets Marshall in the City. *Regional Studies, Regional Science*. 2023;10(1):184–193. <https://doi.org/10.1080/21681376.2023.2166868>
6. Ma H., Huang X. Visualizing the Urban Network Constructed by the Most Innovative Enterprises in China. *Regional Studies, Regional Science*. 2022;9(1):343–346. <https://doi.org/10.1080/21681376.2022.2069510>
7. García-Estévez J., Duch-Brown N. The Relationship between New Universities and New Firms: Evidence from a Quasi-natural Experiment in Spain. *Regional Studies, Regional Science*. 2020;7(1):244–266. <https://doi.org/10.1080/21681376.2020.1784778>
8. Hellwig V. Shoulders and Shadows of Giants: Intra-regional Distribution of the Digital Industry in Germany. *Regional Studies, Regional Science*. 2023;10(1):234–252. <https://doi.org/10.1080/21681376.2023.2180424>
9. Rosenthal S.S., Strange W.C. How Close Is Close? The Spatial Reach of Agglomeration Economies. *Journal of Economic Perspectives*. 2020;34(3):27–49. <https://doi.org/10.1257/jep.34.3.27>

10. Pike A., Béal V., Cauchi-Duval N., Francin R., Kinossian N., Lang T., et al. 'Left Behind Places': A Geographical Etymology. *Regional Studies*. 2023;58(6):1167–1179. <https://doi.org/10.1080/003434404.2023.2167972>
11. Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения наагломерационного уровня в России. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2019;(4):31–45. <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019431-45>
Antonov E.V., Makhrova A.G. Largest Urban Agglomerations and Forms of Settlement Pattern at the Supra-Agglomeration Level in Russia. *Regional Research of Russia*. 2019;9(4):370–382. <https://doi.org/10.1134/S2079970519040038>
12. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация пространства Центрально-Российского мегалополиса и мобильность населения. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2016;(5):77–85. URL: https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/247?locale=ru_RU (дата обращения: 12.10.2024).
Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. The Central Russian Megalopolis: Polarization of Space and Population Mobility. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 2016;(5):77–85. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/247?locale=ru_RU (accessed 12.10.2024).
13. Antonov E.V., Kurichev N.K., Treivish A.I. Shrikin Urban System of the Largest Country: Research Progress and Unsolved Issues. *Regional Research of Russia*. 2022;12(1):20–35. <https://doi.org/10.1134/S2079970522020010>
14. Adler P., Florida R. The Rise of Urban Tech: How Innovations for Cities Come from Cities. *Regional Studies*. 2021;55(10–11):1787–1800. <https://doi.org/10.1080/003434404.2021.1962520>
15. Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. 2023;68(1):44–63. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.103>
Mkrtychyan N.V., Gilmanov R.I. Big Cities of Russia and their Suburbs as Centers of Attraction of Internal Migrants. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*. 2023;68(1):44–63. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.103>
16. Нефедова Т.Г., Старикова А.В. Миграции населения как способ его адаптации к поляризации пространства в центре России. *Социологические исследования*. 2020;(10):24–38. <https://doi.org/10.31857/S013216250009567-6>
Nefedova T.G., Starikova A.V. Migration of the Population as a Way of its Adaptation to the Polarization of Space in the Center of Russia. *Sociological Studies*. 2020;(10):24–38. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009567-6>
17. Luca D., Özgüzel C., Wei Z. The New Geography of Remote Jobs in Europe. *Regional Studies*. 2024;58(6):1–19. <https://doi.org/10.1080/003434404.2024.2352526>
18. Новиков А.И. Кадры как ключевой фактор развития регионов, входящих в Московский макрорегион. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика*. 2022;(2):58–63. URL: <http://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/e42/Вестник-Экономика-2-2022.pdf> (дата обращения: 12.10.2024).
Novikov A.I. Personnel as a Key Factor in the Development of Regions Included in the Moscow Macrорегион. *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Economics*. 2022;(2):58–63. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/e42/Вестник-Экономика-2-2022.pdf> (accessed 12.10.2024).
19. Морошкина М.В. Пространственное неравенство российских регионов. *Региональная экономика: теория и практика*. 2019;17(7):1349–1367. <https://doi.org/10.24891/re.17.7.1349>
Moroshkina M.V. Spatial Inequality of the Russian Regions. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2019;17(7):1349–1367. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24891/re.17.7.1349>
20. Кошкин А.П., Любкина О.Р. Реиндустриализация и новая индустриализация в промышленной политике субъектов РФ: фактор индустриальных парков в ЦФО. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2021;16(3):44–52. EDN: **KKYSQM**
Koshkin A.P., Lyubkina O.R. Reindustrialization and New Industrialization in the Industrial Policy of the Subjects of the Russian Federation: Constituents: the Factor of Industrial Parks in the Central Federal District. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2021;16(3):44–52. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **KKYSQM**

21. Сергеева Н.М., Плахутина Ю.В., Коптева Ж.Ю. Влияние инвестиций на рост экономики регионов. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2022;(5-3):450–455. <https://doi.org/10.17513/vaael.2232>
Sergeeva N.M., Plakhuina Yu.V., Kopteva Zh.Yu. The Impact of Investments on Regional Economic Growth. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022;(5-3):450–455. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17513/vaael.2232>
22. Harris R., Moffat J. The Geographical Dimension of Productivity in Great Britain, 2011–18: The Sources of the London Productivity Advantage. *Regional Studies*. 2021;56(10):1713–1728. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.2004308>
23. Coffey D., Thornley C., Tomlinson P.R. Industrial Policy, Productivity and Place: London as a ‘Role Model’ and High Speed 2 (HS2). *Regional Studies*. 2023;57(6):1171–1183. <https://doi.org/10.1080/00343404.2022.2110226>
24. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы. *Балтийский регион*. 2014;(2):62–80. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-2-4>
Mkrtychyan N.V., Karachurina L.B. The Baltics and Russian North-West: The Core and the Periphery in 2000s. *Baltic Region*. 2014;(2):62–80. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-2-4>
25. Graevenitz G. von, Graham S.J.H., Myers A.F. Distance (Still) Hampers Diffusion of Innovations. *Regional Studies*. 2021;56(2):227–241. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1918334>
26. Дружинин П.В. Развитие экономики регионов Северо-Западного федерального округа в условиях миграции в Санкт-Петербургскую агломерацию. *Балтийский регион*. 2023;(3):100–116. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-6>
Druzhinin P.V. Economic Development of Russia’s North-Western Regions and Migration to the St. Petersburg Agglomeration. *Baltic Region*. 2023;(3):100–116. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-6>
27. Эм П.П. Развитие системы центральных мест московского столичного региона в постсоветский период. *Региональные исследования*. 2018;(4):75–83. URL: <https://publications.hse.ru/articles/450165059> (дата обращения: 12.10.2024).
Em P.P. Development of the System of Central Places of the Moscow Capital Region in the Post-Soviet Period. *Regional Studies*. 2018;(4):75–83. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://publications.hse.ru/articles/450165059> (accessed 12.10.2024).
28. Humer A., Cardoso R.V. Meijers E. Breaking with the Spatial-cycle Model: The Shift towards ‘Syncurbanization’ in Polycentric Urban Regions. *Regional Studies*. 2022;56(1):21–35. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1969008>
29. Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. Moscow Agglomeration and “New Moscow”: The Capital City-region Case of Russia’s Urbanization. *Regional Research of Russia*. 2013;3(2):131–141. <https://doi.org/10.1134/S2079970513020081>
30. Смирнов И.П., Виноградов Д.М., Алексеев А.И. К Москве или Санкт-Петербургу? Тяготение населения Тверской области по данным сети «ВКонтакте». *Известия РГО*. 2019;191(6):69–80. <https://doi.org/10.31857/S0869-6071151669-80>
Smirnov I.P., Vinogradov D.M., Alexeev A.I. To Moscow or to Saint Petersburg? Population Gravity of the Tver Region according to the Data of “VKontakte” Online Network. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshestva*. 2019;191(6):69–80. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0869-6071151669-80>
31. Плюснин Ю. Отходничество в современной России. *Отечественные записки*. 2012;(5):240–256. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/thre1bo62h/69031687.pdf> (дата обращения: 12.10.2024).
Plyusnin Yu. [Otkhodничество in Modern Russia]. *Otechestvennye zapiski*. 2012;(5):240–256. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/thre1bo62h/69031687.pdf> (accessed 12.10.2024).
32. Дружинин П.В. Концентрация ресурсов в Москве: влияние на экономику Центрального федерального округа. *Пространственная экономика*. 2022;18(3):115–140. <https://doi.org/10.14530/se.2022.3.115-140>
Druzhinin P.V. The Resource Concentration in Moscow: Impact on the Economy of the Central Federal District. *Spatial Economics*. 2022;18(3):115–140. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14530/se.2022.3.115-140>

33. Ouwehand W.M., Oort F.G. van, Cortinovis N. Spatial Structure and Productivity in European Regions. *Regional Studies*. 2022;56(1):48–62. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1950912>
34. Gornig M., Schiersch A. Agglomeration Economies: Different Effects on TFP in High-tech and Low-tech Industries. *Regional Studies*. 2024;58(11):1999–2010. <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2318454>
35. Браде И., Махрова А.Г., Нefeldова Т.Г., Трейвиш А.И. Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2013;(2):19–29. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2013-2-19-29>
Brade I., Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. Specific Features of Suburbanization in Moscow Agglomeration in the Post-Soviet Era. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 2013;(2):19–29. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2013-2-19-29>
36. Махрова А.Г., Бабкин Р.А. Методические подходы к делимитации границ Московской агломерации на основе данных сотовых операторов. *Региональные исследования*. 2019;(2):48–57. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/245905206/> (дата обращения: 12.10.2024).
Makhrova A.G., Babkin R.A. Methodological Approaches for Moscow Urban Agglomeration Delimitation Based on Mobile Network Operators Data. *Regional Studies*. 2019;(2):48–57. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/245905206/> (accessed 12.10.2024).
37. Ананичева С.Р. Миграционные процессы в молодежной среде. *Ученые заметки ТОГУ*. 2018;(3):1421–1425. URL: https://togudv.ru/media/ejournal/articles-2018/TGU_9_343.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
Ananicheva S.R. Migration Processes in the Youth Environment. *Scientific notes PNU*. 2018;(3):1421–1425. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://togudv.ru/media/ejournal/articles-2018/TGU_9_343.pdf (accessed 12.10.2024).
38. Ehrenfried F., Fackler T.A., Lindlacher V. New Region, New Chances: Does Moving Regionally for University Shape Later Labor Mobility? *Regional Studies*. 2023;57(7):1239–1253. <https://doi.org/10.1080/00343404.2022.2119217>

Об авторе:

Дружинин Павел Васильевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики – обособленного подразделения Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, Researcher ID: F-4625-2010, Scopus ID: 56502324200, SPIN-код: 7044-9207, pdruzhinin@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 11.06.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 16.12.2024.

About the authors:

Pavel V. Druzhinin, Dr.Sci. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Science (50 Prospekt A. Nevskogo, Petrozavodsk 185030, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, Researcher ID: F-4625-2010, Scopus ID: 56502324200, SPIN-code: 7044-9207, pdruzhinin@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 11.06.2024; revised 05.11.2024; accepted 16.12.2024.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.120-137><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/wagtwx>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 338.431.2

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Концептуальный подход к организации
сельских территорий на основе
агломерационных структур****А. А. Тютюников** ✉**А. В. Улезько**

*Научно-исследовательский институт экономики и организации
агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного региона –
филиал Воронежского федерального аграрного научного центра им. В. В. Докучаева
(г. Воронеж, Российская Федерация)*

✉ tiutunikov@yandex.ru**Аннотация**

Введение. Разрабатываемая в последние годы концепция развития сельских территорий Российской Федерации, предполагающая организацию сельских агломераций и опорных населенных пунктов, реализуется в пределах административных границ муниципальных районов, муниципальных и городских округов, что, предположительно, не позволит устранить ряд проблем сельского развития. Поэтому приобретают актуальность исследования альтернативных вариантов организации территориальной структуры и обоснования новых объектов управления процессами сельского развития. Цель исследования – разработка концептуального подхода к формированию агломерированных групп населенных пунктов на основе районирования и социально-экономического профилирования сельских и неурбанизированных территорий.

Материалы и методы. Исследование проведено на примере муниципальных образований Воронежской области, 40 % населения которой проживает на сельских и неурбанизированных территориях (данные за период с 2018 по 2022 г.). Методика районирования предполагает построение минимального остоного дерева, моделирующего поселенческую структуру региона, с разбиением на кластеры по алгоритму SKATER. Кластеры рассматриваются как прототипы потенциальных «сельских субрегионов» – рациональных агломерационных формаций, объединяющих населенные пункты нескольких административных районов. Расчеты проведены в программе GeoDa 1.22.

Результаты исследования. Осуществлено районирование сельских и неурбанизированных территорий Воронежской области по вариантам, предполагающим строгое и нестрогое соответствие территориальных единиц перечням сельских агломераций и опорных населенных пунктов. На основе результатов кластеризации в каждом варианте выделены и профилированы восемь потенциальных

© Тютюников А. А., Улезько А. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

сельских субрегионов, обладающих сопоставимым социально-экономическим потенциалом и возможностью формирования многоуровневой системы доступа населения к капитализированным общественным благам на базе нескольких центральных мест.

Обсуждение и заключение. Сравнение вариантов районирования показало преимущество пространственной структуры второго варианта, в начальных условиях которого предполагается допуск к кластеризации ряда населенных пунктов с населением свыше 50 тыс. чел. и пригородных территорий. Разработанная методика может лечь в основу дальнейших исследований экономического пространства агломерационных структур сельских и неурбанизированных территорий. Результаты исследования могут быть востребованы для разработки стратегий и программ социально-экономического развития объектов регионального и муниципального уровней.

Ключевые слова: сельская агломерация, опорный населенный пункт, неурбанизированные территории, развитие сельских территорий, районирование, Воронежская область, пространственно-ограниченный кластерный анализ, алгоритм SKATER

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тютюников А.А., Улезько А.В. Концептуальный подход к организации сельских территорий на основе агломерационных структур. *Регионология*. 2025;33(1):120–137. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.120-137>

Conceptual Approach to the Organization of Rural Territories on the Basis of Agglomeration Structures

A. A. Tiutiunikov✉, A. V. Ulezko

Research Institute of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex of the Central Black Earth Region – Branch of Voronezh Federal Agricultural Scientific Centre named after V. V. Dokuchaev (Voronezh, Russian Federation)

✉ tiutiunikov@yandex.ru

Abstract

Introduction. In recent years, the concept of Russian rural development has been designed, which include the organization of rural agglomerations and key settlements. This concept is being implemented within the administrative boundaries of municipal and urban districts. However, it is not expected to completely solve the problems of rural development. Therefore, it has become relevant to explore alternative options for organizing the territorial structure and justifying new objects for managing rural development processes. The purpose of this article is to propose a conceptual approach to the formation of agglomerated groups of settlements based on the zoning and socio-economic profiling of rural and non-urbanized areas.

Materials and Methods. The study was conducted using the example of municipalities in the Voronezh Region. Approximately 40 % of these municipalities population live in rural or non-urbanized areas (data from 2018–2022). To model the settlement structure of the region, we used the zoning method, which involves the construction of a minimum spanning tree. The region was divided into clusters using the SKATER algorithm. These clusters are considered prototypes of potential “rural subregions”, which are rational agglomerations that unite settlements from several administrative districts. The calculations were carried out using the GeoDa 1.22 software.

Results. The zoning of rural and non-urban areas in the Voronezh Region has been carried out based on options that involve strict and non-strict compliance with the official lists of rural agglomerations and key settlements. Based on clustering results, eight potential rural sub-regions with similar socio-economic potential have been identified and profiled for each option. These subregions have the potential to form a multi-tiered system of public services based on several core locations.

Discussion and Conclusion. A comparison of the zoning options revealed the advantage of the spatial structure of the second option. In the initial conditions, it is assumed that several settlements with a population more than 50 000 inhabitants and suburban areas will be allowed to cluster together. The developed methodology can serve as a basis for further research on the economic space of agglomeration structures in rural and non-urban areas. The results of this study may be useful for the development of strategies and programs for socio-economic development at the regional and municipal levels.

Keywords: rural agglomerations, key settlements, non-urbanized territories, rural development, zoning, Voronezh Region, spatially constrained cluster analysis, SKATER algorithm

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Tiutiunikov A.A., Ulezko A.V. Conceptual Approach to the Organization of Rural Territories on the Basis of Agglomeration Structures. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):120–137. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.120-137>

Введение. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий относится к числу приоритетных задач экономики. В последние десятилетия государство предпринимало усилия для преодоления негативных тенденций сельского развития: в 2013 г. была утверждена федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г.», а в 2015 г. – Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. Их реализация позволила стабилизировать ситуацию и снять остроту части проблем, но в условиях ограниченности средств добиться перехода сельской местности на новую траекторию развития не удалось.

С принятием в 2019 г. Госпрограммы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» предусматривается государственная поддержка проектов и программ развития сельских агломераций, определенных как примыкающие друг к другу сельские территории и граничащие с сельскими территориями малые города, с численностью населения, постоянно проживающего в каждом населенном пункте, не более 30 тыс. чел. В декабре 2023 г. в Госпрограмму было введено понятие опорных населенных пунктов (далее – ОНП) – «населенных пунктов, расположенных вне границ городских агломераций, на базе которых обеспечивается ускоренное развитие инфраструктуры, обеспечивающей реализацию гарантий в сфере образования, доступность медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализацию иных потребностей населения территории одного или нескольких муниципальных образований»¹, перечень которых определяется региональными властями. Таким образом, была закреплена возможность участия городских поселений в программах развития сельских территорий.

В настоящее время в экономической литературе понятия «сельские агломерации» и «ОНП с прилегающими территориями» часто сближаются и трактуются как территориальные единицы второго уровня (районы, округа), центрами которых являются села, поселки городского типа или малые города, расположенные по отношению к более крупным городам слишком далеко, чтобы полноценно пользоваться их благами. Отождествление новых форм с муниципальными районами и округами оставляет за рамками внимания возможность управления объективными агломерационными процессами сельской экономики. Фокусирование на решении социальных проблем за счет госбюджета затеняет необходимость оценки состояния и перспектив экономики низкоурбанизированных территорий, обоснования базовых моделей их социально-экономического развития. В связи с этим исследования существующих агломераций сельских и малых городских населенных пунктов представляются актуальными.

В данной работе реализуется идея идентификации агломерационных структур в низкоурбанизированных территориях (муниципальных районах, муниципальных

¹ Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» [Электронный ресурс] : утв. Постановлением Правительства Рос. Федерации от 31 мая 2019 г. № 696. URL: <https://base.garant.ru/72260516> (дата обращения: 15.06.2024).

и городских округах с численностью населения менее 100 тыс. чел.) на основе методов пространственно обусловленной кластеризации. Цель исследования – разработать концептуальный подход к формированию агломерированных групп населенных пунктов на основе районирования и социально-экономического профилирования низкоурбанизированных территорий. Исследование проводилось на материалах Воронежской области, что обусловлено следующими причинами: 1) около 40 % населения данного региона проживает на сельских территориях или в малых городах с населением ниже 20 тыс. чел.; 2) население трех крупнейших после областного центра городов составляет всего 50–60 тыс. чел., что ослабляет каркас расселения, снижает потенциал пространственного развития социальной сферы и экономики; 3) наблюдается выраженная пространственная асимметрия социально-экономического развития в пользу северо-западной «городской» части региона. Результаты исследования могут быть использованы для разработки стратегий и программ социально-экономического развития регионов и муниципальных образований.

Обзор литературы. Проблемы депопуляции сельских территорий и деградации сельской экономики актуальны для многих стран, поэтому закономерности агломерационных процессов в сельской местности стали особым объектом изучения широкого круга исследователей. Например, учеными на материалах восточных регионов Франции обоснована закономерность изменения плотности населения сельских территорий согласно модели Макдональда с негативным экспоненциальным законом в зависимости от факторов удаленности и населенности центральных мест, дифференцированы околгородские и сельские агломерационные системы, выявлено образование вторичных агломераций сельских населенных пунктов на перифериях локальных рынков труда с населением свыше 20 тыс. чел. [1]. На материалах южной Норвегии с помощью методов нелинейной оценки был выявлен феномен резкого затухания агломерационного эффекта городов в сельской местности при достижении определенного порога транспортной доступности [2].

Законодательное закрепление в 2001 г. понятия «сельские и агропродовольственные округа» обусловило возникновение пласта работ итальянских экономистов, посвященных идентификации и анализу территориальных образований, базирующихся на локальных агломерациях сельскохозяйственных и продовольственных товаропроизводителей. Так, была произведена типологизация 82 итальянских сельскохозяйственных локалитетов по критериям вхождения в сельскохозяйственные или промышленные районы и по принадлежности к разным формам агломерирования производства продовольствия и сельскохозяйственного сырья [3]; на базе дискриминантного анализа разработана классификация сельских округов по показателям экономического развития и качества окружающей среды [4].

В настоящее время опыт реструктуризации сельской экономики Италии активно рефлексировается испанскими учеными: описана методика идентификации бизнес-агломераций в малонаселенных, «менее развитых» территориях, основанная на вычислении индексов локальной специализации компаний и занятости, дополненных критериями численности работников, территориальной плотности предпринимательства и кооперации [5]. Она была апробирована

авторами на материалах провинции Эстремадура, на сельских территориях которой были классифицированы 22 специализированных и 6 многоотраслевых бизнес-агломераций.

Большое количество работ, посвященных агломерационным аспектам сельско-городского континуума, опубликовано китайскими исследователями, что обусловлено быстрыми темпами местной урбанизации, ростом сельско-городского неравенства, а также государственной политикой пространственной реконструкции сельских территорий и агломерирования поселений. Характерный пример – работа, посвященная поиску направлений пространственной реконструкции сельских территорий восточных районов провинции Ганьсу [6]. Ее методология основана на идентификации агломерационных структур сельских поселений методами пространственного анализа с последующей оценкой величины стоимости их экосистемных услуг. Комбинации уровней плотности населения в агломерации и уровней стоимости экосистемных услуг предлагаются в качестве основы для выбора из меню политик пространственной реконструкции, например, путем городского агломерирования, строительства «центрального» села, координации поселений или экологической защиты.

С конца 2010-х гг. в российской экономической литературе все чаще обсуждаются идеи решения проблемы развития сельских территорий путем создания новых форм их организации, в частности сельских агломераций и ОНП. Во многих публикациях затрагиваются институциональные вопросы; например, анализируется нормативная база новых форм, на основании чего уточняется их категориально-понятийный аппарат и критерии идентификации [7–9]. Ряд отечественных исследователей считают критерии отнесения недостаточно гибкими в условиях глубоко дифференцированной поселенческой структуры. Так, отмечается, что критерии численности населения сельских агломераций и включаемых в них населенных пунктов должны варьироваться в зависимости от размера или типа центрального поселения; критерии удаленности – зависеть от конфигурации дорожной сети и системы расселения [7; 9]. Э. Маркварт и соавторы критикуют «механистический подход» обоснования границ и состава новых территориальных форм в рамках «районно-областной» структуры, и на основании институционального анализа немецкой политики центральных мест делают вывод о необходимости многоуровневой системы ОНП, включающей также средние и большие города [10]. В исследовании Е. И. Семеновой и А. В. Семенова обосновываются альтернативные подходы к определению потенциальных центров сельских агломераций: на основе удельного показателя их миграционного прироста или на основе отношения числа населенных пунктов к произведению площади муниципалитета на длину дорожной сети [11].

Широко исследуются механизмы и модели управления формированием и развитием сельских агломераций и ОНП на различных уровнях [7; 9; 12]. К ключевым инструментам отнесены муниципальные и межмуниципальные проекты и программы, инициативное бюджетирование, территориальное общественное самоуправление, государственно-частное партнерство. Предлагается разработать стандарты инфраструктурного развития для ОНП разного уровня, обеспечить модернизацию или создание инфраструктурных объектов, предусмотреть возможность

введения специальных налоговых режимов [10]. Большинство исследователей склоняются к координационной структуре управления новыми формами на основе представительства местных властей, населения и бизнеса.

Изучаются также вопросы рационального выделения сельских агломераций и ОНП, преимущественно с использованием методов пространственного анализа и математического моделирования. Так, Н. В. Ворошиловым с помощью авторских критериев проектируются границы и состав потенциальных сельских агломераций Вологодской области [7]; Э. Маркварт и соавторы представили проект трехуровневой структуры ОНП для агломерационной системы в Ставропольском крае [10]. В исследовании А. А. Касимова и Н. В. Поваленовой предлагается методика оценки ресурсообеспеченности потенциальных сельских агломераций, основанная на расчете интегральных индексов по 11 нормированным социально-экономическим показателям территорий с последующим геометрическим усреднением [13]. Разработке методики оценки эффективности сельской агломерации, основанной на математическом моделировании перспективной добавленной стоимости, посвящена работа А. В. Харитонова и коллектива авторов [14].

Одними из наиболее дискуссионных остаются проблемы формирования иерархии муниципальных образований, сельских агломераций и ОНП, а также их социально-экономического неравенства. В ряде работ подчеркивается, что региональные власти склонны выделять каждый муниципальный район в отдельную сельскую агломерацию или в ОНП с прилегающими территориями, отступая от этого принципа лишь тогда, когда не выполняются формальные критерии. Это ставит под сомнение возможность обеспечения равноценного доступа к общественным благам и в определенной мере дискредитирует саму идею агломеративной политики. Так, например, учеными предлагаются: 1) альтернативные агломерационные структуры в форме ассоциаций населенных пунктов, обладающих хорошей пространственной связностью и имеющих одно или несколько поселений-ядер численностью не более 100 тыс. чел., а также общую людность не более 150 тыс. чел. [8]; 2) формирование сельских агломераций с учетом поселенческой, транспортной и экономической специфики территорий и их дифференциации по различным критериям: типам, размерам и специализации, в рамках которых будет обеспечиваться инфраструктурная и производственная общность [9]; 3) концепция многоуровневой системы ОНП, основанная на идее разделения функций и наборов предоставляемых благ между центральными местами различной величины [10]. По нашему мнению, данные подходы в наибольшей степени отвечают задачам развития сельской экономики и сельских территорий и требуют дальнейшей проработки.

Материалы и методы. Исследование проведено на данных о развитии муниципальных образований Воронежской области за 2018–2022 гг. Источниками являлись базы данных Росстата «Показатели муниципальных образований» (БДПМО) и «Муниципальная статистика», статистический сборник «Показатели экономического и социального развития городских округов и муниципальных районов Воронежской области», датасет Минздрава Российской Федерации и Центра перспективных управленческих решений «Населенные пункты России: численность населения и географические координаты», картографические данные OpenStreetMap. В качестве территориальных единиц исследования приняты

населенные пункты и административно-территориальные объекты второго уровня ОКАТО. Инструментальной базой исследования является система пространственного анализа GeoDa 1.22.

Методика исследования направлена на поиск границ и состава «сельских субрегионов», представляющих собой формы организации низкоурбанизированных территорий, основанные на агломерационных структурах поселений, обладающие сопоставимым социально-экономическим потенциалом и позволяющие сформировать многоуровневую систему доступа населения к общественным благам на базе нескольких центральных мест. Основой методики является районирование населенных пунктов при помощи алгоритма иерархической кластеризации с пространственными ограничениями SKATER [15], который реализован в программе GeoDa 1.22. Методика предполагает выполнение следующих этапов:

1. Установление предела смежности n населенных пунктов – минимального расстояния d_n , в пределах радиуса которого от геометрического центроида каждого i -го населенного пункта с парой координат (x_i, y_i) имеется хотя бы один центроид другого населенного пункта.

2. Установление минимального уровня совокупной численности населения p_{min} в населенных пунктах кластера (потенциального субрегиона).

3. Построение графа смежности n населенных пунктов региона, вершинами которого являются их центроиды, а ребрами – их соединения с центроидами других населенных пунктов, находящимися в пределах d_n . Вес каждого ребра приравнивается к расстоянию между смежными вершинами.

4. Удаление ребер графа смежности по алгоритму Прима для приведения его к виду минимального остова дерева, моделирующего поселенческую структуру региона, – связного ациклического графа, содержащего n вершин и $n - 1$ ребер, суммарный вес которых является минимальным.

5. Разбиение минимального остова дерева на k непересекающихся смежных подграфов (кластеров вершин) путем итеративного удаления $k - 1$ количества ребер таким образом, чтобы сумма внутрикластерных среднеквадратичных отклонений Q была минимальной при соблюдении $p_k \geq p_{min}$:

$$Q = \sum_{j=1}^k \left(\sum_{i=1}^{m_j} (x_i - \bar{x})^2 + \sum_{i=1}^{m_j} (y_i - \bar{y})^2 \right),$$

где m_j – количество вершин в j -ом кластере, а $\bar{x}$ и $\bar{y}$ – усредненные координаты этих вершин. Число кластеров k может задаваться заранее.

6. Проектирование границ и состава сельских субрегионов из полученных кластеров населенных пунктов с учетом требования целостности муниципальных районов и сельских агломераций, профилирование их на основе социально-экономических показателей.

Результаты исследования. В настоящее время постановлениями правительства Воронежской области установлены границы и состав 9 сельских агломераций, а также 18 ОНП и прилегающих к ним территорий (рис. 1). Некоторые территории не отнесены к новым формам, так как их административные центры не подпадают ни под критерии сельских агломераций (население до 30 тыс. чел.),

ни под критерии ОНП (население до 50 тыс. чел., удаленность от населенного пункта с населением более 50 тыс. чел. более чем на 50 км по дорогам общего пользования, не принадлежит к городской агломерации)².

Р и с. 1. Сельские агломерации и опорные населенные пункты Воронежской области³
F i g. 1. Rural agglomerations and key settlements of Voronezh Region

К таким центрам относятся: г. Россошь (62,7 тыс.), г. Борисоглебск (60,9 тыс.), г. Лиски (53,6 тыс.), с. Новая Усмань (35 тыс., < 50 км до г. Воронежа), г. Нововоронеж (31,6 тыс., < 50 км до г. Воронежа), рп Рамонь и Хохольский, с. Каширское (< 50 км до г. Воронежа). Границы новых территориальных форм совпадают с границами муниципальных районов, за исключением части территорий Лискинского и Россошанского, выделенных в отдельные ОНП – Давыдовский (население 21,0 тыс. чел.) и Новокалитвенский (33,5 тыс.) соответственно.

Подобная территориальная структура имеет ряд дискуссионных особенностей. Во-первых, она во многом повторяет районное устройство региона, ввиду чего социально-экономические потенциалы отдельных субъектов существенно

² Методические рекомендации по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих к ним территорий [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 23 дек. 2022 г. № 4132-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405920097/#1000> (дата обращения: 15.06.2024).

³ Рисунки 1 и 2 составлены авторами статьи на основе: Об утверждении перечня сельских агломераций Воронежской области [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Воронежской обл. от 14. апр. 2020 г. № 324. URL: <https://base.garant.ru/73904428> ; Об утверждении перечня опорных населенных пунктов и прилегающих территорий Воронежской области [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Воронежской обл. от 28 февр. 2023 г. № 99. URL: <https://base.garant.ru/406460351> (дата обращения: 15.06.2024).

различаются. Так, население соседних ОНП г. Острогожска и с. Репьевка с прилегающими территориями составляет 56,8 и 15,4 тыс. чел., расходы местных бюджетов – 4,8 и 1,0 млрд руб., доходы населения – 10,4 и 3,1 млрд руб. соответственно. Возникают сомнения не только в возможности обеспечения равноценных условий функционирования социальной сферы, но и достижения некоторыми ОНП «пороговых» уровней развития ее отдельных элементов. Во-вторых, структура ориентирована на агломерационные процессы внутри районов и не обеспечивает управление развитием объективно складывающихся межмуниципальных агломераций (например, Россошь – Ольховатка – Подгоренский). В-третьих, отсутствие крупнейших районных центров и пригородных районов в структуре может негативным образом сказываться на целостности развития социально-экономического пространства региона.

Проблема выравнивания потенциалов может быть решена путем формирования многоуровневой системы сельских агломераций и ОНП. Основой такой системы, по нашему мнению, могут стать сельские субрегионы, территориально соответствующие границам 3–4 муниципальных районов, имеющие «куст» центральных мест – крупных населенных пунктов, на базе которых предполагается организация предоставления наборов социальных услуг и доступа к капитализированным общественным благам, реализация крупных инфраструктурных и экономических проектов. В состав каждого из субрегионов войдут экономически более развитые районы, что положительно скажется на потенциале внутреннего софинансирования программ развития.

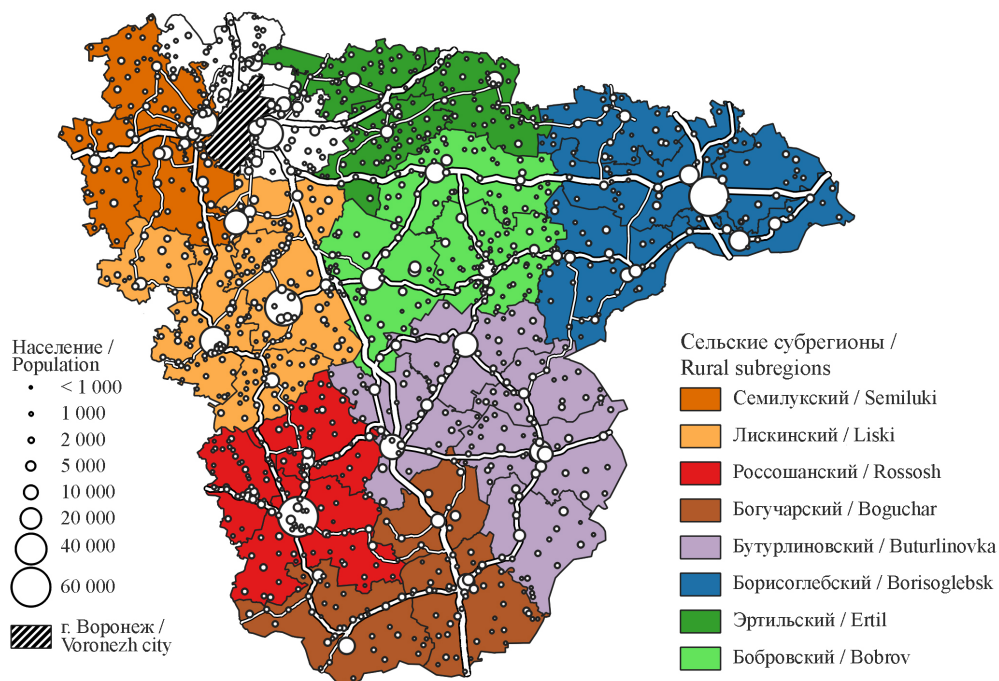
Для установления состава и границ сельских субрегионов были рассчитаны два варианта кластеризации населенных пунктов области. Первый вариант основан на официальном перечне сельских агломераций и ОНП. Во второй вариант допущены также все поселения Россошанского, Лискинского, Каширского, Хохольского районов и Борисоглебского городского округа. Города Борисоглебск, Лиски и Россошь исторически являются естественными ядрами поселенческого каркаса, а по численности населения достаточно близки к критериальному уровню малого города. В каждом из вариантов исключены г. Новоронеж (моногород при АЭС), Рамонский и Новоусманский районы, тесно агломерированные с областным центром. Минимальный порог численности населения кластера (p_{min}) – 50 тыс. чел., предел смежности d_n составил 16 км.

Результаты кластеризации по первому варианту представлены в Приложении 1а⁴. Были получены 10 кластеров населенных пунктов, на основе которых с соблюдением принципа сохранения границ районов выделены 8 сельских субрегионов (Приложение 1б). Сводные социально-экономические характеристики (профили) субрегионов представлены в Приложении 2. Анализируя полученную структуру сельских субрегионов, можно говорить о ее слабых сторонах, обусловленных наличием лакун в исходных пространственных данных. В Приложении 1б заметно, как «выпадают» пространственные связи, сформированные вокруг крупнейших населенных пунктов области, в результате чего субрегионы часто имеют разрозненный каркас. Во втором варианте произведено включение в кластеризацию опущенных ранее поселений с дальнейшим переформатированием границ и состава

⁴ Приложения. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.128>

сельских субрегионов (Приложение 3), в итоге были также выделены и профилированы 8 сельских субрегионов, получивших названия по крупнейшим населенным пунктам (рис. 2, таблица).

Р и с. 2. Потенциальные сельские субрегионы Воронежской области (вариант 2)
F i g. 2. Potential rural subregions of the Voronezh Region (variant 2)

В Семилукский субрегион вошли Семилукский, Хохольский и Нижнедевицкий районы. Согласно критериям [9], основа его поселенческого каркаса – моноцентрическая агломерация с ядром в г. Семилуки. Субрегион является довольно урбанизированным, обладает относительно высокой плотностью населения ($D = 27,1$ чел./км²). Удельные показатели развития промышленности – средние; сельское хозяйство развито хорошо и играет важную роль в экономике – отношение стоимости произведенной сельскохозяйственной продукции к стоимости отгруженных товаров, выполненных работ и услуг (I_{ag}) составляет 0,80. В зоне ядра субрегиона сосредоточено производство огнеупорной керамики, стройматериалов, оборудования для пищепрома, алюминиевых металлоконструкций, мебели, пищевой продукции. На периферии субрегиона развито аграрное производство; на базе археологического музея-заповедника «Костенки» развивается крупная туристическая дестинация. В связи с природно-ресурсными и логистическими ограничениями основными направлениями развития экономики представляются сельскохозяйственное производство (в том числе тепличное овощеводство), пищевая промышленность, пригородный и рекреационный девелопмент.

Т а б л и ц а. Профили сельских субрегионов Воронежской области (вариант 2)⁵
Table. Profiles of Voronezh oblast rural subregions (variant 2)

Показатель / Indicator	Семилукский / Semiluki	Лискинский / Liski	Россошанский / Rossosh	Богучарский / Boguchar	Бутурлиновский / Buturlinovka	Эртильский / Ertli	Бобровский / Bobrov	Борисоглебский / Borisoglebsk
Площадь, тыс. га / Area, thsd. ha	422,9	675,1	499,5	587,3	867,4	410,9	624,1	817,8
в том числе сельскохозяйственные угодья / incl. agric. land	278,6	476,2	354,4	412,0	608,6	298,7	444,8	522,7
пашни / arable land	249,9	368,4	269,5	324,2	507,5	273,2	377,3	446,7
Плотность дорог с твердым покрытием, км на 100 км ² / Density of paved roads, km per 100 sq. km	42,6	44,4	36,0	29,6	30,9	37,9	36,0	31,0
Население, тыс. чел. / Population, thsd. ppl.	114,8	210,2	137,6	88,2	179,9	70,1	124,0	186,6
Доля городского населения, % / Urban population percentage	39,8	46,5	51,9	24,7	38,7	26,4	38,0	58,0
Плотность населения, чел./км ² / Population density, ppl. per sq. km	27,1	31,1	27,5	15,0	20,7	17,0	19,9	22,8
В расчете на душу населения, тыс. руб. / Per capita, thsd. rubles:								
отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами / made local goods, works and services*	288,4	481,3	570,3	115,3	277,5	471,5	413,3	232,2
произведено сельскохозяйственной продукции / agricultural production	229,8	234,3	138,0	233,6	231,3	318,8	331,7	180,4
инвестиции в основной капитал / fixed capital investment*	31,9	49,6	27,8	81,1	80,8	33,3	77,9	33,9
расходы местного бюджета / local budget expenditures	24,9	24,0	23,0	30,1	27,3	28,4	40,5	29,3
доходы населения / personal income	228,6	247,8	224,7	227,5	230,5	220,9	234,2	237,7
На 100 га произведено, млн руб. / Per 100 ha produced, million rubles:								
сельскохозяйственной продукции / agricultural production**	9,5	10,3	5,4	5,0	6,8	7,5	9,2	6,4
продукции животноводства / livestock production**	3,2	5,1	1,5	1,5	2,4	1,8	4,4	2,1
продукции растениеводства / crop production***	7,0	6,7	5,1	4,5	5,3	6,2	5,7	5,0

Примечания / Notes. 1. * – без учета субъектов малого предпринимательства / small business is not included; ** – в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий / per 100 ha of agricultural land; *** – в расчете на 100 га пашни / per 100 ha of arable land.

2. Цветовым градиентом «красный – желтый – зеленый» обозначено увеличение показателя от минимального до максимального значения в столбце / The color gradient “red – yellow – green” indicates the increase of the indicator from the minimum to the maximum value in the column.

⁵ Таблица составлена авторами статьи на основе данных за 2018–2022 гг. из следующих источников: Показатели экономического и социального развития городских округов и муниципальных районов Воронежской области : стат. сб. / под ред. И. В. Соловьевой / Воронежстат, 2023. 156 с.; БДПМО Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/>; Муниципальная статистика Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/munstat/> (дата обращения: 15.06.2024).

Южнее, на территории Каменского, Каширского, Лискинского, Острогожского и Репьевского районов, выделился крупный полицентрический Лискинский субрегион, общее население которого составляет 210,2 тыс. чел. Он обладает наибольшим экономическим потенциалом, а иерархия центральных мест может быть организована как трехступенчатая (например, Лиски – Острогожск – Репьевка), что позволит более эффективно дифференцировать социальное, экономическое и инфраструктурное «меню» территории. Плотность населения относительно высокая ($D = 31,1$). Сельское хозяйство развито, но делит ведущие позиции в экономике с другими отраслями ($I_{ag} = 0,24$). Экономика субрегиона развита и диверсифицирована, основными отраслями являются агропром, обрабатывающее производство и транспорт. В Лисках находится крупное сосредоточение промышленности: производство труб для нефтепроводов, металлоконструкций, сахара и растительных масел, переработка молока, а также один из крупнейших железнодорожных узлов рядом с выходом на федеральную автодорогу М-4. Организована преференциальная территория – индустриальный парк «Лискинский» (более 2 тыс. рабочих мест и 4 млрд руб. инвестиций к 2024 г.), где размещается производство стройматериалов, полимеров, металлоконструкций, кормов. В Каменском районе находится крупное масложировое производство, в Острогожском – производство электронных схем, стройматериалов, солода. Высоко развито сельское хозяйство, флагманами которого являются крупнейший молочный холдинг «ЭкоНива» (Лискинский и Каменский районы), крупный производитель плодов и ягод «Острогожсксадпитомник».

Центральными местами еще одного субрегиона с высоким экономическим потенциалом – Россосанского – стали г. Россосы и тяготеющие к нему центры соседних районов – Ольховатского и Подгоренского. Это наиболее выраженный региональный пример агломерации в сельской местности, так как в треугольнике Россосы – Ольховатка – Подгоренский, занимающем 17 % территории, сосредоточено 75 % населения. Тип агломерации – полицентрический с крупным ядром, ресурсы которого могут выступать базисом развития территории. Плотность населения в субрегионе достаточно высокая ($D = 27,5$). Аграрный сектор по областным меркам низко развит и отстает от промышленности ($I_{ag} = 0,49$). Градообразующее предприятие Россосы – один из крупнейших отечественных производителей азотных удобрений (АО «Минудобрения»), также развиты производство стройматериалов, полимеров и упаковки, переработка молока, мяса и масличных культур; есть крупное автодорожное предприятие. В Ольховатском районе размещен крупный сахарный завод, развито лакокрасочное производство. Подгоренский район специализируется на добыче нерудных полезных ископаемых (мел, мергель) и производстве цемента, а также переработке мяса. Одним из драйверов развития субрегиона видится новый индустриальный парк «Подгоренский», ориентированный на производство стройматериалов и пищекомп.

В Богучарский субрегион вошли Богучарский, Верхнеаманский и Кантемировский районы; его поселенческий каркас ближе к полицентрическому типу. Потенциал субрегиона объективно снижен из-за низкой плотности населения ($D = 15,0$) и малой людности центральных мест. Роль аграрного сектора в экономике велика ($I_{ag} = 2,03$), однако ввиду худших природно-сельскохозяйственных условий его удельные показатели ниже среднеобластных. Реальный сектор экономики также менее развит, обрабатывающая промышленность здесь представлена в основном

пищевой отраслью (переработка семян масличных, молока) и добычей нерудных полезных ископаемых (щебень, бентонитовые глины, песок). Драйвером развития являются инвестиционные проекты скотоводческих (Кантемировский район) и свиноводческих (Верхнемамонский район) мегаферм. Предполагаемое направление развития – агропром, логистика, индустрия гостеприимства.

В состав крупнейшего по площади Бутурлиновского субрегиона вошли пять районов на юго-востоке области с совокупным населением 179,9 тыс. чел. Поселенческий каркас имеет вид полицентрической агломерации, при этом четыре из пяти районных центров удачно расположены на периметре «треугольника» автодорог, соединяющих г. Бутурлиновка, Калач и Павловск. Плотность населения средняя ($D = 20,7$), удельные показатели экономики и доходы населения также находятся на среднем уровне. Роль аграрного сектора в экономике высокая ($I_{ag} = 0,83$), его удельные показатели – преимущественно средние. Периферийные районы (Воробьевский и Петропавловский) являются аграрными, в центральных развита переработка мяса, молока, зерна, маслосемян и сахарной свеклы. В последние годы крупнейшими агропромышленными холдингами успешно реализуются мегапроекты скотоводческих и свиноводческих комплексов. В Павловском районе размещено крупное производство гранитного щебня, развиты сервис и торговля сельскохозяйственной техникой. В г. Павловске организована территория опережающего развития (более 1,6 тыс. рабочих мест и 16 млрд руб. инвестиций к 2024 г.), в котором сконцентрировано производство и переработка мяса, ягодной продукции, переработка зерна, производство семян зерновых, подсолнечника и сои. Развитие субрегиона может сдерживаться ввиду отсутствия доминирующего крупнонаселенного ядра, однако его потенциал представляется высоким, особенно в направлении реализации масштабных инвестиционных проектов в сфере агропрома.

Расположенный севернее Бобровский субрегион имеет схожую конфигурацию – три центральных места агломерации (г. Бобров, пгт Анна и рп Таловая) являются вершинами «дорожного треугольника», при этом два из них имеют прямое присоединение к основным транспортным коридорам области. Плотность населения снижена ($D = 19,9$); ввиду меньшей площади и населения социально-экономический потенциал территории представляется более ограниченным, однако удельные экономические показатели находятся на высоком уровне. Развито аграрное производство ($I_{ag} = 0,80$), реализуются проекты крупных животноводческих комплексов; в промышленности преобладает пищевая, размещенный преимущественно в Бобровском районе: переработка молока, зерна, маслосемян. Также в г. Бобров организован индустриальный парк (более 0,6 тыс. рабочих мест и 14 млрд руб. инвестиций к 2024 г.), в котором размещается производство сыров, круп, тепличных овощей и овощных консервов, логистика минеральных удобрений и сельскохозяйственной техники. Предполагаемое направление развития субрегиона – агропромышленное и туристическое.

Еще севернее определен наименьший по площади и населению Эртильский субрегион, формирующей доминантой которого является автодорога Р-193. Природно-ландшафтные ограничения не позволяют субурбии г. Воронежа развиваться в этом направлении, поэтому пригородное положение территории способствует развитию преимущественно рекреационного жилья. Низкая плотность

населения ($D = 17,0$) и малая людность центральных мест обуславливают сниженный социально-экономический потенциал, однако удельные показатели сельского хозяйства и обрабатывающих производств имеют достаточно высокий уровень. Аграрный сектор ($I_{ag} = 0,68$) является базисом местной экономики, так как промышленность здесь в основном пищевая: переработка маслосемян (Верхнехавский, Эртильский районы), производство сахара (Эртильский, Панинский), муки, крупы и мясопродуктов (Верхнехавский). Производятся также машины и оборудование для пищевой промышленности (Эртильский), вспомогательные материалы для металлургии (Верхнехавский). В аграрном секторе сконцентрировано производство сахарной свеклы, подсолнечника, свинины. На территории Верхнехавского района находится одна из наиболее популярных туристических дестинаций области – Воронежский биосферный заповедник. Предполагаемые направления развития экономики – агропромышленное, рекреационное и туристическое.

В северо-восточной части области выделен наибольший по территории субрегион с крупным ядром – г. Борисоглебск. Тип агломерации можно определить как полицентрический, но с выраженной концентрацией вблизи транспортного узла, сформированного автодорогами Р-22, Р-298, а также железнодорожными линиями. Может быть организована трехступенчатая иерархия центральных мест. Социально-экономический потенциал территории в целом представляется высоким, хотя большинство удельных и относительных показателей из-за периферийного положения находится на среднем уровне. В ядре субрегиона сосредоточена обрабатывающая промышленность: производство холодильного, вентиляционного, отопительного и телекоммуникационного оборудования, оборудования для нефтяной и газовой промышленности, стройматериалов, одежды. Развита переработка сельскохозяйственной продукции: зерна и маслосемян, сахарной свеклы (Грибановский, Новохоперский), мяса (Борисоглебский), молока (Новохоперский). Растет аграрная сфера ($I_{ag} = 0,78$): открываются крупные современные свинокомплексы, строится птицефабрика яичного направления, развиваются системы орошаемого земледелия. На территории находится перспективное месторождение никеля. Предполагаемые направления развития экономики субрегиона – обрабатывающая промышленность и агропром; приоритетными должны стать проекты индустриальной ревитализации и повышения связности ядра агломерации с периферией.

Обсуждение и заключение. Проблематика агломерирования населенных пунктов и хозяйственной деятельности в сельско-городском континууме является актуальной, что обусловлено последствиями сельской депопуляции. Ключевым направлением исследований является выявление агломерационных социально-экономических структур, обладающих внутренним потенциалом развития, на реализацию которого могут быть направлены меры территориальной или отраслевой поддержки. Активно изучаются механизмы конструирования подобных структур, закономерности и эффекты агломерационных процессов. В инструментарии исследований преобладают математико-статистические методы; высока роль геоинформационных систем и пространственной эконометрики. Популярны подходы к решению задачи идентификации агломерационных структур на основе узлового районирования социально-экономического пространства по типу «ядро – периферия», что повлияло на выбор авторами методики поиска границ и состава сельских субрегионов.

В результате районирования населенных пунктов Воронежской области на основе алгоритма SKATER были определены два варианта организации территорий сельского континуума региона. Сельские субрегионы первого варианта, «рамкой» которого являются региональные перечни сельских агломераций и ОНП, имеют меньшую социально-экономическую дифференциацию и больше отвечают критериям «сельскости». Однако ввиду территориальных лакун страдает связность их поселенческих каркасов и центральных мест, что снижает возможности развития и увеличивает его цену. Пространственная структура сельских субрегионов второго варианта представляется нам более удачной, так как позволяет одним муниципальным образованиям опираться на ресурсы, блага и компетенции региональных «субцентров» и преференциальных территорий, а другим – формировать лучше связанные системы центральных мест. Однако дифференциация полученных территориальных объектов более выражена, что потребует разработки дифференцированных стратегий, ориентированных условно на промышленно-аграрные, агропромышленные, аграрные периферийные и пригородные территории.

Предполагается, что границы, состав и характеристики выделенных сельских субрегионов могут быть положены в основу разработки территориально-дифференцированных стратегий и программ социально-экономического развития. Одними из первоочередных стратегических задач субрегионов видятся: 1) выстраивание внутренней сетевой иерархической структуры социальной сферы; 2) развитие внутренней пространственной связности за счет улучшения транспортного сообщения между центральными местами; 3) развитие внутренних интеграционных связей между субъектами экономики. Реализация задач такого рода потребует создания ассоциативных или административных органов новых территориальных формирований.

Дальнейшее исследование агломерационных форм организации неурбанизированных территорий может быть продолжено в контексте формирования их экономических пространств и механизмов взаимодействия. Концептуальный подход к подобному исследованию должен быть основан на предпосылках пространственной обусловленности социально-экономических эффектов и явлений, а также пространственного взаимодействия между территориальными единицами и включать в себя проведение комплексного изучения социально-экономического пространства на основе социально-экономических показателей неурбанизированных территорий, характеристик их взаиморасположения с региональным центром, крупными населенными пунктами, транспортными коридорами, центрами производства и переработки продукции и т. п. Ключевыми для данного исследования должны стать методы пространственной эконометрики и моделирования, геоинформационного картографирования. Проектирование потенциальных форм территориальной организации сельской местности также потребует применения методов институционального анализа.

Предлагаемый нами концептуальный подход к дальнейшему исследованию предполагает реализацию следующих этапов:

1. Изучение сущности сельских субрегионов как потенциального направления комплексного развития низкоурбанизированных территорий и особенностей организации их экономических пространств.

2. Проектирование и разработка многоуровневой системы информационного обеспечения пространственного анализа сельской экономики.

3. Проведение анализа социально-экономического пространства территорий сельского континуума на основе геоданных.

4. Типологизация существующих и потенциальных форм организации территорий на основе полученных в результате анализа показателей пространственного и социально-экономического развития на основе многомерной классификации.

5. Обоснование стратегических направлений и перспективных моделей развития социально-экономического пространства выявленных типов сельских агломераций, ОНП, агломерированных поселений и сельских субрегионов.

6. Обоснование механизма обеспечения сбалансированного развития социально-экономического пространства сельских субрегионов на базе структурно-функционального подхода.

Предлагаемый в статье подход к организации сельских территорий на основе идентификации агломерационных структур представляет интерес для исследователей в сфере регионального социально-экономического развития. В практическом отношении методика и результаты настоящей работы могут учитываться при планировании мер по государственному регулированию сельского хозяйства и сельских территорий, а также в целях формирования программ пространственного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Goffette-Nagot F., Schmitt B. Agglomeration Economies and Spatial Configurations in Rural Areas. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 1999;31(7):1239–1257. <https://doi.org/10.1068/a311239>
2. Holmen R.B. Agglomeration Decay in Rural Areas. *Insights into Regional Development*. 2022;4(3):139–155. [https://doi.org/10.9770/ird.2022.4.3\(9\)](https://doi.org/10.9770/ird.2022.4.3(9))
3. Toccaceli D. Agricultural Districts in the Italian Regions: Looking toward 2020. *Agricultural and Food Economics*. 2015;3:1. <https://doi.org/10.1186/s40100-014-0019-9>
4. Salvati L., Carlucci M. The Economic and Environmental Performances of Rural Districts in Italy: Are Competitiveness and Sustainability Compatible Targets? *Ecological Economics*. 2010;70(12):2446–2453. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2011.07.030>
5. Rangel-Preciado J.F., Parejo-Maruno F.M., Cruz-Hidalgo E., Castellano-Alvarez F.J. Rural Districts and Business Agglomerations in Low-Density Business Environments. The Case of Extremadura (Spain). *Land*. 2021;10(3):280. <https://doi.org/10.3390/land10030280>
6. Nie X., Wang C., Huang W. Evolution and Spatial Reconstruction of Rural Settlements Based on Composite Features of Agglomeration Effect and Ecological Effects in the Hexi Corridor, Northwest China. *PLoS ONE*. 2023;18(11):0294037. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0294037>
7. Ворошилов Н.В. Критерии выделения сельских агломераций и механизм управления их развитием. *Развитие территорий*. 2022;(1):51–58. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2022-1-51-58>
Voroshilov N.V. Criteria for Selecting Rural Agglomerations and the Mechanism for their Development Management. *Territory Development*. 2022;(1):51–58 (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2022-1-51-58>
8. Катанандов С.Л., Межевич Н.М., Солодилов В.В. Сельские агломерации и сельские ассоциации населенных пунктов – возможные направления развития местного самоуправления на северо-западе России. *Управленческое консультирование*. 2021;(9):9–17. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-9-9-17>
Katanandov S.L., Mezhevich N.M., Solodilov V.V. “Rural Agglomerations” and “Rural Associations of Settlements” – Possible Directions for the Development of Local Self-Government in the North-West of Russia. *Administrative Consulting*. 2021;(9):9–17. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-9-9-17>

9. Аварский Н.Д., Алпатов А.В. Основы формирования и управления агломерациями в сельских территориях России. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2024;(3):10–18. <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2024-0-3-10-18>
Avarskiy N.D., Alpatov A.V. Fundamentals of the Formation and Management of Agglomerations in Rural Areas of Russia. *Economy of Agricultural and Processing Enterprises*. 2024;(3):10–18. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2024-0-3-10-18>
10. Маркварт Э., Киселева Н.Н., Соснин Д.П. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты. *Власть*. 2022;30(2):95–111. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8939>
Markwart E., Kiseleva N.N., Sosnin D.P. The System of Central (Reference) Settlements as a Management Tool: Theoretical and Practical Aspects. *Vlast (The Authority)*. 2022;30(2):95–111. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8939>
11. Семенова Е.И., Семенов А.В. О формировании сельских агломераций. *Экономика сельского хозяйства России*. 2021;(1):96–102. <https://doi.org/10.32651/211-96>
Semenova E.I., Semenov A.V. On the Formation of Rural Agglomerations. *Economics of Agriculture of Russia*. 2021;(1):96–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32651/211-96>
12. Семкин А.Г. Формирование и развитие управления агломерациями на сельских территориях. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2024;(3):180–190. <https://doi.org/10.33938/243-180>
Semkin A.G. Formation and Development of Agglomeration Management in Rural Areas. *Economy, Labor, Management in Agriculture*. 2024;(3):180–190. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33938/243-180>
13. Касимов А.А., Проваленова Н.В. Методика оценки ресурсообеспеченности сельской агломерации. *Вестник НГИЭИ*. 2022;(6):71–80. <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2022-6-71-80>
Kasimov A.A., Provalenova N.V. Methodology for Assessing the Resource Availability of Rural Agglomeration. *Bulletin NGIEI*. 2022;(6):71–80. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2022-6-71-80>
14. Харитонов А.В., Меркурьев В.В., Юрзина Т.А., Косинский П.Д. Развитие сельских территорий в условиях формирования агломерационной системы: региональный аспект. *АПК: экономика, управление*. 2021;(9):88–94. <https://doi.org/10.33305/219-88>
Kharitonov A.V., Merkurev V.V., Iurzina T.A., Kosinskiy P.D. Development of Rural Territories in the Conditions of the Formation of the Agglomeration System: Regional Aspect. *AIC: Economics, Management*. 2021;(9):88–94. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33305/219-88>
15. Assunção R.M., Neves M.C., Camara G., Da Costa Freitas C. Efficient Regionalization Techniques for Socio-Economic Geographical Units Using Minimum Spanning Trees. *International Journal of Geographical Information Science*. 2006;20(7):797–811. <https://doi.org/10.1080/13658810600665111>

Об авторах:

Тютюников Александр Александрович, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела экономики АПК и агропродовольственных рынков Научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного региона – филиала Воронежского федерального аграрного научного центра им. В. В. Докучаева (394042, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. Серафимовича, д. 26А), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3138-349X>, Researcher ID: K-3301-2017, Scopus ID: 56362770100, SPIN-код: 4203-3061, tiutiunikow@yandex.ru

Улезько Андрей Валерьевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела управления АПК и сельскими территориями Научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного региона – филиала Воронежского федерального аграрного научного центра им. В. В. Докучаева (394042, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. Серафимовича, д. 26А), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3279-6694>, Researcher ID: J-3924-2017, Scopus ID: 56362551500, SPIN-код: 8804-4780, arle187@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

А. А. Тютюников – разработка методологии исследования; сбор данных; обработка и анализ данных; анализ результатов.

А. В. Улезько – постановка научной проблемы; обзор литературы по теме исследования; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 25.08.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 16.12.2024.

About the authors:

Aleksandr A. Tiutiunikov, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Agricultural Economics and Agro-Food Markets Research Institute of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex of the Central Black Earth Region – Branch of Voronezh Federal Agricultural Scientific Centre named after V. V. Dokuchaev (26A Serafimovicha St., Voronezh 394042, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3138-349X>, Researcher ID: K-3301-2017, Scopus ID: 56362770100, SPIN-code: 4203-3061, tiutiunikow@yandex.ru

Andrei V. Ulezko, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher of the Department Agro-Industrial Complex and Rural Areas Management Research Institute of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex of the Central Black Earth Region – Branch of Voronezh Federal Agricultural Scientific Centre named after V.V. Dokuchaev (26A Serafimovicha St., Voronezh 394042, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3279-6694>, Researcher ID: J-3924-2017, Scopus ID: 56362551500, SPIN-code: 8804-4780, arle187@rambler.ru

Contribution of the authors:

A. A. Tiutiunikov – development of research methodology; data collection; data processing and analysis; analysis of results.

A. V. Ulezko – formulation of a scientific problem; review of the literature on the research topic; formulation of conclusions; critical analysis and revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 25.08.2024; revised 12.11.2024; accepted 16.12.2024.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.138-151><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/whxdle>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 658.7

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Анализ факторов пространственного распределения
логистических объектовМ. В. Кизимиров¹ ✉Е. В. Черняев²¹ Приволжский государственный университет путей сообщения
(г. Самара, Российская Федерация)² Вольский военный институт материального обеспечения
(г. Вольск, Российская Федерация)
✉ kizimirov@mail.ru

Аннотация

Введение. Понимание ключевых аспектов общества и экономики помогает принимать обоснованные решения о размещении логистических объектов и способствовать развитию эффективной и устойчивой логистической системы. Цель исследования – рассмотреть пространственное распределение логистических объектов, выделить факторы, влияющие на их расположение, представить методологические основы, которые определяют такое распределение.

Материалы и методы. Проанализированы научные публикации, посвященные рассматриваемой тематике, а также учтен практический опыт выполнения научно-исследовательской работы, проводимой в рамках государственного задания. В работе использовались методы пространственного анализа, такие как буферизация, сетевой анализ и моделирование пригодности для оценки доступности, взаимосвязанности и обоснованности размещения логистических объектов. Применение в ходе исследования географических информационных систем помогло проанализировать развитие логистической инфраструктуры. Главным элементом исследования являлась агрегация данных о логистических объектах, что способствовало эмпирическому пониманию характеристик, функций и пространственного распределения инфраструктуры.

Результаты исследования. Выявлены ключевые факторы, влияющие на размещение логистических объектов: экономические, инфраструктурные, политические, экологические и технологические. Определена роль географических реалий и экономических условий в формировании логистической инфраструктуры. Доказана эффективность применения геоинформационных систем для пространственного анализа логистических объектов. Разработан методический подход к выбору оптимального расположения логистических объектов.

Обсуждение и заключение. На пространственное распределение логистических объектов влияет взаимодействие географических реалий, экономических факторов и технологических достижений. Каждый фактор должен быть критически проанализирован при разработке стратегий управления

© Кизимиров М. В., Черняев Е. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

цепочками поставок. Современные цепочки поставок должны адаптироваться к этим переменным – искать оптимальные местоположения, которые сочетают затраты с требованиями к обслуживанию, и при этом использовать технологические инновации для сохранения конкурентных преимуществ. Статья будет полезна специалистам в области логистики, регионального планирования, экономистам, а также государственным органам, занимающимся вопросами развития инфраструктуры.

Ключевые слова: логистический объект, пространственное распределение логистических объектов, факторы распределения, цепочки поставок, оптимальное месторасположение

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья выполнена в рамках государственного задания Федерального агентства железнодорожного транспорта (Росжелдор) на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (интернет-номер / регистрационный номер: 124040300020-8).

Благодарность. Авторы выражают благодарность редакции и рецензентам журнала за полезные замечания, которые позволили улучшить качество текста.

Для цитирования: Кизимиров М.В., Черняев Е.В. Анализ факторов пространственного распределения логистических объектов. *Регионоведение*. 2025;33(1):138–151. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.138-151>

Analysis of the Factors of Spatial Placement of Logistics Facilities

M. V. Kizimirov^a✉, E. V. Chernyaev^b

^a Volga State Transport University (Samara, Russian Federation)

^b Volsky Military Institute of Material Support (Volsk, Russian Federation)

✉ kizimirov@mail.ru

Annotation

Introduction. The topic of the study is relevant because it examines key aspects of society and the economy, the understanding of which helps to make informed decisions about the location of logistics facilities and contributes to the development of an effective and sustainable logistics system. The aim of the paper is to examine the spatial distribution of logistics facilities, to identify the factors that influence their location and to present the methodological foundations that determine such a distribution.

Materials and Methods. The research analyzed scientific publications on the subject under consideration, as well as took into account the practical experience of carrying out research work carried out within the framework of the state assignment. Spatial analysis methods such as buffering, network analysis and suitability modeling were used in the work to assess the availability, interconnectedness and reasonableness of the location of logistics facilities. The use of GIS systems in the course of the study helped to analyze the development of the logistics infrastructure. The main element of the study was the aggregation of data on logistics facilities, which contributed to an empirical understanding of the characteristics, functions and spatial distribution of the infrastructure.

Results. The key factors influencing the location of logistics facilities are identified: economic, infrastructure, market access, political, environmental and technological. The role of geographical realities and economic conditions in the formation of logistics infrastructure is determined. The effectiveness of using geo-information systems for spatial analysis of logistics facilities has been demonstrated. A methodological approach to the selection of the optimal location of logistics facilities has been developed.

Discussion and Conclusion. The spatial distribution of logistics facilities is influenced by the interaction between geographical realities, economic factors and technological advances. Each factor should be critically analyzed when developing supply chain management strategies. Modern supply chains must adapt to these variables – looking for optimal locations that combine costs with service requirements, while using technological innovations to maintain competitive advantages. With the rapid development of technology, the distribution schemes of logistics facilities are also changing. The article will be useful to logistics professionals, spatial planners, economists and government agencies involved in infrastructure development.

Keywords: logistics facilities, spatial distribution, distribution factors, supply chains, optimal location

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

Financing. The article was written within the framework of the state assignment of the Federal Agency of Railway Transport (Roszheldor) for the performance of research, development and technological works for civil purposes (Internet number / registration number: 124040300020-8).

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the editorial board and reviewers of the journal for useful comments and design tips when preparing an article for publication.

For citation: Kizimirov M.V., Chernyaev E.V. Analysis of the Factors of Spatial Placement of Logistics Facilities. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):138–151. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.138-151>

Введение. Мир логистики – это сложная сеть систем, сооружений и видов транспорта, которые работают в гармонии, обеспечивая бесперебойный поток товаров и услуг от производителя к потребителю. В рамках этой обширной сети пространственное распределение логистических объектов играет ключевую роль в определении эффективности цепочек поставок, а также бесперебойного движения товаров от поставщиков к покупателям.

Пространственное распределение логистических объектов отражает их географическое расположение в разных районах и регионах, так как на него влияет множество факторов, которые можно в широком смысле разделить на:

- экономические (стоимость земли, рабочей силы, налоги);
- инфраструктурные (близость к транспортным сетям, таким как автомагистрали, железные дороги, порты);
- доступ к рынкам (близость к базам потребителей или сырьевым ресурсам);
- политические (государственная политика – законы о зонировании или стимулы);
- экологические ограничения (топография или климат);
- технологические достижения (автоматизация или анализ данных).

В рамках экономической географии и регионального планирования существует несколько методологических подходов, которые объясняют, почему логистические объекты распределены по территории определенным образом. Наиболее известны три теории:

- 1) теория центрального расположения, разработанная У. Кристаллером в 1930-х гг.;
- 2) теория местоположения, впервые разработанная А. Вебером в 1909 г.;
- 3) модели пространственного взаимодействия.

Применение методологических основ помогает анализировать потенциальные площадки для размещения новых логистических объектов, исходя из их стратегической важности, а не просто из интуиции или догадок. Приведем пример:

- 1) теория центрального расположения помогает расположить центры обслуживания клиентов на доступном расстоянии от крупных клиентских баз;
- 2) теория местоположения может помочь в принятии решений о размещении производственных предприятий вблизи источников сырья с учетом транспортных затрат;
- 3) модели пространственного взаимодействия могут помочь в создании систем «центр – спица» для перемещения грузов, которые оптимизируют консолидацию грузов.

Аналитика данных изменила правила игры. Передовые технологии позволяют анализировать обширные массивы данных, охватывающие исторические тенденции в области перевозок, демографию, потребителей, динамику перевозок и даже прогнозы погоды. Используя эти данные, можно стратегически расположить объекты для повышения эффективности и обеспечения рентабельности. Появление

Интернета вещей позволяет создать интегрированную, широко распределенную и оптимизированную логистическую сеть¹.

Геоинформационные системы предоставляют необходимые инструменты для решения этой задачи, упрощая сбор, хранение, обработку запросов и всестороннюю проверку географической информации. Это надежные инструменты, созданные для пространственного анализа, которые применяются для сбора, сохранения, запроса, изучения и визуализации географических данных². Потенциал геоинформационных систем проявляется в способности одновременно анализировать как географическое пространство, так и связанные с ним информационные атрибуты³.

Цель исследования – разработка методологических основ для определения оптимального размещения логистических объектов с учетом экономических, технологических и инфраструктурных факторов. Это позволит повысить эффективность логистических цепочек, минимизировать затраты и улучшить доступность товаропроводящей сети. В контексте рассматриваемого исследования под логистическими объектами понимаются сооружения, оборудование и инфраструктура, предназначенные для обработки, хранения и транспортировки товаров в рамках цепочки поставок. К этим объектам относятся склады, терминалы, порты, аэропорты, железнодорожные станции и другие элементы логистической инфраструктуры, играющие ключевую роль в обеспечении эффективного движения товаров от производителей к потребителям.

Обзор литературы. Оценке и обоснованию размещения логистических объектов посвящено большое количество исследований отечественных и зарубежных авторов. Большинство исследователей в этой области применяли для оценки размещения аналитические и математические модели [1; 2], сосредоточив внимание на сочетании качественных и количественных методов [3]. Использовались также методы многокритериальной оптимизации [4]. Часть исследователей сочетали использование географических информационных систем (далее – ГИС) и SWOT-анализа, что позволило интегрировать пространственные данные и стратегические оценки [5]. Модели принятия решений АНР⁴ и MADM [6] позволили учесть широкий спектр факторов, включая инфраструктурные, социально-экономические и географические.

Обзор исследований показывает, что для оценки регионального развития через призму логистической отрасли обычно используются два основных подхода. Первый подход предполагает объединение нескольких показателей для оценки различных аспектов логистической отрасли [7–10], второй подход подразумевает использование оценки потенциала поставок⁵ [11–15]. Уделялось в работах внимание и региональным и национальным уровням планирования при определении места размещения [16].

¹ Montreuil B., Meller R.D., Ballot E. Towards a Physical Internet: The Impact on Logistics Facilities and Material Handling Systems Design and Innovation // Proceedings of the 11th IMHRC Proceedings, Milwaukee, WI, USA, 21–24 June 2010. 23 p.

² Bolstad P. V. GIS Fundamentals: A First Textbook on Geographic Information Systems. Elder Pr, 2002. 424 p.

³ Worral L. Spatial Analysis and Spatial Policy Using Geographic Information Systems. London (UK) : Belhaven Press., 1991. 236 p.

⁴ Yang J., Lee H. An AHP Decision Model for Facility Location Selection // Facilities. 1997. Vol. 15, № 9/10. Pp. 241–254.

⁵ Development Strategy of Agriculture Product Logistic in Guizhou Province on the Transportation Network Context / S. Song [et al.] // Internet and Distributed Computing Systems. 2016. https://doi.org/10.1007/978-3-319-45940-0_36

В итоге отметим, что большинство авторов применяют аналитические и математические модели для оценки и обоснования размещения логистических объектов. Используются методы многокритериальной оптимизации, ГИС-анализ, а также модели принятия решений, позволяющие учитывать широкий спектр факторов – от инфраструктурных до социально-экономических. Однако остается недостаточно изученным вопрос интеграции пространственного анализа и современных цифровых технологий в процесс оптимизации размещения логистических объектов. Это подчеркивает актуальность настоящего исследования, направленного на комплексный анализ факторов пространственного распределения логистических объектов с применением современных методов анализа данных.

Материалы и методы. На первом этапе исследования был проведен поиск научной литературы в открытой электронной библиотеке CyberLeninka. Для повышения релевантности результатов использовался расширенный поисковый механизм с комбинацией ключевых слов «пространственное размещение логистических объектов» и тематическим ограничением в категории «Социальная и экономическая география». В результате удалось выявить 656 публикаций, однако лишь четыре из них имели непосредственное или косвенное отношение к тематике исследования. Далее поиск был расширен до англоязычных источников с применением аналогичного набора ключевых слов в академической поисковой системе Google Scholar, при этом временные рамки публикаций не учитывались. В общей сложности система отобразила 55 000 научных материалов, однако после тщательной аналитической выборки к предмету исследования можно было отнести лишь 13 статей.

Используя различные методы сбора данных, включая первичные и вторичные источники, такие как правительственные отчеты, отраслевые публикации, научные журналы и онлайн базы данных, получены важнейшие статистические данные, проведен анализ тенденций и программные документы, касающиеся развития логистической инфраструктуры.

С помощью ГИС были выявлены закономерности в распределении логистических объектов. Использовались методы пространственного анализа, такие как буферизация, сетевой анализ и моделирование пригодности, для оценки доступности, связности и пригодности размещения логистических объектов. Применение ГИС позволило обеспечить пространственно-обоснованное понимание динамики логистической инфраструктуры.

Всесторонний сбор и анализ данных о логистических объектах позволил глубже понять пространственную динамику и операционные характеристики логистического сектора.

Результаты исследования. *Факторы, влияющие на расположение.* Согласно Европейской конференции министров транспорта, следующие критерии, касающиеся выбора площадки, являются общими для всех логистических центров⁶:

- 1) стратегическое расположение выбирается с учетом оптимизации перевозок и кластеризации, с использованием существующей мультимодальной инфраструктуры;
- 2) определение размеров центра должно учитывать будущий рост трафика;

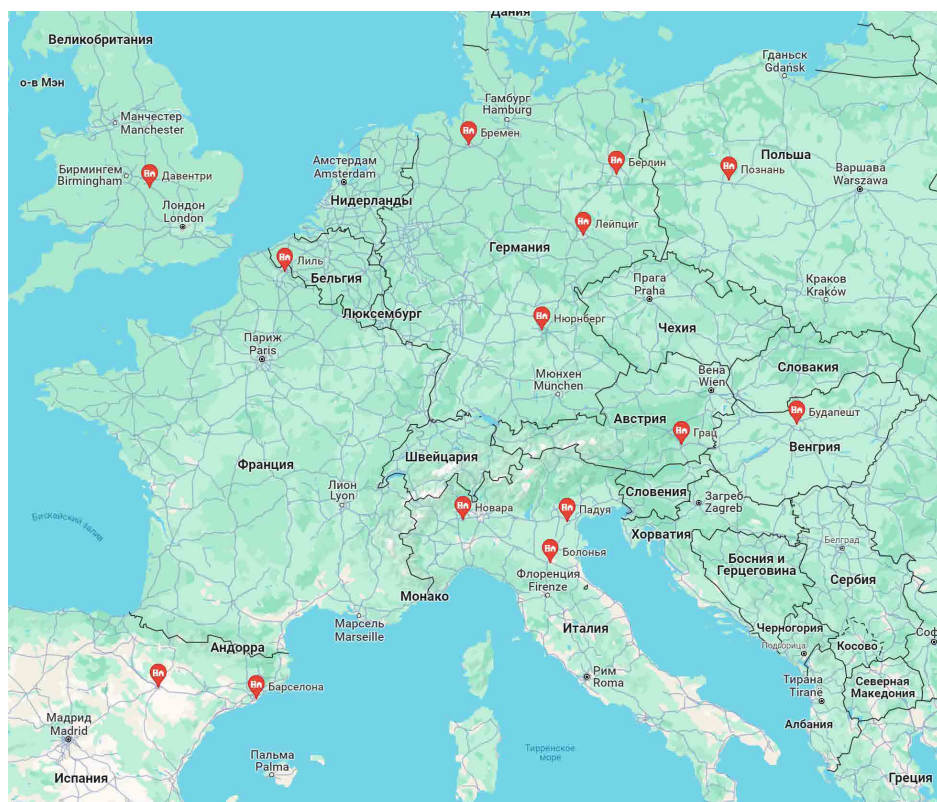
⁶ New Trends in Logistics in Europe: Report of the One-Hundred and Fourth Round Table on Transport Economics Held in Paris on 3–4 October 1996, ECMT Round Tables, No. 104, OECD Publishing, Paris, 1997. <https://doi.org/10.1787/9789282105634-en>

3) ключевая роль отдается комбинированным видам транспорта и возможно-сти расширения взаимодействия между ними.

Оптимальное месторасположение логистических объектов является ключевым аспектом в архитектуре современного управления цепочками поставок. При изучении факторов, влияющих на расположение этих объектов, необходимо учитывать географические, экономические и технологические аспекты, которые в совокупности определяют логистический ландшафт.

Географические факторы играют важную роль в определении местоположения логистических объектов. Близость к транспортным узлам (портам, аэропортам и железным дорогам) имеет первостепенное значение для обеспечения быстрого перемещения товаров. Они выступают в качестве шлюзов для международной торговли, позволяя успешно осуществлять импорт и экспорт. На рисунке показаны крупнейшие транспортно-логистические центры Европейского союза – опорные терминалы или звенья первого уровня. Все они расположены на пересечении путей нескольких видов транспорта, а некоторые имеют тримодальную организацию.

Р и с у н о к. Крупные логистические объекты стран Европейского союза⁷

F i g u r e. Large logistics facilities in the EU countries

⁷ Составлено авторами по: Концепция формирования и функционирования транспортно-логистических центров, принятая в ЕС [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrans.org/ru/o-nih/transportno-logisticheskie-centry/evrosojuz/> (дата обращения: 26.10.2024).

Распределение логистических центров по регионам Европейского союза варьируется в зависимости от таких факторов, как плотность населения, транспортная инфраструктура, экономическая активность и государственная политика. Логистические центры сосредоточены в регионах со значительной промышленной и коммерческой активностью, а также в регионах с хорошо развитыми транспортными сетями, включая порты, аэропорты и основные автомагистрали.

Ниже представлен общий обзор того, как логистические центры распределены по регионам Европейского союза.

1. *Западная Европа.* Страны Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург), Германия, Франция и Великобритания характеризуются высокой концентрацией логистических центров из-за их крупной экономики, разветвленных автомобильных и железнодорожных сетей и крупных портов, таких как Роттердам, Антверпен и Гамбург.

2. *Южная Европа.* В таких странах, как Испания и Италия, есть регионы со значительной логистической активностью, особенно вокруг крупных городов и портов – Барселоны, Мадрида, Валенсии, Генуи и Неаполя. Эти районы служат важными воротами для товаров, ввозимых в Европейский союз и вывозимых из него.

3. *Северная Европа.* В Скандинавии, особенно в Швеции, Дании и Финляндии, хорошо развиты логистические секторы с центрами в таких городах, как Стокгольм, Копенгаген и Хельсинки. Данные регионы имеют стратегическое расположение для торговли как с Восточной, так и с Западной Европой.

4. *Центральная Европа.* Польша, Венгрия, Чехия и Словакия стали важными логистическими центрами благодаря своему центральному расположению в Европе и более низким эксплуатационным расходам по сравнению со странами Западной Европы. В таких городах, как Варшава, Будапешт и Прага, наблюдается рост логистической активности.

5. *Восточная Европа.* В отдельных регионах Румынии, Болгарии и стран Балтии наблюдается рост логистической инфраструктуры, обусловленный фактором снижения затрат на рабочую силу и улучшением транспортных связей с Западной Европой. Порты Констанца в Румынии и Варна в Болгарии служат пунктами ввоза товаров из Азии и Ближнего Востока.

Крупные городские центры по всей Европе, независимо от их местоположения, часто имеют собственные логистические центры или распределительные центры для эффективного обслуживания местного населения и предприятий. Париж, Берлин, Лондон и Милан являются яркими примерами этого.

Распределение логистических центров в Европейском союзе отражает взаимосвязанный характер европейской торговли и важность эффективных транспортных и распределительных сетей для поддержки экономического роста и конкурентоспособности. Так, наибольшее количество логистических центров расположено в Западной (250) и Южной Европе (180). Значительно меньше их в Центральной, Северной и Восточной Европе – 150, 120 и 100 соответственно.

На территории Российской Федерации логистические объекты распределены также неравномерно⁸. На их расположение в первую очередь повлияли несколько факторов:

⁸ Логистическая карта России [Электронный ресурс] // Каталог электронных карт : сайт. URL: <https://www.sharada.ru/pdf-maps/maps/rossija-i-regiony/logistics-map-of-russia> (дата обращения: 12.10.2024).

1) *транспортные сети*. Логистические объекты расположены вблизи основных транспортных артерий, таких как автомагистрали, железные дороги и порты, что облегчает перемещение товаров. Стоит отметить, что обширная территория России требует создания эффективных транспортных сетей, соединяющих отдаленные регионы;

2) *близость к рынкам сбыта*. Логистические центры стратегически расположены недалеко от основных потребительских рынков, что позволяет сократить время транзита и затраты на дистрибуцию. Города с большим населением и высокой экономической активностью (Москва и Санкт-Петербург) привлекают логистической инфраструктурой;

3) *доступ к международным торговым маршрутам*. Порты Владивосток, Новороссийск и Мурманск служат важными воротами для международной торговли, что влияет на расположение логистических центров. Объекты, сосредоточенные вблизи этих портов, упрощают импортно-экспортную деятельность.

4) *промышленные центры*. Логистические объекты сгруппированы вокруг промышленных зон и производственных центров для поддержки операций цепочки поставок, включая хранение, распределение и управление запасами;

5) *развитие инфраструктуры*. Инициативы правительства (в том числе местных региональных властей) и инвестиции в инфраструктурные проекты играют важную роль в определении местоположения логистических объектов. Инициативы, направленные на улучшение транспортных сетей и содействие экономическому развитию, привели к созданию логистических центров в определенных регионах;

6) *региональные экономические факторы*, такие как доступность рабочей силы, стоимость земли, нормативно-правовая база и местные экономические условия, также влияют на решения логистических компаний о размещении;

7) *климат и природные ресурсы*. Некоторые регионы могут иметь преимущества благодаря своему климату или доступу к природным ресурсам. Например, в регионах с благоприятным для сельского хозяйства климатом появляются логистические центры, поддерживающие цепочки поставок сельскохозяйственной продукции;

8) *безопасность и стабильность*. Соображения стабильности и безопасности играют определенную роль, особенно в регионах, подверженных политическим или социальным волнениям. Стабильные регионы с надежной инфраструктурой являются предпочтительными для создания логистических объектов, обеспечивающих бесперебойную работу. Сочетание этих факторов определило географическое распределение логистических объектов на обширной и разнообразной территории Российской Федерации.

Нами были изучены данные о количестве логистических объектов в России и Европе. В качестве объектов были выбраны крупные склады, распределительные центры, центры выполнения заказов, транспортные узлы (порты, аэропорты и железнодорожные терминалы) и другая инфраструктура, используемая для управления и транспортировки товаров (табл. 1). Среди основных факторов, влияющих на количество логистических объектов, были выделены плотная концентрация населения, близость к мегаполисам, наличие широко развитой транспортной инфраструктуры, стоимость земли, государственное регулирование и рыночный спрос.

Таблица 1. Логистические объекты в различных регионах России и Европы⁹
Table 1. Logistics facilities in various regions of Russia and Europe

Регион / Region	Количество логистических объектов / Number of logistics facilities	Население, млн / Population (in millions)	Плотность населения, чел./км ² / Population density (people/km ²)	Другие факторы / Other factors
Германия / Germany	2 000	83,2	233,0	Центральное расположение в Европе, сильная экономика / Central location in Europe, strong economy
Франция / France	1 500	67,1	122,0	Эффективная транспортная сеть, диверсифицированная экономика / Efficient transport network, diversified economy
Великобритания / Great Britain	1 200	68,2	275,0	География острова, исторические торговые связи / Geography of the island, historical trade relations
Россия / Russia	1 000	145,0	8,4	Огромная территория, развитая инфраструктура, порты / Huge territory, developed infrastructure, ports
Испания / Spain	800	47,3	92,0	Стратегическое расположение на Средиземноморье, туризм / Strategic location on the Mediterranean, tourism

В таблице 2 приведено распределение логистических объектов (склады, терминалы, порты и другие объекты логистической инфраструктуры).

Таблица 2. Распределение логистических объектов по регионам России
Table 2. Distribution of logistics facilities by regions of Russia

Регион / Region	Количество складов / Number of warehouses	Количество терминалов / Number of terminals	Количество портов / Number of ports	Другие логистические объекты / Other logistics facilities
Москва / Moscow	150	50	5	20
Санкт-Петербург / St. Petersburg	100	30	3	15
Центральный / Central	90	25	2	12
Поволжье / Volga Area	80	20	2	10
Южный / South	80	20	2	11
Северный Кавказ / North Caucasus	70	18	1	9
Сибирь / Siberia	70	15	1	8
Северо-Запад / Northwest	60	12	2	7
Урал / Ural	60	10	1	5
Дальний Восток / Far East	50	10	3	6
Север / North	40	8	1	4
Калининград / Kaliningrad	20	5	1	2

⁹ Здесь и далее в статье таблицы составлены авторами по материалам проведенного исследования.

Доступность к рынкам сбыта является еще одним важным фактором. Так, близость к базам потребителей может значительно сократить время в пути и повысить уровень обслуживания. Трудно переоценить и качество инфраструктуры. Например, исследования показывают, что на объектах, расположенных в радиусе 20 километров от крупных портов, время доставки сокращается до 25 %, что подчеркивает важность стратегического географического расположения¹⁰.

Местоположение логистического комплекса также в значительной степени зависит от экономических факторов. Так, исследователи при выборе площадки предлагают объединить географический и экономический факторы для определения места расположения, выделив географический фактор в макроуровень, а экономический – в микроуровень [17]. Такой комплексный подход на макроуровне предполагает выбор географического района, который соответствует определенным критериям для строительства объекта, а на микроуровне – конкретное место, подходящее под технические требования, требования по инфраструктуре и рабочей силе.

Анализ возможностей использования разнообразных подходов для установления мест размещения показал, что на начальном этапе рекомендуется использовать логико-структурный метод, который объединяет высокую точность с практическим опытом. Логика проекта по определению оптимального места размещения показана в таблице 3.

Таблица 3. Логика проекта

Table 3. Logic of the project

Этап / Stage	Контрольный вопрос / Security question	Пояснение / Explanation
1	2	3
1	Зачем нужен проект и кому он принесет пользу? / Why is the project needed and who will benefit from it?	Проект направлен на решение конкретных задач и достижение определенных целей / The project is aimed at solving specific tasks and achieving certain goals
2	Какое улучшение ожидается в результате проекта? / What improvement is expected as a result of the project?	В зависимости от целей проекта можно ожидать различные улучшения / Depending on the goals of the project various improvements can be expected
3	Как можно измерить улучшение? / How can the improvement be measured?	Для измерения улучшения необходимо определить критерии оценки. Это могут быть количественные показатели (например, увеличение прибыли, снижение затрат) или качественные характеристики (повышение удовлетворенности клиентов, улучшение условий труда) / Evaluation criteria must be defined to measure improvement. These can be quantitative indicators (for example, increased profits, reduced costs) or qualitative characteristics (increased customer satisfaction, improved working conditions)
4	Что нужно сделать для реализации проекта? / What needs to be done to implement the project?	Для реализации проекта необходимо разработать план действий, определить необходимые ресурсы для выполнения задач и назначить ответственных за их реализацию / To implement the project, it is necessary to develop an action plan, identify the necessary resources to complete the tasks and assign those responsible for their implementation

¹⁰ Rikalovic A. The Role of GIS in Industrial Location Analysis [Электронный ресурс] // ResearchGate : сайт. URL: https://www.researchgate.net/publication/282286105_The_Role_of_GIS_in_Industrial_Location_Analysis (дата обращения: 04.10.2024).

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3
5	Как будут достигнуты результаты проекта? / How will the results of the project be achieved?	Результаты проекта будут достигнуты через выполнение запланированных действий и мероприятий / The results of the project will be achieved through the implementation of planned actions and activities
6	Какие ресурсы будут необходимы для выполнения проекта? / What resources will be needed to complete the project?	Необходимо оценить потребность в каждом типе ресурсов и обеспечить их наличие / It is necessary to assess the need for each type of resources and ensure their availability

Логико-структурный подход – это не универсальное решение, а, скорее, настраиваемая структура, которая адаптируется к уникальным требованиям каждой цепочки поставок. Применяя данный подход, можно уверенно ориентироваться в сложностях современных цепочек поставок, обеспечивая устойчивый рост и конкурентные преимущества на рынке.

Развитие информационных технологий сделало пространственные базы данных незаменимыми в системах управления. Исследования показывают, что примерно 80 % данных, используемых менеджерами и лицами, принимающими решения, содержат географические (пространственные) атрибуты¹¹.

С прогнозом на будущее, основываясь на современных технологиях, можно выделить несколько тенденций.

Во-первых, ожидается увеличение числа гиперлокализованных центров обслуживания, что обусловлено потребительским спросом на услуги быстрой доставки.

Во-вторых, децентрализация складов, которой способствуют технологии, может привести к созданию сети небольших, стратегически расположенных объектов, а не нескольких крупных централизованных – переход к тому, что можно было бы называть «логистическими архипелагами».

Практика показала, что на этапе «логистического роста» логистические фирмы обычно используют близость к смежным предприятиям для совместного использования инфраструктуры, что часто приводит к возникновению «пространственных кластеров». Это способствует как вертикальному, так и горизонтальному сотрудничеству в рамках цепочки поставок, позволяя компаниям, работающим на схожих уровнях, обмениваться информацией и ресурсами [18]. Следовательно, это повышает эффективность и прибыльность, хотя и при одновременном объединении возможностей и рисков.

Обсуждение и заключение. На пространственное распределение логистических объектов влияет взаимодействие между географическими реалиями, экономическими факторами и технологическими достижениями. Каждый фактор должен быть критически проанализирован при разработке стратегий управления цепочками поставок.

Современные цепочки поставок должны адаптироваться к этим переменным – искать оптимальные местоположения, которые сочетают затраты с требованиями к обслуживанию, и при этом использовать технологические инновации для со-

¹¹ Worral L. Spatial Analysis and Spatial Policy using Geographic Information Systems.

хранения конкурентных преимуществ. Предприятия стратегически размещают свои объекты ближе к городским центрам и густонаселенным регионам, чтобы сократить сроки доставки и расходы. Этот сдвиг подчеркивает необходимость пересмотра традиционных моделей для распределительных центров. По мере быстрого развития технологий меняются и схемы распределения логистических объектов, что заставляет менеджеров цепочки поставок сохранять гибкость в своем стратегическом мышлении.

Последствия очевидны: те, кто понимает и предвидит эти изменения, займут выгодное положение на мировом рынке; остальные могут оказаться в невыгодном логистическом положении, что скажется на всей их деятельности по цепочке поставок. Благодаря использованию аналитики данных и искусственного интеллекта можно точно определять оптимальные места расположения объектов, что сводит к минимуму транспортные расходы, сокращает сроки доставки и повышает общую эффективность цепочки поставок.

Оптимизация расположения объектов может привести к существенному снижению затрат за счет совершенствования управления запасами, сокращения транспортных расходов и повышения операционной эффективности.

Несмотря на многообещающие перспективы, которые открывают эти технологии, их успешная интеграция требует значительных инвестиций в инфраструктуру, технологии и квалифицированный персонал. Кроме того, при создании новых объектов приходится учитывать сложности регулирования и потенциальное противодействие местных властей.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для оптимизации размещения логистических объектов, что позволит сократить затраты, повысить эффективность цепочек поставок и улучшить транспортную доступность. Перспективы дальнейших исследований включают разработку автоматизированных систем выбора местоположения с использованием искусственного интеллекта, интеграцию больших данных для прогнозирования логистических потоков и анализ влияния цифровых технологий на пространственное распределение логистической инфраструктуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Рахмангулов А.Н., Копылова О.А. Оценка социально-экономического потенциала региона для размещения объектов логистической инфраструктуры. *Экономика региона*. 2014;(2):254–263. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sotsialno-ekonomicheskogo-potentsiala-regiona-dlya-razmescheniya-obektov-logisticheskoy-infrastruktury> (дата обращения: 04.10.2024). Rakhmangulov A.N., Kopylova O.A. Assessment of Socio-Economic Potential of Regions for Placement of the Logistics Infrastructure Objects. *Economy of Region*. 2014;(2):254–263. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sotsialno-ekonomicheskogo-potentsiala-regiona-dlya-razmescheniya-obektov-logisticheskoy-infrastruktury> (accessed 04.10.2024).
2. Копылова О.А. Кластеризация региональных транспортно-логистических систем. *Современные проблемы транспортного комплекса России*. 2013;3(2):73–81. URL: <https://transgeos.ru/index.php/SMTS/article/view/174> (дата обращения: 04.10.2024). Kopylova O.A. Clustering of Regional Transportation and Logistics Systems. *Subsurface Management and Transportation Systems*. 2013;3(2):73–81. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://transgeos.ru/index.php/SMTS/article/view/174> (accessed 04.10.2024).

3. Ивуть Р.Б., Попов П.В., Лапковская П.И., Прокопов С.В. Теоретико-методическое обоснование оценки и развития логистической инфраструктуры. *Наука и техника*. 2023;22(1):69–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodicheskoe-obosnovanie-otsenki-i-razvitiya-logisticheskoy-infrastruktury> (дата обращения: 04.10.2024).
Ivut R.B., Popov P.V., Lapkovskaya P.I., Prokopov S.V. Theoretical and Methodological Substantiation of the Assessment and Development of Logistics Infrastructure. *Science and Technique*. 2023;22(1):69–78. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodicheskoe-obosnovanie-otsenki-i-razvitiya-logisticheskoy-infrastruktury> (accessed 04.10.2024).
4. Рожко О.Н., Шихалев А.М. Оценка вариантов размещения логистических объектов на территории региона методом многокритериальной оптимизации (на примере Республики Татарстан). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017;10(6):153–169. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.10>
Rozhko O.N., Shikhalev A.M. Assessment of Options for Logistics Objects in the Region Using Multi-Criteria Optimization (Case Study of the Republic of Tatarstan). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017;10(6):153–169. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.10>
5. Rikalović A., Soares G.A., Ignjatić J. Spatial Analysis of Logistics Center Location: A Comprehensive Approach. *Decision Making: Applications in Management and Engineering*. 2018;1(1):38–50. <https://doi.org/10.31181/dmame180138r>
6. Yazdani M., Muñoz-Ocaña Y., Fernández-Rodríguez V., Torres-Jiménez M. Logistics Center Location Decision Using a Multi-Attribute Analysis Structure. *Sustainability Modeling in Engineering: A Multi-Criteria Perspective*. 2020:1–26. https://doi.org/10.1142/9789813276338_0001
7. Feng T., Liang Y. The Research of FDI Threshold Effect on the Logistics Industry to Economic Growth. *Statistics and Information Forum*. 2015;30(8):49–55. <https://doi.org/10.1155/2021/9950935>
8. Li X., Chen F. Impact of Logistics Development on Economic Growth: An Empirical Research from Guangdong Province in China. *Complexity*. 2021:9950935. <https://doi.org/10.1155/2021/9950935>
9. Yu G. An Empirical Study on the Relationship between Logistics and Regional Economic Development in Zhuhai. *Logistics Engineering and Management*. 2019;41(6):10–12. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.191217.064>
10. Kumar I., Zhalnin A., Kim A., Beaulieu L.J. Transportation and Logistics Cluster Competitive Advantages in the U.S. Regions: A Cross-Sectional and Spatio-Temporal Analysis. *Research in Transportation Economics*. 2017;61:25–36. <https://doi.org/10.1016/j.retrec.2016.07.028>
11. Mohmand Y.T., Wang A., Saeed A. The Impact of Transportation Infrastructure on Economic Growth: Empirical Evidence from Pakistan. *Transportation Letters*. 2017;9(2):63–69. <https://doi.org/10.1080/19427867.2016.1165463>
12. Hylton P.J., Ross C.L. Agglomeration Economies' Influence on Logistics Clusters' Growth and Competitiveness. *Regional Studies*. 2018;52(3):350–361. <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1327708>
13. He M., Zeng L., Wu X., Luo J. The Spatial and Temporal Evolution of Logistics Enterprises in the Yangtze River Delta. *Sustainability*. 2019;11:5318. <https://doi.org/10.3390/su11195318>
14. Li Y., Zhou J., Tian J., Zheng X., Tang Y.Y. Weighted Error Entropy-Based Information Theoretic Learning for Robust Subspace Representation. *IEEE Transactions on Neural Networks and Learning Systems*. 2022;33(9):4228–4242. <https://doi.org/10.1109/TNNLS.2021.3056188>
15. Liu W., Wang S., Linn Y., Xie D., Zhang J. Effect of Intelligent Logistics Policy on Shareholder Value: Evidence from Chinese Logistics Companies. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*. 2020;137:101928. <https://doi.org/10.1016/j.tre.2020.101928>
16. Tian X., Zhang M. Research on Spatial Correlations and Influencing Factors of Logistics Industry Development Level. *Sustainability*. 2019;11:1356. <https://doi.org/10.3390/su11051356>
17. Rikalović A., Soares G.A., Ignjatić J. Spatial Analysis of Logistics Center Location: A Comprehensive Approach. *Decision Making: Applications in Management and Engineering*. 2018;1(1):38–50. <https://doi.org/10.31181/dmame180138r>

18. Ferrell W., Ellis K., Kaminsky P., Rainwater C. Horizontal Collaboration: Opportunities for Improved Logistics Planning. *International Journal of Production Research*. 2020;58:4267–4284. <https://doi.org/10.1080/00207543.2019.1651457>

Об авторах:

Кизимиров Михаил Владимирович, старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента Приволжского государственного университета путей сообщения (443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, д. 2В), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9865-8803>, Researcher ID: KFF-5467-2024, Scopus ID: 58245136400, SPIN-код: 1004-9116, kizimirov@mail.ru

Черняев Евгений Васильевич, кандидат экономических наук, докторант Вольского военного института материального обеспечения (412903, Российская Федерация, г. Вольск, ул. М. Горького, д. 3), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9646-5995>, SPIN-код: 3339-3490, ki-la@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

М. В. Кизимиров – развитие методологии; сбор данных; анализ данных; подготовка начального варианта текста; критический анализ и доработка текста.

Е. В. Черняев – научное руководство и курирование данных; развитие методологии; сбор данных; визуализация и представление данных в тексте; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 23.11.2024; одобрена после рецензирования 09.01.2025; принята к публикации 14.02.2025.

About the authors:

Mikhail V. Kizimirov, Senior Lecturer, Chair of Economics and Management, Volga State Transport University (2B Svobody St., Samara 443066, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9865-8803>, Researcher ID: KFF-5467-2024, Scopus ID: 58245136400, SPIN-code: 1004-9116, kizimirov@mail.ru

Evgenii V. Chernyaev, Cand.Sci. (Econ.), Doctoral Student, Volsk Military Institute of Material Support (3 M. Gorky St., Volsk 412903, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9646-5995>, SPIN-code: 3339-3490, ki-la@mail.ru

Contribution of the authors:

M. V. Kizimirov – methodology development and data collection; data analysis; preparation of the initial text; critical analysis and revision of the text.

E. V. Chernyaev – scientific guidance and data curation; methodology development and data collection; visualization and presentation of data; critical analysis and revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 23.11.2024; revised 09.01.2025; accepted 14.02.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.152-170><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/yuyecfa>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 502.2:122

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Экологическое поведение населения
Мурманской области: особенности и факторы****А. Д. Волков** ✉**Н. А. Рослякова**

*Карельский научный центр Российской академии наук
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)
✉ kov8vol@gmail.com*

Аннотация

Введение. Одним из важнейших условий обеспечения устойчивого развития Арктики является преодоление противоречий между экономическими и экологическими ограничениями функционирования ее социо-эколого-экономических систем. Ключевое значение в разработке механизмов данного преодоления заключается в вовлечении населения в проэкологическую активность. Цель исследования – выявить особенности и факторы проэкологического поведения населения Мурманской области, а также готовности взять на себя ответственность за решение экологических проблем.

Материалы и методы. Эмпирическую основу работы составили результаты социологического исследования, проведенного на территории Мурманской области (2023 г., n = 1 258, многоступенчатая выборка). В процессе обработки данных применены методы описательной и многомерной статистики. Для эконометрического анализа использовалась модель бинарного выбора, что позволило изучить и оценить влияние базовых характеристик респондентов (пол, возраст, доход, образование), а также факторов модели «ценности – убеждения – нормы» на частоту проявления отдельных практик экологически ответственного поведения.

Результаты исследования. Установлено, что население арктических территорий проявляет достаточно высокую активность в области природоохранной деятельности. К распространенным практикам проэкологического поведения относятся отказ от несанкционированного выброса мусора, активное участие в субботниках, а также минимизация использования одноразовой посуды и упаковки из полиэтилена. Базовые характеристики респондентов (пол, возраст, доход и образование) и их ценностные ориентации оказывают дифференцированное воздействие на реализацию отдельных проэкологических практик населения. Однако понимание важности чистой окружающей среды повышает вероятность реализации большинства из них.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования обогащают научные представления о факторах и специфике проэкологического поведения в регионах, отличающихся уникальными климатическими, инфраструктурными, экономическими и другими характеристиками, и создают основу для разработки регулирующих мер в данной области.

© Волков А. Д., Рослякова Н. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: арктический регион, Мурманская область, экологическое поведение населения, экологические проблемы, теория «ценности – убеждения – нормы», модель бинарного выбора

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания Отдела комплексных научных исследований Карельского научного центра Российской академии наук «Вопросы обеспечения экологической безопасности в Арктике (FMEN-2024-0013): № 124053000099-7».

Для цитирования: Волков А.Д., Рослякова Н.А. Экологическое поведение населения Мурманской области: особенности и факторы. *Регионоведение*. 2025;33(1):152–170. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.152-170>

Ecological Behavior of the Population of the Murmansk Region: Features and Factors

A. D. Volkov ✉, N. A. Roslyakova

Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)

✉ kov8vol@gmail.com

Abstract

Introduction. One of the most important conditions for ensuring sustainable development of the Arctic is overcoming the contradictions between economic and environmental constraints on the functioning of its socio-ecological-economic systems. The key importance in the development of mechanisms for this overcoming lies in the involvement of the population in pro-environmental activity. The aim of the study is to identify the features and factors of pro-environmental behavior of the population of the Murmansk Region, as well as their willingness to take responsibility for solving environmental problems.

Materials and Methods. The empirical basis of the work was the results of a sociological study conducted in the Murmansk region (2023, n = 1,258, multistage sampling). In the process of data processing the methods of descriptive and multivariate statistics were applied. For econometric analysis we used the binary choice model, which allowed us to study and evaluate the influence of basic characteristics of respondents (gender, age, income, education), as well as factors of the model “values – beliefs – norms” on the frequency of manifestation of individual practices of environmentally responsible behavior.

Results. It was found that the population of the Arctic territories is quite active in the field of environmental protection. Common practices of pro-environmental behavior include refraining from unauthorized garbage disposal, active participation in community work days, and minimizing the use of disposable tableware and polyethylene packaging. The basic characteristics of respondents (gender, age, income and education) and their value orientations have a differentiated impact on the realization of individual pro-environmental practices of the population. However, understanding the importance of a clean environment increases the likelihood of realizing most of them.

Discussion and Conclusion. The results of the study enrich scientific understanding of the factors and specifics of pro-environmental behavior in regions with unique climatic, infrastructural, economic, and other characteristics, and provide a basis for the development of regulatory measures in this area.

Keywords: Arctic region, Murmansk Region, environmental behavior of the population, environmental problems, value-belief-norm theory, binary choice model

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was carried out within the framework of the state assignment of Department of Integrated Scientific Research of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences “Issues of ensuring environmental safety in the Arctic” (FMEN-2024-0013): No. 124053000099-7.”

For citation: Volkov A.D., Roslyakova N.A. Ecological Behavior of the Population of the Murmansk Region: Features and Factors. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):152–170. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.152-170>

Введение. Одним из важнейших условий обеспечения устойчивого развития Арктики является преодоление противоречий между экономическими и экологическими ограничениями функционирования ее социо-эколого-экономических

систем. Механизмами данного преодоления на современном этапе выступают инструменты корпоративной ответственности (CSR, CER, SLO, ESG и т. д.) [1; 2] и государственного регулирования [3], направленные на гармонизацию экономических, социальных и экологических приоритетов развития арктических территорий. Однако их действенность в значительной степени зависит от представителей местных сообществ и населения регионов в целом [4] как акторов, запускающих процессы общественного контроля, формирования ответственного спроса на рынке и т. д. По мере развития соответствующих общественных механизмов растет и интерес научного сообщества к изучению проэкологического поведения населения в различных аспектах – от природоохранного активизма до бытовых экологических практик, а также детерминант данного поведения.

Цель исследования – определение распространенности и характера проэкологического поведения населения Мурманской области, а также факторов, обуславливающих принятие индивидами ответственности за решение экологических проблем и реализацию практик проэкологического поведения.

Изучение проэкологического поведения населения арктических территорий России, и в частности Мурманской области, вносит вклад в формирование знаний, необходимых для устойчивого развития Мировой Арктики и представляет отдельный интерес по ряду причин. В первую очередь, это исключительная значимость экологических аспектов экономической активности для устойчивого развития арктических регионов. Мурманская область, как одна из самых заселенных и интенсивно осваиваемых территорий Мировой Арктики, характеризуется значительным и дифференцированным влиянием хозяйственной деятельности на природные экосистемы. Также значимым является аспект реализуемой реформы по обращению с твердыми коммунальными отходами, вызывающей неоднозначную реакцию населения и осложняющейся недостаточно развитой инфраструктурой транспортировки, хранения и утилизации твердых коммунальных отходов. Третьим аспектом, определяющим повышенный исследовательский интерес, является социокультурная дифференцированность населения различных районов и округов Мурманской области, влияние которой на проэкологическое поведение еще предстоит изучить.

Обзор литературы. Изучению проэкологического поведения населения и его факторов уделяется значительное внимание в современных исследованиях, а вот отечественные работы в данной области встречаются редко. Проэкологическое поведение ученые определяют как «совершение действий, которые приносят пользу окружающей среде (например, переработка отходов) и непринятие действий, которые наносят ей вред (например, избегание авиаперелетов)» [5]. При широком предметном охвате [6–8] и высоком методологическом разнообразии [9–11] зарубежных исследований в области проэкологического поведения населения в российской науке работы в данной области относительно немногочисленны. В области же изучения проэкологического поведения населения арктических территорий России и его факторов такие исследования практически отсутствуют. Несмотря на то, что в последние годы наблюдается определенный подъем интереса к данной проблематике [12; 13], вопросы распространения экологических практик и региональной арктической специфики их детерминант остаются малоисследованными. Интерес представляет выявление региональной специфики проэкологических

практик населения, восприятия важности экологических проблем, восприятия ответственности за проблемы окружающей среды, принятия ответственности за их решение, а также анализ связи данных аспектов с ценностями индивидов.

Среди значимых трудов выделим анализ степени вовлеченности населения московской агломерации в проэкологические практики, в котором авторами были выявлены основные факторы, определяющие уровень данной вовлеченности [14]. В рамках исследования, посвященного проблемам обращения с твердыми коммунальными отходами и экологически ответственному потреблению, определены факторы, препятствующие устойчивому обращению с отходами. В числе ключевых проблем отмечается сочетание недостаточного уровня экологического образования населения страны и относительно низкого уровня жизни, а также относительно высокой доли коммунальных платежей в расходах домохозяйств [15]. В то же время в ряде зарубежных исследований отмечается более сложная связь между уровнем дохода и финансового благополучия и проэкологическим поведением [16]. К причинам формирования данных связей исследователи относят воспринимаемые высокие издержки, сопровождающие проэкологические практики, и оптимизм в отношении наличия достаточных природных ресурсов [16].

Ряд исследований посвящен выявлению специфики проэкологического поведения представителей разных возрастных групп [17; 18]. На данных населения Швейцарии выявлено, что представители среднего возраста (к которому, учитывая швейцарскую специфику, относят лиц в возрасте 35–65 лет) с большей вероятностью будут действовать в соответствии со своими проэкологическими взглядами и реализовывать проэкологическое потребительское поведение, покупая устойчивые и экологически чистые товары и продукты, в то время как для представителей возрастных групп 18–35 лет и старше 65 лет по разным причинам наблюдается менее выраженная связь между проэкологическими установками и экопотреблением [18].

В исследовании, проведенном на данных Польши, отмечается зависимость между половой принадлежностью и выраженностью проэкологических установок (связь положительна для женского пола). Также установлена положительная связь между проэкологическими установками и ценностями универсализма, и, что противоречит данным ряда других исследований [19; 20], ценностями материализма. Отрицательная корреляция установлена в отношении ценностей гедонизма, традиций, успеха и образа жизни, ориентированного на разнообразное времяпрепровождение [21]. В то же время в ряде отечественных работ говорится об отсутствии выраженного влияния пола на проэкологическое поведение и его ценностные факторы [22]. Зарубежными учеными в контексте проэкологического поведения противопоставляются материалистические и постматериалистические ценности, отмечается положительное влияние последних на экологические практики респондентов [23].

В ряде работ, опирающихся на положения теории «ценности – убеждения – нормы» (*value-belief-norm theory*) [24] и посвященных анализу осознания важности экологических проблем, понимания последствий своих действий для экологического благополучия, принятия ответственности за преодоление экологических проблем, а также ценностной ориентации населения на проэкологическое поведение, отмечается, что выраженность материалистических и гедонистических ценностей положительно коррелирует с меньшей информированностью об экологических проблемах

и неприятием ответственности за состояние окружающей среды [25]. Ценности личного развития (*self-enhancement values*), выделяемые по шкале Ш. Шварца¹, отрицательно влияют на активность в области проэкологического поведения [26].

Обзор существующих наработок в предметной области исследования позволяет говорить о существовании как относительно общих для различных стран и регионов факторов, определяющих проэкологическое поведение, так и о наличии региональной специфики. Очевидно, особую актуальность имеет изучение факторов и особенностей проэкологического поведения в специфических по своим климатическим, инфраструктурным, экономическим и прочим характеристикам регионах, одним из которых выступает Арктическая зона.

Материалы и методы. Фактологическую основу работы составили результаты социологического исследования, проведенного на территории Мурманской области ($n = 1\,258$) в октябре – декабре 2023 г. Опрос населения был осуществлен во всех муниципальных районах, муниципальных округах и городских округах области, кроме закрытых административно-территориальных образований. Средний возраст респондента – 41,2 года, ошибка выборки не превышает 2,76 %. Выборка опроса квотно-пропорциональная, параметры выборки сформированы на основе половозрастных характеристик населения в разрезе городских округов, муниципальных округов и районов Мурманской области (кроме закрытых административно-территориальных образований).

Опрашивалось главным образом население административных центров районов и округов. В связи с этим г. о. Мурманск и Кольский муниципальный район были объединены нами при анализе (г. Кола и г. о. Мурманск входят в единую агломерацию).

Теоретические основы исследования сформированы положениями теории «ценности – убеждения – нормы» [24].

В качестве методического подхода в эконометрическом анализе использовалась модель бинарного выбора. Все наборы факторов оценивались посредством логит (*logit*) (функция логистического распределения) и пробит (*probit*) (функция стандартного нормального распределения) методом максимального правдоподобия. Данный инструментарий хорошо зарекомендовал себя в исследовании экологических аспектов поведения населения [27; 28]. Качество уравнений оценивалось по критерию логарифма функции правдоподобия (*Log likelihood*), меньшее абсолютное значение которого свидетельствует о более высокой объясняющей способности модели и по тесту отношения правдоподобия (*Likelihood ratio test*, *Probability LR*), который должен быть значим на уровне 5-процентной ошибки. Логит-спецификация чаще давала лучшие результаты, что определило ее выбор для всего модельного массива.

Моделирование осуществлялось в несколько этапов:

1) исследование влияния базовых социально-экономических факторов (пол, возраст, доход, уровень образования) на реализацию какой-либо проэкологической практики (спецификация 1);

2) дополнение базовых факторов параметрами, отражающими выраженность тех или иных ценностных ориентиров индивидов. Калибровка моделей методом

¹ Schwartz S. H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology* / eds. by M. P. Zanna. Academic Press, 1992. Pp. 1–65.

включения-выключения и отбор значимых (на уровне 10-процентной вероятности ошибки) факторов ценностей (спецификация 2);

3) финальная калибровка моделей, заключающаяся в удалении незначимых базовых факторов. Получение моделей, где все факторы значимы на уровне 10-процентной ошибки (спецификация 3).

В результате моделирования с использованием программ Eviews и Gretl получена детализация вклада базовых характеристик респондентов (пол, возраст, доход, образование) и факторов модели «ценности – убеждения – нормы» в распространенность отдельных практик проэкологического поведения населения Мурманской области.

Результаты исследования. Рассмотрение предпосылок формирования проэкологической активности населения исследуемого региона целесообразно начать с изучения воспринимаемой важности экологических проблем. В целом следует отметить достаточно высокую воспринимаемую значимость экологических проблем населением Мурманской области (рис. 1). Наиболее выраженный характер для населения Мурманской области имеют проблемы опасности для здоровья людей, связанной с загрязнением окружающей среды («очень важно» – 41 % респондентов, «важно» – 49 %), бытового мусора и промышленных отходов (50 и 44 %), а также истощения природных ресурсов (41 и 42 % соответственно). Менее выражена проблема уничтожения лесов. Данный факт мы связываем с относительно малыми объемами рубок леса на территории Мурманской области, а также преобладанием лесотундры и тундры на ряде ее территорий.

Р и с. 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько, с Вашей точки зрения, важны следующие проблемы?», % от числа респондентов

F i g. 1. Distribution of answers to the question “How important are the following problems from your point of view?”, % of the number of respondents

Вклад субъектов социально-экономических отношений в формирование экологических проблем с точки зрения населения различен. Большинство респондентов (43 %) считают, что основной причиной экологических проблем является деятельность бизнеса. Ответственность властей отмечают 33 % респондентов, и только 9 % опрошенных считают, что вред окружающей среде в месте проживания наносят их повседневные привычки (табл. 1). Данное распределение ответов отражает негативный вклад хозяйственной деятельности бизнеса в общую антропогенную нагрузку на природную среду. Эта нагрузка усиливается в условиях концентрации промышленности в отдельных локалитетах и уязвимости экосистем арктических территорий России.

В контексте вышеизложенной информации представляет интерес анализ распределения ответственности за решение экологических проблем. Хотя наибольшую ответственность за их появление население возлагает на бизнес, решать экологические проблемы предлагается совместными усилиями власти, бизнеса и населения (83 % – «совершенно согласны» и «согласны»). Несколько менее выражена точка зрения, возлагающая ответственность за решение экологических проблем на органы государственной и муниципальной власти (76 %, однако только 21 % выразили радикальное согласие с этим утверждением). Неожиданным результатом стало то, что уровень воспринимаемой личной ответственности в сумме положительных оценок превысил воспринимаемый уровень ответственности бизнеса (56 % против 46 %) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Распределение ответов на вопросы об ответственности за появление экологических проблем в месте проживания, %

Table 1. Distribution of answers to the questions about responsibility for the occurrence of environmental problems in the place of residence, %

Вариант ответа / Possible answers	Совершенно согласен / Totally agree	Согласен / Agree	Нейтрален / Neutral	Не согласен / Disagree	Совершенно не согласен / Totally disagree
1	2	3	4	5	6

*Воспринимаемая ответственность за появление экологических проблем в месте проживания /
Perceived responsibility for the occurrence of environmental problems in the place of residence*

Мои повседневные привычки наносят вред окружающей среде в месте проживания / My daily habits are harmful to the environment in my place of residence	1	8	13	38	39
Экологические проблемы в месте моего проживания во многом вызваны политикой государства и местной власти / Environmental problems in my place of residence are largely caused by the policies of the state and local authorities	7	26	38	20	8

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6
Экологические проблемы в месте моего проживания во многом связаны с деятельностью бизнеса / Environmental problems in my place of residence are largely related to business activities	8	35	36	16	6
<i>Воспринимаемая населением ответственность субъектов за решение экологических проблем в месте проживания / Responsibility of subjects perceived by the population for solving environmental problems in their place of residence</i>					
Только совместные действия власти, бизнеса и населения могут по-настоящему решить экологические проблемы в месте моего проживания / Only joint actions of the government, business and the population can truly solve environmental problems in my place of residence	41	42	13	2	2
Экологические проблемы в месте моего проживания должны решаться государственной и муниципальной властью / Environmental problems in my place of residence should be solved by the state and municipal authorities	21	55	18	3	2
Я должен вносить вклад в решение экологических проблем в месте моего проживания / I have to contribute to solving environmental problems in my place of residence	7	49	37	6	2
Экологические проблемы в месте моего проживания должны решаться бизнесом / Environmental problems in my place of residence should be solved by business	11	35	39	11	4

Анализ практик проэкологического поведения населения Мурманской области демонстрирует достаточно высокий уровень вовлеченности граждан в эти практики в своей повседневной жизни: 91 % опрошенных никогда не бросают мусор на землю, 53 % стараются использовать как можно меньше одноразовой посуды и полиэтиленовой упаковки; примерно равная доля респондентов покупает продукты с экомаркировкой и сортирует отходы перед утилизацией (24 и 23 % соответственно).

В сфере практик, предполагающих взаимодействие с другими общественными субъектами, преобладает сотрудничество с другими людьми – 62 % опрошенных принимают участие в субботниках и уборке мусора на общих территориях. Однако только 8 % респондентов сообщают в полицию о нарушениях природоохранного и экологического законодательства и лишь 3 % жертвуют средства для природоохранных организаций. Активистские практики также мало распространены: самостоятельно разбираются с загрязнителями среды 10 % опрошенных, иницируют субботники – 9 %, состоят в природоохранных организациях и занимаются продвижением экологических инициатив в органах власти 2–3 % респондентов (рис. 2).

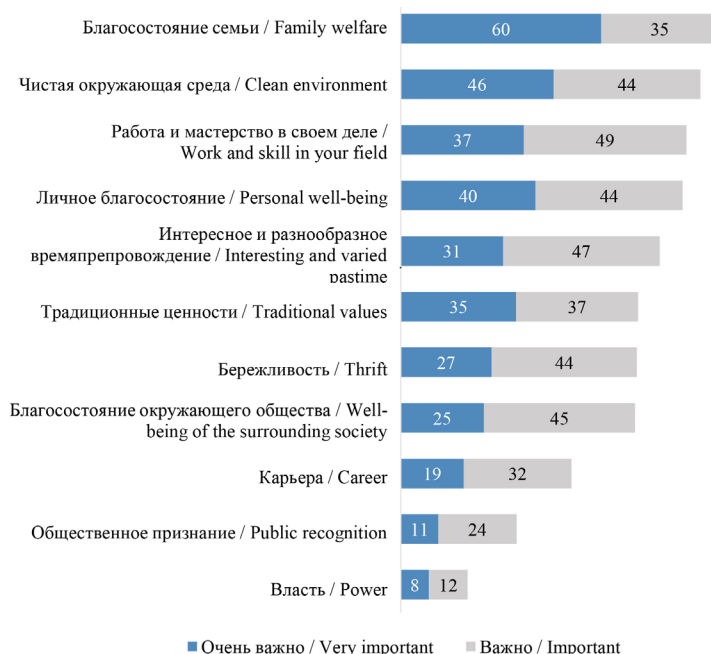

Р и с. 2. Вовлеченность населения Мурманской области в реализацию отдельных проэкологических практик, %

F i g. 2. Involvement of the population of the Murmansk Region in the implementation of certain pro-ecological practices, %

Анализ взаимосвязи между базовыми характеристиками респондентов, их убеждениями и нормами, с одной стороны, и проэкологическим поведением – с другой, не будет полным без учета ценностных ориентаций населения (рис. 3).

Наиболее значимыми ценностями для населения Мурманской области являются благосостояние семьи (как важное и очень важное отмечают 95 % респондентов), чистота окружающей среды (90) и личное благосостояние (84 %). Наименее упоминаемы ценности карьеры (51 %), общественного признания (35) и власти (20 %). Таким образом, в обществе преобладают ценности, связываемые исследователями с проэкологическим поведением [25].

Р и с. 3. Ценностные ориентации жителей Мурманской области, %
 F i g. 3. Value orientations of residents of the Murmansk region, %

В рамках исследования факторов, влияющих на готовность населения брать на себя ответственность за решение экологических проблем в месте проживания, в соответствии с моделью, предложенной Stern [24], была проведена оценка влияния базовых характеристик индивидов, их ценностей, восприятия экологических проблем и понимания причин их возникновения (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Факторы отнесения ответственности за решение проблем окружающей среды
 T a b l e 2. Factors attributing responsibility for solving environmental problems

Переменные / Variables	Коэффициенты / Coefficient
1	2
<i>Тип ответственности 1. Я должен вносить вклад в решение экологических проблем в месте моего проживания / Type of responsibility 1. I must contribute to solving environmental problems in my area of residence</i>	
Константа / Constant	-2.405*
Проблема: Уничтожение лесов / Problem: Deforestation	0.236*
Ответственность за проблемы: Личный вклад / Responsibility for problems: Personal contribution	0.181*
Ценности: Личное благополучие / Values: Personal welfare	-0.229*
Ценности: Чистая окружающая среда / Values: Clean environment	0.476*
Ценности: Общественное признание / Values: Public recognition	0.097***
Возраст / Age	-0.007***
Образование / Education	0.354*
Log likelihood	-771.79
Probability (LR-statistics)	0.000

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2
<i>Тип ответственности 2. Экологические проблемы в месте моего проживания должны решаться государственной и муниципальной властью / Type of responsibility 2. Environmental problems in my place of residence should be resolved by state and municipal authorities</i>	
Константа / Constant	-4.120*
Проблема: Опасность для здоровья загрязнения окружающей среды / Problem: Environmental pollution as health dangers	0.313*
Ответственность за проблемы: Власть / Responsibility for problems: Power	0.593*
Ценности: Благополучие семьи / Values: Family welfare	0.246**
Ценности: Благополучие окружающего общества / Values: Society welfare	0.197**
Возраст / Age	0.012**
Log likelihood	-575.45
Probability (LR-statistics)	0.000
<i>Тип ответственности 3. Экологические проблемы в месте моего проживания должны решаться бизнесом / Type of responsibility 3. Environmental problems in my area should be solved by business</i>	
Константа / Constant	-6.175*
Ответственность за проблемы: Бизнес / Responsibility for problems: Business	0.897*
Ценности: Благополучие семьи / Values: Family welfare	0.285**
Ценности: Благополучие окружающего общества / Values: Society welfare	0.200*
Возраст / Age	0.012**
Доход / Income	0.003***
Образование / Education	0.526*
Log likelihood	-691.48
Probability (LR-statistics)	0.000
<i>Тип ответственности 4. Только совместные действия власти, бизнеса и населения могут по-настоящему решить экологические проблемы в месте моего проживания / Type of responsibility 4. Only joint actions by the government, business and the population can truly solve environmental problems in the place where I live</i>	
Константа / Constant	-1.576**
Проблема: Загрязнение почвы / Problem: Soil pollution	0.236*
Ответственность за проблемы: Бизнес / Responsibility for problems: Business	0.371*
Ценности: Личное благополучие / Values: Personal welfare	-0.242**
Ценности: Чистая окружающая среда / Values: Clean environment	0.420*
Ценности: Благополучие окружающего общества / Values: Society welfare	0.193**
Ценности: Власть / Values: Power	-0.168*
Пол / Sex	-0.561*
Образование / Education	0.446*
Log likelihood	-481.05
Probability (LR-statistics)	0.000

На принятие персональной ответственности и признание необходимости личного вклада в решение экологических проблем отрицательно влияет возраст и положительно – уровень образования. Иными словами, данная практика более свойственна молодым людям с высшим образованием. Положительное влияние на принятие личной ответственности также оказывают (здесь и далее в порядке убывания влияния) осознание ценности чистой окружающей среды, понимание проблемы уничтожения лесов, признание личного вклада в загрязнение окружающей среды и стремление

к общественному признанию. Ценность личного благосостояния оказывает отрицательное влияние на вероятность проявления такого типа ответственности.

Отнесение ответственности за решение экологических проблем в сферу ведения государственных и муниципальных органов власти обусловлено возрастом (чем старше респондент, тем более он склонен к такой точке зрения). Также вероятность придерживаться этой позиции возрастает у тех, кто считает, что экологические проблемы в месте его проживания во многом вызваны политикой государства и местных властей и осознающих опасность загрязнения окружающей среды для здоровья людей. Значимыми факторами также являются приверженность ценностям благосостояния семьи и благосостояния окружающего общества.

На перекладывание ответственности за решение экологических проблем на бизнес положительно влияют факторы возраста, дохода и образования. Данная позиция характерна для людей старшего возраста, имеющих высокий уровень дохода и образования. Они убеждены в том, что бизнес является основным источником загрязнения окружающей среды, и придают большое значение ценностям благосостояния семьи и общества.

Точка зрения о совместной ответственности власти, бизнеса и населения в решении экологических проблем в месте проживания положительно обусловлена фактором образования и отрицательно – мужским полом. Следовательно, этот подход более характерен для женщин с высоким уровнем образования. Вероятность его принятия выше у тех, кто придерживается ценностей чистой окружающей среды, благосостояния окружающего общества, считает бизнес ключевым загрязнителем окружающей среды, а также признает важность проблемы загрязнения почвы. При этом приверженность ценностям личного благосостояния и власти отрицательно влияет на вероятность принятия совместной ответственности за решение экологических проблем.

Проэкологическое поведение индивидов включает в себя множество практик, полная формализация которых затруднительна. На основе пилотного этапа исследования нами были выделены 11 из них, соответствующие трем типам проэкологического поведения по Stern: природоохранному активизму (*environmental activism*), неактивистскому поведению в публичной сфере (*nonactivist behaviors in the public sphere*) и бытовым проэкологическим практикам (*private-sphere environmentalism*).

Рассмотрим влияние пола, возраста, дохода, образования и ценностных ориентаций респондентов на эти практики. Наиболее значимые факторы отражены в спецификации 3, значимые и вторичные – в спецификации 2 (табл. 3).

Как уже отмечалось, природоохранный активизм не распространен в Мурманской области. Основные факторы, влияющие на решение присоединиться к природоохранным организациям, – уровень дохода, пол, ценность благосостояния семьи (табл. 2). Факторы, обуславливающие реализацию практики «по собственной инициативе разбираюсь с загрязнителями природы» более разнообразны. Положительно влияют на нее осознание ценностей чистой окружающей среды, благосостояния окружающего общества и карьеры, отрицательно – возраст, ценность личного благосостояния и мастерства в своем деле.

На проактивное поведение (организацию субботников и уборки территории) положительное влияние оказывают доход, ценности чистой окружающей среды,

мастерства в своем деле и общественного признания, а отрицательное – ценность личного благосостояния.

На активное взаимодействие с органами власти выраженное положительное влияние оказывает доход, ценности чистой окружающей среды и благосостояния окружающего общества. Отрицательно влияют на реализацию данной практики факторы возраста, ценностей личного благосостояния, бережливости и мастерства в своем деле (табл. 3).

Таблица 3. Факторы реализации проэкологических практик в сфере природоохранного активизма

Table 3. Factors in the implementation of pro-environmental practices in the field of environmental activism

Переменные / Variables	Спецификация 1 / Specification 1	Спецификация 2 / Specification 2	Спецификация 3 / Specification 3
1	2	3	4
<i>Практика 1. Состою в природоохранных организациях / Practice 1. I am a member of environmental organizations</i>			
Пол / Sex	1.050**	1.120**	1.283**
Возраст / Age	-0.016	-0.013	
Доход / Income	0.011*	0.011*	0.009*
Образование / Education	-0.583	-0.703	
Константа / Constant	-4.373*	-10.013*	-10.645*
Ценности: Благосостояние семьи / Values: Family welfare		1.179**	1.133**
Log likelihood	-105.45	-93.23	-94.73
Probability (LR-statistics)	0.001	0.000	0.000
<i>Практика 2. По собственной инициативе разбираюсь с загрязнителями природы / Practice 2. I deal with nature's polluters on my own initiative</i>			
Пол / Sex	0.193	0.223	
Возраст / Age	-0.021*	-0.028*	-0.023*
Доход / Income	0.004	0.004	
Образование / Education	-0.225	-0.263	
Константа / Constant	-1.547*	-2.214**	-2.188*
Ценности: Личное благосостояние / Values: Personal welfare		-0.261**	-0.345*
Ценности: Чистая окружающая среда / Values: Clean environment		0.372**	0.347***
Ценности: Благосостояние окружающего общества / Values: Society welfare		0.274**	0.271**
Ценности: Работа и мастерство / Values: Work and skill		-0.163	-0.251***
Ценности: Карьера / Values: Career			0.222**
Log likelihood	-379.01	-371.29	-371.72
Probability (LR-statistics)	0.007	0.000	0.000
<i>Практика 3. Иницирую субботники, уборку мусора на общей территории и в лесу / Practice 3. I initiate clean-up days, garbage collection in common areas and in the forest</i>			
Пол / Sex	-0.302	-0.330	
Возраст / Age	0.011	0.010	
Доход / Income	0.008*	0.008*	0.006*
Образование / Education	0.005	-0.005	
Константа / Constant	-3.099*	-2.487*	-4.850*

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4
Ценности: Личное благосостояние / Values: Personal welfare		-0.129	-0.350*
Ценности: Чистая окружающая среда / Values: Clean environment			0.385**
Ценности: Работа и мастерство / Values: Work and skill			0.339**
Ценности: Общественное признание / Values: Public recognition			0.162***
Log likelihood	-359.32	-358.71	-350.67
Probability (LR-statistics)	0.010	0.013	0.000
<i>Практика 4. Выступал/выступаю с экологическими инициативами и обращениями в органы власти / Practice 4. I spoke / I speak with environmental initiatives and appeals to government bodies</i>			
Пол / Sex	0.314	0.110	
Возраст / Age	-0.031***	-0.057*	-0.052*
Доход / Income	0.007***	0.009**	0.010*
Образование / Education	0.469	0.492	
Константа / Constant	-3.637*	-3.882***	-3.879***
Ценности: Личное благосостояние / Values: Personal welfare		-0.516**	-0.513**
Ценности: Чистая окружающая среда / Values: Clean environment		0.933**	0.968**
Ценность: Бережливость / Values: Thrift		-0.680*	-0.685*
Ценности: Благосостояние окружающего общества / Values: Society welfare		1.045*	1.014*
Ценности: Работа и мастерство / Values: Work and skill		-0.649*	-0.634*
Log likelihood	-105.17	-88.13	-88.55
Probability (LR-statistics)	0.074	0.000	0.000

Примечание / Note: *** – коэффициент значим на уровне 10 % / coefficient is significant at the 10% level, ** – коэффициент значим на уровне 5 % / coefficient is significant at the 5% level, * – коэффициент значим на уровне 1 % / coefficient is significant at the 1% level.

Значимыми факторами, влияющими на готовность жертвовать средства для природоохранных организаций, являются доход (положительное) и возраст (отрицательное влияние).

Для взаимодействия с органами правопорядка в сфере экологических нарушений значимы ценностные факторы: ценности чистой окружающей среды и карьеры оказывают положительное, а ценность власти – отрицательное влияние.

Наиболее широко распространенная среди населения практика присоединения к субботникам, уборке мусора на общей территории и в лесу положительно определяется факторами дохода, образования, а также приверженностью ценностям личного благосостояния, чистой окружающей среды и традиционным ценностям. Отрицательное влияние на вероятность реализации данной практики оказывает принадлежность к мужскому полу.

Проэкологическая активность в бытовой сфере является самой широко распространенной среди типов проэкологического поведения. В рамках нее имеется существенная дифференциация как по распространению отдельных практик,

так и по факторам, определяющим их реализацию. Так, на покупку продуктов с экомаркировкой положительно влияют ценности чистоты окружающей среды и благосостояния окружающего общества. Список факторов, отрицательно влияющих на данные практики, включает принадлежность к мужскому полу, возраст и ценностную ориентацию на личное благосостояние.

Основными факторами, определяющими предрасположенность к сортировке бытовых отходов перед их утилизацией, являются ценности чистой окружающей среды и благосостояния окружающего общества. Факторы, снижающие вероятность реализации данной практики, – доход (более обеспеченные менее склонны к сортировке мусора) и связанная с ним ценность личного благосостояния.

Для двух оставшихся практик – использования минимального количества одноразовой посуды и принципиального отношения к тому, чтобы никогда не бросать мусор на землю – также значимое положительное воздействие оказывают ценности чистой окружающей среды и благосостояния окружающего общества. Для последней значимое положительное воздействие оказывает еще и доход индивида. Среди общих отрицательно действующих факторов можно выделить принадлежность к мужскому полу. Для практики минимизации использования одноразовой посуды можно отметить также отрицательное воздействие фактора возраста и ценности личного благосостояния.

Обсуждение и заключение. Основными экологическими проблемами в Мурманской области, по мнению ее населения, являются загрязнение воздуха и проблема бытового мусора и промышленных отходов. Ответственность за них респонденты возлагают на бизнес и власть, лишь 9 % осознают свою личную вину.

Ответственность за решение экологических проблем возлагается на совместные усилия власти, бизнеса и населения. Наиболее широко распространенные проэкологические практики – отказ от выбрасывания мусора на землю, участие в субботниках и минимизация использования одноразовой посуды и упаковки из полиэтилена. Мало кто выбирает действия, требующие дополнительных затрат и ответственности.

Принятие личной ответственности за решение экологических проблем (завершающая стадия перед экологическими практиками в модели Stern) положительно обусловлено ценностью чистой окружающей среды, осознанием личного вклада в создание экологических проблем, а также уровнем образования респондентов. Отрицательное воздействие оказывает приверженность ценности личного благосостояния.

Схожие факторы определяют и принятие совместной ответственности за решение экологических проблем: к факторам образования и ценности чистой окружающей среды прибавляется осознание ответственности бизнеса за возникновение указанных проблем и ценности благосостояния окружающего общества, а также принадлежность к женскому полу.

Социально-демографические характеристики респондентов и их ценностные ориентации оказывают дифференцированное воздействие на реализацию отдельных проэкологических практик.

Одним из наиболее важных факторов является осознание ценности чистой окружающей среды, увеличивающей вероятность наступления большинства практик,

за исключением членства в природоохранных организациях и жертвования средств на их деятельность.

Приверженность ценности бережливости, напротив, имеет отрицательную связь с реализацией целого ряда проэкологических практик. Можно предположить, что люди стремятся сэкономить время, избегая практик, которые требуют значительных временных затрат и результаты которых могут проявиться лишь в отдаленном будущем.

Ценность общественного благосостояния положительно связана с вероятностью разбирательств с загрязнителями природы по собственной инициативе, выступлениями с экологическими инициативами и обращениями в органы власти, покупкой продуктов с экомаркировкой, сортировкой бытовых отходов перед утилизацией, ориентацией на меньшее использование одноразовой посуды и полиэтиленовой упаковки, отказом от выбрасывания мусора на землю.

Фактор дохода положительно влияет на подавляющее большинство проэкологических практик, кроме сортировки отходов, а возраст, напротив, оказывает отрицательное влияние.

Ряд факторов могут оказывать разное влияние на выявленные типы проэкологического поведения. Так, принадлежность к мужскому полу положительно влияет на практики, относимые к природоохранному активизму, и отрицательно – на бытовые практики (покупка товаров с экомаркировкой, минимальное использование одноразовой посуды и т. д.).

Некоторые факторы оказывают различное по направленности воздействие в рамках разных практик даже внутри рассмотренных типов проэкологического поведения. Например, ценность мастерства в своем деле положительно влияет на организацию субботников и уборки общих территорий, но отрицательно – на самостоятельное преследование загрязнителей природы.

Одним из интересных наблюдений является хоть и невыраженное, но отрицательное влияние образования на практики природоохранного активизма, в то время как для остальных типов практик в рамках неактивистского поведения в публичной сфере и в быту образование респондентов играет положительную роль.

Указанные результаты позволяют сделать вывод о том, что население арктических территорий проявляет достаточно высокую активность в области природоохранной деятельности. Учитывая значение фактора осознания личного вклада в появление экологических проблем в месте проживания в формировании практик, относящихся к неактивистскому поведению в публичной сфере и природоохранному активизму, обоснованной является рекомендация для органов власти и природоохранных организаций проводить информационные и просветительские мероприятия, направленные на повышение уровня понимания причинно-следственных связей между бытовыми привычками и возникновением экологических проблем.

Перспективы дальнейших исследований связаны с детальным изучением муниципальной специфики проэкологического поведения и факторов, его определяющих. Отдельное внимание предполагается уделить моногородам Российской Арктики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Söderholm P., Svahn N. Mining, Regional Development and Benefit-Sharing in Developed Countries. *Resources Policy*. 2015;45:78–91. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2015.03.003>
2. Behringer K., Szegedi K. The Role of CSR in Achieving Sustainable Development-Theoretical Approach. *European Science Journal*. 2016;(12):10–25. <https://doi.org/10.19044/esj.2016.v12n22p10>
3. Poelzer G., Yu S. All Trust is Local: Sustainable Development, Trust in Government and Legitimacy in Northern Mining Projects. *Resources Policy*. 2021;70:101888. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101888>
4. Koivurova T., Buanes A., Riabova L., Didyk V., Ejdemo T., Poelzer G., et al. 'Social License to Operate': A Relevant Term in Northern European Mining? *Polar Geography*. 2015;38(3):194–227. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2015.1056859>
5. Lange F., Dewitte S. Measuring Pro-Environmental Behavior: Review and Recommendations. *Journal of Environmental Psychology*. 2019;63:92–100. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.04.009>
6. Ngoc Q.T.K., Xuan B.B., Börger T., Hien T.T., Hao T.V., Trinh D.T., Nghiep V.K. Exploring Fishers' Pro-Environmental Behavioral Intention and Support for Policies to Combat Marine Litter in Vietnam. *Marine Pollution Bulletin*. 2024;200:116143. <https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2024.116143>
7. Cao F., Jian Y. The Role of Integrating AI and VR in Fostering Environmental Awareness and Enhancing Activism among College Students. *Science of the Total Environment*. 2024;908:168200. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2023.168200>
8. Wei F., Abbas J., Alarifi G., Zhang Z., Adam N.A., de Queiroz M.J. Role of Green Intellectual Capital and Top Management Commitment in Organizational Environmental Performance and Reputation: Moderating Role of Pro-Environmental Behavior. *Journal of Cleaner Production*. 2023;405:136847. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.136847>
9. Majeed S., Kim W.G., Kim T. Perceived Green Psychological Benefits and Customer Pro-Environment Behavior in the Value-Belief-Norm Theory: The Moderating Role of Perceived Green CSR. *International Journal of Hospitality Management*. 2023;113:103502. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2023.103502>
10. Gansser O.A., Reich C.S. Influence of the New Ecological Paradigm (NEP) and Environmental Concerns on Pro-Environmental Behavioral Intention Based on the Theory of Planned Behavior (TPB). *Journal of Cleaner Production*. 2023;382:134629. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.134629>
11. Wang D., Xu Y., Wang Y., Chen Y. What Determines the Batteries Recycling Behavior of E-Bike Citizens in Guangzhou?: Integrating Place Identity and Environmental Concern into the Extended Norm Activation Model. *Heliyon*. 2024;10(9):e30234. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e30234>
12. Козловский В.В., Недосека Е.В., Тишков С.В. Экологические практики обращения с твердыми коммунальными отходами в малых городах европейской части Арктической зоны Российской Федерации. *Регионология*. 2022;30(1):129–154. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.129-154>
Kozlovskiy V.V., Nedoseka E.V., Tishkov S.V. Environmental Practices of Waste Management in the Small Towns of the European Part in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(1):129–154. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.129-154>
13. Tishkov S., Tleppayev A., Karginova-Gubinova V., Volkov A., Shcherbak A. Citizens' Behavior as a Driver of Energy Transition and Greening of the Economy in the Russian Arctic: Findings of a Sociological Survey in the Murmansk Region and Karelia. *Applied Sciences*. 2022;12(3):1460. <https://doi.org/10.3390/app12031460>
14. Перепелкин Н.А., Лукина А.В., Мхитарян С.В., Грошева Ю.В., Лукина Е.А. Исследование проэкологического поведения жителей московской агломерации. *Маркетинг и маркетинговые исследования*. 2023;(4):282–290. <https://doi.org/10.36627/2074-5095-2023-4-4-282-290>
Perepelkin N.A., Lukina A.V., Mkhitarian S.V., Grosheva Yu.V., Lukina E.A. Study of Pro-Environmental Behavior of Residents of the Moscow Agglomeration. *Marketing and Marketing Research*. 2023;(4):282–290. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.36627/2074-5095-2023-4-4-282-290>

15. Астратова Г.В., Руткаускас Т.К., Руткаускас К.В. Проблемы обращения твердых коммунальных отходов и ответственное потребление в зеленой экономике. *Отходы и ресурсы*. 2022;9(2). <https://doi.org/10.15862/08ECOR222>
Astratova G.V., Rutkauskas T.K., Rutkauskas K.V. Solid Municipal Waste Treatment Problems and Responsible Consumption in a Green Economy. *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*. 2022;9(2). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15862/08ECOR222>
16. Berthold A., Cologna V., Hardmeier M., Siegrist M. Drop Some Money! The Influence of Income and Subjective Financial Scarcity on Pro-Environmental Behavior. *Journal of Environmental Psychology*. 2023;91:102149. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2023.102149>
17. Рожнецова Е.В., Третьякова Е.А., Шимановский Д.В. Факторы проэкологического поведения граждан. *ЭКО*. 2023;53(2):123–136. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-2-123-136>
Rozhentsova E.V., Tretiakova E.A., Shimanovsky D.B. Factors of Pro-Ecological Behavior of Citizens. *ECO Journal*. 2023;53(2):123–136. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-2-123-136>
18. Bleidorn W., Lenhausen M.R., Hopwood C.J. Proenvironmental Attitudes Predict Proenvironmental Consumer Behaviors over Time. *Journal of Environmental Psychology*. 2021;76:101627. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101627>
19. Kilbourne W., Pickett G. How Materialism Affects Environmental Beliefs, Concern, and Environmentally Responsible Behavior. *Journal of Business Research*. 2008;61(9):885–893. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2007.09.016>
20. Hong J., She Y., Wang S., Dora M. Impact of Psychological Factors on Energy-saving Behavior: Moderating Role of Government Subsidy Policy. *Journal of Cleaner Production*. 2019;232:154–162. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.05.321>
21. Урам П., Скальски С., Квятковска А. Ценности и материализм как предикторы проэкологических установок. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2021;(4):678–686. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-87>
Uram P., Skalski S., Kwiatkowska A. Values and Materialism as Predictors of Pro-Environmental Attitudes. *The Herzen University Studies: Psychology in Education*. 2021;(4):678–686. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-87>
22. Александрова Е.С. Взаимосвязь проэкологического поведения и личностных ценностей индивида: гендерный аспект. *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2021;14(4):13–20. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2021-4-13-20>
Alexandrova E.S. Relationship of Proecological Behavior and Personal Values of the Individual: Gender Aspect. *Theoretical and Experimental Psychology*. 2021;14(4):13–19. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2021-4-13-20>
23. Kanzola A.-M., Papaioannou K., Petrakis P.E. Environmental Behavioral Perceptions under Uncertainty of Alternative Economic Futures. *Technological Forecasting and Social Change*. 2023;190:122428. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122428>
24. Stern P.C. New Environmental Theories: Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior. *Journal of Social Issues*. 2000;56(3):407–424. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>
25. Liobikienė G., Liobikas J., Brizga J., Juknys R. Materialistic Values Impact on Pro-Environmental Behavior: The Case of Transition Country as Lithuania. *Journal of Cleaner Production*. 2020;244:118859. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.118859>
26. Minelgaite A., Liobikienė G. Changes in Pro-Environmental Behaviour and its Determinants during Long-term Period in a Transition Country as Lithuania. *Environment, Development and Sustainability*. 2021;23:16083–16099. <https://doi.org/10.1007/s10668-021-01329-9>
27. Xu D., He J., Qing C., Zhang F. Impact of Perceived Environmental Regulation on Rural Residents' Willingness to Pay for Domestic Waste Management. *Journal of Cleaner Production*. 2023;412:137390. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.137390>
28. Xie B.C., Zhao W., Yin Z.L., Xie P. How Much Will the Residents Pay for Clean Energy? Empirical Study Using the Double Bound Dichotomous Choice Method for Tianjin, China. *Journal of Cleaner Production*. 2019;241:118208. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.118208>

Об авторах:

Волков Александр Дмитриевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории комплексного изучения Арктики Отдела комплексных научных исследований Карельского научного центра Российской академии наук (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-8483>, Researcher ID: [AAF-8665-2020](#), Scopus ID: [57211205634](#), SPIN-код: [2133-8597](#), kov8vol@gmail.com

Рослякова Наталья Андреевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории комплексного изучения Арктики Отдела комплексных научных исследований Карельского научного центра Российской академии наук (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7511-2141>, Researcher ID: [P-6162-2015](#), Scopus ID: [57209798987](#), SPIN-код: [7405-4998](#), na@roslyakova24.ru

Заявленный вклад авторов:

А. Д. Волков – постановка проблемы исследования; сбор и анализ данных; подготовка текста статьи; формулирование результатов исследования и выводов.

Н. А. Рослякова – анализ данных; подготовка текста статьи; формулирование результатов исследования и выводов.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 17.08.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 16.12.2024.

About the authors:

Alexander D. Volkov, Cand.Sci. (Econ.), Senior Researcher, Laboratory of Integrated Arctic Research, Department of Integrated Scientific Research of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (50 Prospekt A. Nevskogo, Petrozavodsk 185030, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-8483>, Researcher ID: [AAF-8665-2020](#), Scopus ID: [57211205634](#), SPIN-code: [2133-8597](#), kov8vol@gmail.com

Natalia A. Roslyakova, Cand.Sci. (Econ.), Senior Researcher, Laboratory of Integrated Arctic Research, Department of Integrated Scientific Research of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (50 Prospekt A. Nevskogo, Petrozavodsk 185030, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7511-2141>, Researcher ID: [P-6162-2015](#), Scopus ID: [57209798987](#), SPIN-code: [7405-4998](#), na@roslyakova24.ru

Contribution of the authors:

A. D. Volkov – formulation of the research problem; data collection and analysis; preparation of the text of the article; formulation of research results and conclusions.

N. A. Roslyakova – data analysis; preparation of the text of the article; formulation of research results and conclusions.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 17.08.2024; revised 28.10.2024; accepted 16.12.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат».

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем*

и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** (оформляется в формате Vancouver версии AMA). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., должность и ученое звание, организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, SPIN-код, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *.jpg или *.tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 32-86-14.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* system.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should

be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the Vancouver Citation Style. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Natalya V. Shumkova – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 32 86 14.

Регионология

Редактор *Е. С. Суркова.*

Компьютерная верстка *Е. А. Климкиной.*

Перевод *С. В. Голованова.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Пармонова.*

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Реестровая запись ПИ № ФС77-85159 от 27 апреля 2023 г.

Подписано в печать 19.03.2025. Дата выхода в свет 31.03.2025. Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 14,3. Тираж 1 000 экз. I завод – 100 экз. Заказ № 134. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.

Desktop publishing by *E. A. Klimkina*.

Translation by *S. V. Golovanov*.

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); Registry Entry PI No. FS77-85159 of 27 April 2023.

Signed to print 19.03.2025. Date of publishing 31.03.2025. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 14.3. Number of copies: 1,000. 1st edition – 100 copies. Order No. 134. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshhevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshhevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.

